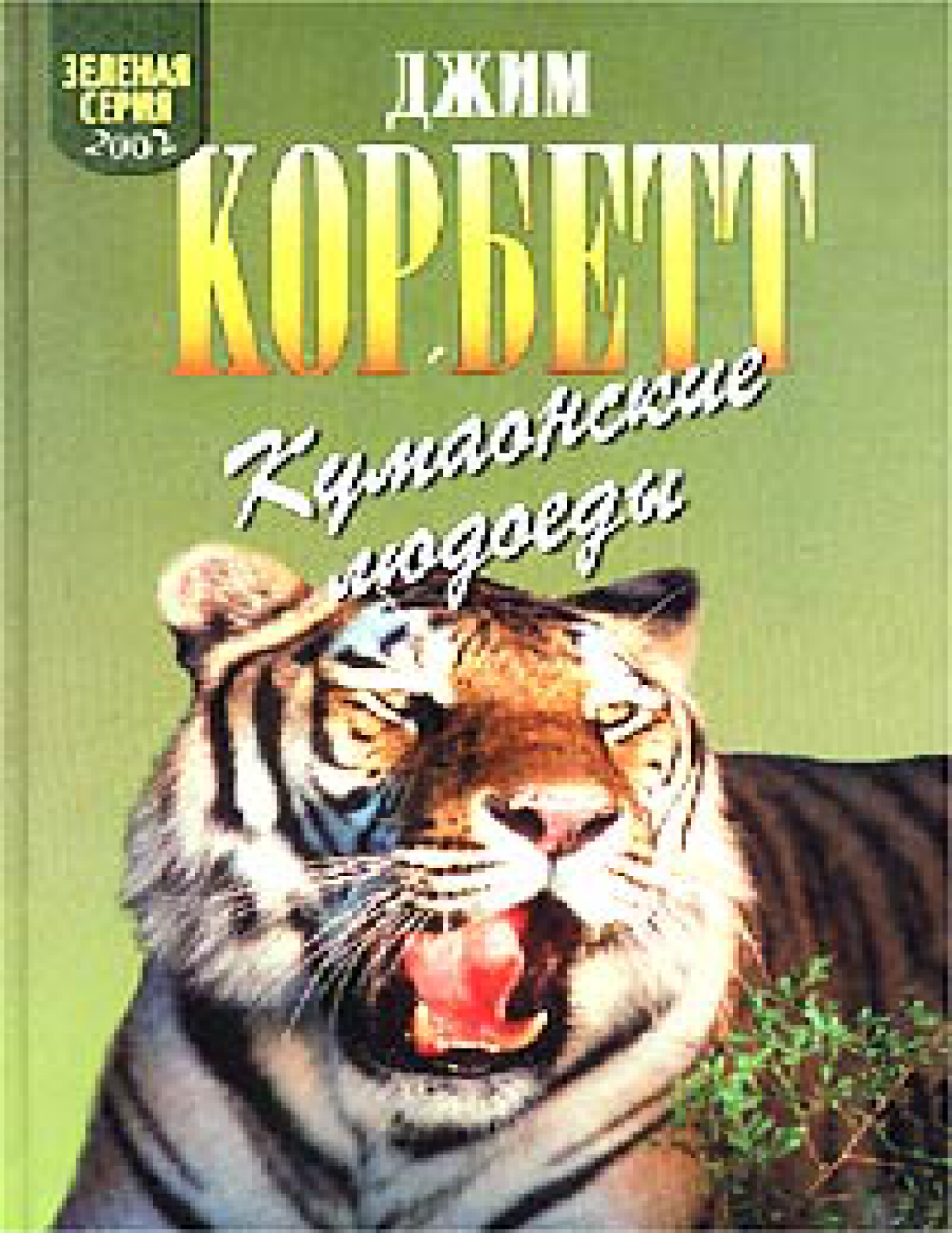
Зеленая серия

Джим Корбетт

Кумаонские людоеды



SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Аннотация от Gautier Sans Avoir (*выполнил доработку эл. книги и корректуру с бум. изданиями*):

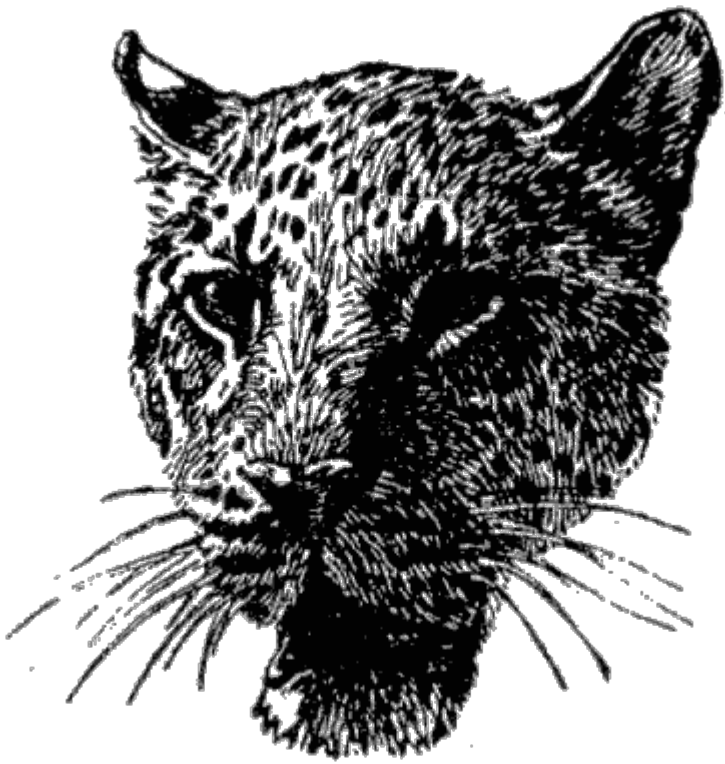
Во второй книге английского автора Джима Корбетта (1875–1955) описывается его охота за знаменитым леопардом-людоедом, с 1918 по 1926 гг. терроризировавшим население на территории в пятьсот квадратных миль на севере Индии. Об этот леопарде (известном как «Рудрапраягский») упоминалось в прессе целого ряда стран, вплоть до Гонконга и Южной Африки. Зверь, действовавший по ночам, бродил по деревням, выламывая двери хижин, загрызая и утаскивая людей. На восемь лет вся ночная жизнь в царстве леопарда замерла; в более чем 70-ти деревнях им было растерзано 125 человек. Несмотря на правительственные награды за ликвидацию леопарда и длительные усилия многих охотников, уничтожить его не удавалось. Джим Корбетт также выслеживал леопарда долгое время, причем равным образом был сам выслеживаем им, постоянно находя ночные следы зверя даже у своего порога. В конечном счете истребитель людоедов одержал победу.

- Джим Корбетт
  - Предисловие (1991 г.)
  - ДОРОГА ПИЛИГРИМОВ
  - ЛЮДОЕД
  - УЖАС
  - ПРИБЫТИЕ
  - ИССЛЕДОВАНИЕ
  - ПЕРВАЯ ЖЕРТВА[17]
  - КАК ОБНАРУЖИТЬ ЛЕОПАРДА
  - ВТОРАЯ ЖЕРТВА
  - ПРИГОТОВЛЕНИЯ
  - МАГИЯ
  - ЕДВА СПАСЛИСЬ
  - ЗАПАДНЯ
  - ОХОТНИКИ, ЗА КОТОРЫМИ ОХОТЯТСЯ
  - ОТСТУПЛЕНИЕ
  - РЫБОЛОВНАЯ ИНТЕРМЕДИЯ
  - СМЕРТЬ КОЗЛА
  - ОТРАВЛЕНИЕ ЦИАНИДОМ
  - НА ВОЛОСКЕ ОТ ГИБЕЛИ
  - УРОК ПРЕДОСТОРОЖНОСТИ
  - ОХОТА НА ДИКОГО КАБАНА

- БОДРСТВОВАНИЕ НА СОСНЕ
- МОЯ НОЧЬ УЖАСОВ
- ЛЕОПАРД СРАЖАЕТСЯ С ЛЕОПАРДОМ
- ВЫСТРЕЛ В ТЕМНОТЕ
- ЭПИЛОГ
- КРАТКИЕ СВЕДЕНИЯ О ЖИВОТНЫХ, УПОМИНАЕМЫХ В КНИГЕ
- ПЕРЕВОД АНГЛИЙСКИХ МЕР И КАЛИБРОВ РУЖЕЙ В МЕТРИЧЕСКУЮ СИСТЕМУ МЕР
- Примечания от выполнившего доработку
- Послесловие (1959 г.)

- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12
  - 13
  - 14
  - 15
  - 16
  - 17
  - 18
  - 19
  - 20
  - 21
  - 22
  - 23
  - 24
  - 25
  - 26
  - 27
  - 28
  - 29
  - 30
  - 31
  - 32

- ○ 33
- ○ 34
- ○ 35
- ○ 36
- ○ 37
- ○ 38
- ○ 39
- ○ 40
- ○ 41



Джим Корбетт
ЛЕОПАРД ИЗ РУДРАПРАЯГА

ВМЕСТО ЭПИГРАФА

«Еще и сейчас существует один леопард-людоед в центральных провинциях, который в разное время убил и съел четырех индийских спортсменов, попытавшихся на него охотиться. В последний раз я слышал, что он убил сорок человек, и благодаря всем известной манере съедать возможных своих убийц прожил очень „мирную“ и „безмятежную“ жизнь, разнообразя диету из человеческого мяса дичью и домашними животными».

Дж. Корбетт. «Леопард из Рудрапраяга»

Предисловие (1991 г.)

Джим Корбетт родился в 1875 году в Индии, в поселке Найни-Тал, расположенном в предгорьях Кумаонских Гималаев. В течение двадцати лет служил в управлении Индийских железных дорог. Во время первой мировой войны командовал соединением во Франции. Во время второй — обучал союзные войска действиям в условиях джунглей. В 1947 году полковник Корбетт переехал в Кению, где скончался в 1955 году.

С детства Корбетт проводил много времени в джунглях, стремясь изучить их жизнь, язык зверей и птиц, населяющих индийские леса. С 1907 года ему пришлось заняться охотой на крупных хищников-людоедов, на счету которых были десятки и сотни человеческих жизней.

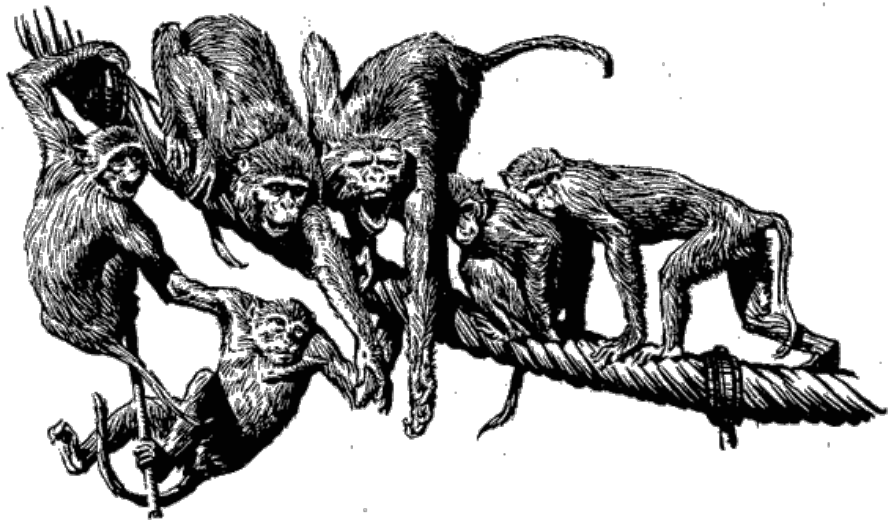
Первая книга Корбетта «Кумаонские людоеды» вышла в 1944 году. Документально точный и в то же время красочный язык автора, напряженность и увлекательность невыдуманных сюжетов обеспечили книге огромный успех. Вскоре весь мир признал выдающийся писательский дар этого скромного человека, никогда не афишировавшего своих побед в изнурительной и опасной борьбе с хищниками, к которым он всегда относился с симпатией и уважением.

В дальнейшем появились столь же захватывающие, интересные книги «Леопард из Рудрапраяга», «Моя Индия» и «Наука джунглей» (содержат красочное описание природы и жизни населения Северной Индии), а также «Храмовый тигр».

Джим Корбетт отдал много сил организации охраны природы. Первый в Индии национальный парк был основан по его инициативе в 1935 году и в настоящее время носит его имя.

Замечательные книги Корбетта представляют большой интерес для широкого круга читателей.

ДОРОГА ПИЛИГРИМОВ



Если вы индус,[1] родившийся на выжженных солнцем равнинах Индии, и хотите, как каждый добрый индус, совершить паломничество к древним святыням Кедарнатха и Бадринатха, вы должны начать ваше странствование из Хардвара. Для того чтобы в полной мере заслужить награду, которой вы удостоитесь за точное соблюдение правил паломничества, вам следует по дороге из Хардвара в Кедарнатх и далее, переваливая через горы по пути к Бадринатху, каждый свой шаг сделать босиком.

В Хардваре, погрузившись в воды священного водоема Хорки-паури {*так*}, выполнив darshan[2] во многих святилищах и храмах и добавив вашими медяками подаяние, собираемое в их сундуки, вам надо обязательно бросить монетку в пределах досягаемости гноящихся обрубков (когда-то рук) прокаженных, стоящих рядами в наиболее узкой части дороги пилигримов, выше священного водоема. Это необходимо, иначе прокаженные накличут беду на вашу голову. Кто знает, может быть, несчастные обладают властью выше вашего понимания, властью, скрытой в их мерзких лохмотьях или в пещерах, которые они считают своими домами. Лучше избежать проклятий подобных людей, потратив всего-навсего несколько медяков.

Вы сделали все, что обычай и религия требуют от доброго индуса, и теперь вольны начать ваше долгое и трудное паломничество.

Первое представляющее интерес место, куда вы придете, покинув Хардвар, это Рикикеш. Здесь вы прежде всего познакомитесь с храмом-школой Kalakamli wallahas, получившей

название из-за черного покрывала, которое носил его основатель и которые до сих пор носят его последователи. Это широкое одеяние имеет форму свободного плаща, опоясанного веревкой из козьей шерсти. Последователи школы известны всей стране своими добрыми делами. Я не уверен, сможет ли другое религиозное братство, которое вы встретите на пути своего паломничества, похвастаться такой известностью, но хорошо знаю, что братство Kalakamli wallahas пользуется заслуженной славой. И действительно, на пожертвования, которые собирают у священных гробниц и во многих храмах, ими построенных, они содержат госпитали, амбулатории и убежища для паломников, наконец, кормят бедных и нуждающихся.

Оставив Рикикеш позади, вы попадете в Лахман-Хьюлу, где дорога пилигримов пересекает Ганг с правого на левый берег по висячему мосту. Здесь следует остерегаться красных обезьян, наводняющих мост, так как они еще более назойливы, чем прокаженные Хардвара. Если только не умилостивить их сладостями или поджаренными зернами, то ваш проход по длинному и узкому мосту будет трудным и тягостным.

Через три дня путешествия вверх по левому берегу Ганга вы достигнете древней столицы Гарвала — Сринагара, исторического, религиозного и торгового центра большого значения, очень красивого города, удобно расположившегося в широкой, открытой долине, окруженной высокими горами. Именно здесь в 1805 году предки гарвальских солдат, которые столь доблестно воевали в двух мировых войнах, выступили в свой последний и безуспешный поход против захватчиков-гурков. [3] Древний город гарвальцев Сринагар со всеми дворцами его королей был снесен до последнего камня при разрушении плотины озера Гона-Лейк в 1894 году.

Эта плотина, оказавшаяся причиной оползня в долине Бирехи-Ганга, притока Ганга, была в основании шириной 11.000 футов, в верхней точке ее ширина достигала 2000 футов, а высота равнялась 900 футам. Когда плотина рухнула, освободилось 10 миллиардов кубических футов воды, разлившихся в течение шести часов. Хотя поток в долине Ганга ниже и справа по направлению к Хардвару все уничтожил на своем пути и смыл все мосты, погибла только одна семья и то лишь потому, что ее члены вернулись в опасную зону вскоре после того, как были насильственно оттуда удалены.

Выйдя из Сринагара, вы окажетесь перед трудным подъемом в Чатикал, с вершины которого открывается изумительный вид на долину Ганга и вечные снега, лежащие над Кедарнатхом.

День перехода из Чатикала, и вы увидите Голабраи, ряд

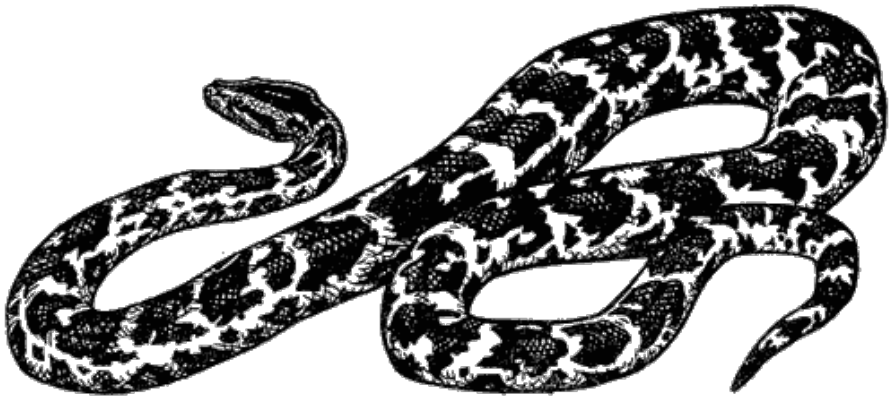
травянисто-тростниковых крыш убежищ для паломников — однокомнатных каменных помещений с питьевыми лотками; эти большие, внушительного вида водоемы наполняются маленькими ручейками кристально чистой воды, которые летом невозмутимо спускаются с гор по множеству желобов, грубо сколоченных из молодых сосенок. В другие времена года вода свободно и весело стекает каскадами по скалам, задрапированным мхами и папоротником венерин волос,[4] по роскошному ложу живой зелени жерухи и небесно-голубых стробилантов.

В ста метрах за убежищами для паломников, с правой стороны дороги, стоит манговое дерево. Это дерево и двухэтажный дом поблизости, принадлежащий пандиту (хозяину голобрайских паломнических убежищ), достойны того, чтобы их упомянуть, так как они играют важную роль в повести, которую я собираюсь рассказать.

Еще две мили по последнему ровному участку пути, и вы достигнете Рудрапраяга, где мы с вами, мой друг-паломник, должны расстаться, так как ваш путь лежит через Алакнанду и вверх по левому берегу Мандакини до Кедарнатха, в то время как мой — через горы к моему дому в Найни-Тале.

Дорога, предстоящая вам сейчас, протоптана миллионами подобных вам паломников. Она исключительно крутая и невероятно тяжелая; и вы, чьи легкие никогда не вдыхали воздух выше уровня моря, вы, кто никогда не поднимался на что-нибудь более высокое, чем крыша вашего дома, и чьи ноги никогда не ступали на что-то более жесткое и крепкое, чем поддающийся под ступнями песок, будете очень страдать от этой дороги.

Не один раз наступит момент, когда, едва переводя дыхание пред ликом крутых вершин, вы продолжите восхождение, с трудом передвигаясь на своих сочащихся кровью ногах, израненных на тяжком пути по скалам, по острой гальке и замерзшей глине. И тогда возникнет вопрос об ожидаемой награде, которую вы ищете: стоит ли она настоящей цены, оплачиваемой такими муками? Но вы как добрый индуист будете идти, успокаивая себя мыслью, что заслужить ее можно, лишь претерпев мучения, и чем сильнее страдания в этом мире, тем большая награда ожидает вас в будущем.



ЛЮДОЕД

«Prayag» на языке хинди означает «слияние». В Рудрапраяге встречаются две реки — Мандакини, спускающаяся из Кедарнатха, и Алакнанда, идущая из Бадринатха. Отсюда соединившиеся воды обеих рек носят название, известное всякому индусу как Ганга-Маи, а людям остальной части света как Ганг. Когда зверь, будь то леопард или тигр, становится людоедом, ему для отличия придают имя какого-либо места. Это имя, присвоенное людоеду, не всегда означает, что животное начало свою людоедскую карьеру в данном месте или что все произведенные им убийства ограничиваются данными пределами. Вполне естественно, что леопард, чьи привычки людоеда были обнаружены около маленькой деревушки в 12 милях от Рудрапраяга по Кедарнатхскому пути паломников, стал на всю жизнь известен как «Рудрапраягский леопард-людоед».

Леопард становится людоедом совсем по другим причинам, чем тигр. Наши леопарды — самые красивые и наиболее грациозные из всех животных в джунглях и никому не уступают в храбрости. И хотя мне весьма досадно и даже противно говорить об этом, но они питаются падалью, когда ранены или загнаны в тупик. Эта привычка доходит до того, что под влиянием голода они готовы пожирать любую дохлятину, которую находят в джунглях, совсем так, как это делают львы в африканских зарослях.

Народ Гарвала — индуисты. Своих умерших они сжигают. Кремация неизменно производится на отмелях ручьев и рек, с тем чтобы пепел мог быть смыт в Ганг и в конечном счете попал в море. Большинство деревень расположено высоко в горах, а потоки и реки находятся на расстоянии многих миль, на дне долины. Поэтому похороны влекут за собой значительное напряжение сил членов небольшой деревенской общины. Мало того, что одни должны отнести умершего, другим приходится трудиться на сборке и подноске топлива для кремации. В нормальной обстановке эти похоронные церемонии проводятся

весьма тщательно, но когда эпидемия свирепствует в горных поселениях и жители умирают в большом количестве, а оставшиеся в живых не могут выполнить ритуал, обряд похорон значительно упрощается. В этом случае в рот покойнику кладут горящий уголек, затем тело выносят к обрыву и сбрасывают вниз в долину.

Леопард, попавший в такой район, где отсутствует его естественная пища, находит эти трупы и очень скоро привыкает к вкусу человеческого мяса. Когда эпидемия снижается и восстанавливаются нормальные условия жизни, он встречается с новым положением — пища, к которой всегда был легкий доступ, исчезла, и тогда он начинает убивать людей. Во время эпидемии, которая разразилась в 1918 году и стоила Индии свыше миллиона жизней, гарвальцы очень сильно пострадали. И вот, когда эпидемия пошла на убыль, на сцене появился Рудрапраягский людоед.

Первый человек, чью смерть приписывают этому леопарду, погиб 9 июня 1918 года в деревне Баинджи, а последнее убийство произошло в деревне Бхаинсваре 14 апреля 1926 года. Между этими двумя датами количество убитых людей, по официальному отчету, равняется ста двадцати пяти.

Я не знаю, насколько эта цифра — сто двадцать пять — соответствует данным, которые приходили от служивших в то время в Гарвале правительственных чиновников и резидентов, но мне хорошо известно, что она неправильна, так как несколько убийств, происшедших во время моего пребывания в этих местах, не попали в донесения.

Приняв на веру сведения о меньшем количестве убийств, за которые ответственен людоед, я этим самым преуменьшил бы все то, что претерпел народ Гарвала в течение долгих восьми лет. Равным образом я не желаю в какой-либо мере умалить репутацию животного, которого гарвальцы считали самым знаменитым леопардом-людоедом всех времен.

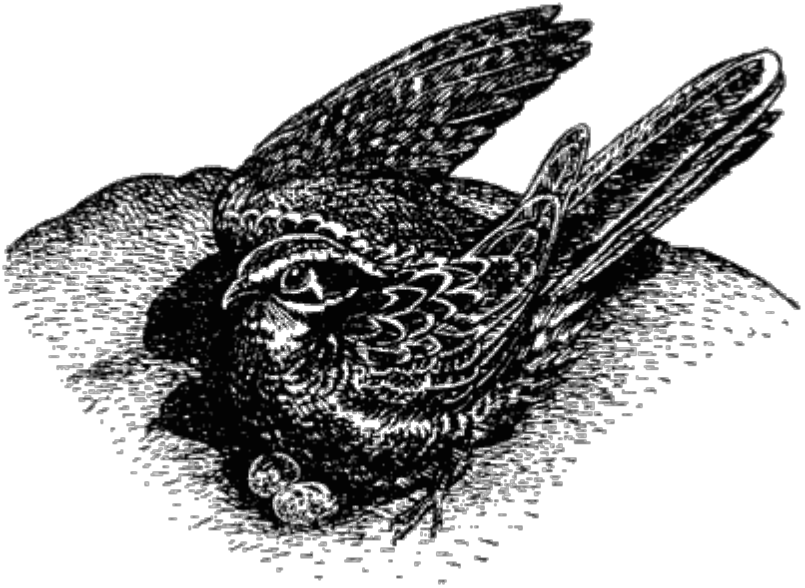
Какое бы ни было количество его человеческих жертв, жители Гарвала могли поспорить, что этот людоед был животным, о котором в печати появлялось сведений больше, чем о другом когда-нибудь жившем леопарде. Насколько мне известно, о нем упоминали в прессе Соединенного Королевства, Америки, Канады, Южной Африки, Кении, Малайи, Гонконга, Австралии, Новой Зеландии и в большинстве ежедневных и еженедельных изданий Индии.

Вдобавок к этой газетной известности («паблисити») россказни о людоеде разносились во все части Индии шестьюдесятью тысячами паломников, ежегодно посещающих

святыни Кедарнатха и Бадринатха.

Процедура отчетности, установленная правительством во всех случаях смерти человека, приписанных людоеду, заключалась в том, что родственники или друзья покойного немедленно после обнаружения происшествия подавали донесение деревенскому патвари.[5] Получив это сообщение, патвари отправлялся на место, и если тело жертвы не было найдено до его прихода, он организовывал поисковую группу и с ее помощью пытался найти труп. Если труп обнаруживали до прихода патвари или же его находила поисковая группа, патвари производил дознание на месте. Когда он убеждался в том, что убийство совершено леопардом, а не человеком, родственникам покойного давалось разрешение забрать останки для кремации или погребения в зависимости от кастовой принадлежности и религии жертвы. Происшествие должным образом регистрировалось в журнале, в графе активности людоеда в данном районе, и целый доклад о случившемся представлялся на рассмотрение комиссара — административного главы области, который в свою очередь вел официальный список, где указывал имена всех пострадавших. Однако если тело или часть его не были найдены, что и случалось порой, так как людоед имел досадное обыкновение утаскивать своих жертв на большое расстояние, то ввиду необходимости дальнейшего расследования решение по делу откладывалось и убийство официально не приписывалось людоеду. Опять-таки, если жертва была только покалечена и человек умер от ран, людоед, нанесший эти повреждения, не рассматривался как виновник смерти.

Несмотря на полезную систему добросовестной регистрации убийств, совершенных людоедами, вполне возможно, что одно из этих животных ответственно за большее число человеческих смертей, чем в конечном счете официально регистрируется, особенно в тех случаях, когда оно живет в течение многих лет.



УЖАС

Слово «ужас» обычно и повсюду употребляется в связи с ежедневными и тривиальными обстоятельствами. Поэтому оно вряд ли способно передать свой подлинный смысл. Вот почему мне бы хотелось дать вам кое-какое представление о том, что такое ужас, настоящий ужас для пятидесяти тысяч жителей, населявших Гарвал на площади в пятьсот квадратных миль, где действовал людоед, и для шестидесяти тысяч паломников, ежегодно проходивших по этой территории с 1918 по 1926 год включительно. Я хочу привести несколько отдельных случаев, показывающих, какие были основания у жителей и паломников ощущать этот ужас, почему они постоянно находились в страхе…

Никакой набат не оказывал такого категорического действия, как сигнал тревоги, подаваемый при появлении леопарда-людоеда из Рудрапраяга.

На этой территории жизнь текла обычным образом, пока светило солнце. Мужчины отправлялись на большие расстояния по своим делам, на базары или в другие деревни навещать родственников и друзей; женщины ходили к горам срезать тростник и дерн для сушки и покрытия крыш или для корма скоту; дети шли в школу или в джунгли пасти коз и собирать сухие ветки. Летом паломники в одиночку или большими партиями с трудом тащились по дороге.

Но как только солнце приближалось к горизонту на западе и тени начинали удлиняться, поведение всех людей, находившихся

в это время в ближайших окрестностях, претерпевало резкую и заметную перемену: мужчины, которые прогуливались по базарам или гостили в соседних деревнях, торопились по домам; женщины, тащившие тяжелые вязанки тростника и дерна, спотыкались, спеша спуститься с крутых горных склонов; детей, замешкавшихся по пути из школы домой или опоздавших пригнать стада коз и овец, а также тех, кого посылали принести вязанку сухих веток, сзывали обеспокоенные матери. Усталым паломникам местные жители напоминали о необходимости торопиться в убежища.

Когда наступала ночь, зловещая тишина нависала во всем районе — нигде ни звука, ни шороха, ни движения.

Все местное население хоронилось за крепко закрытыми дверями и во многих случаях обеспечивало дополнительную безопасность, пристраивая вторые двери. Те из паломников, кому не повезло и кто не смог найти приют внутри домов, устраивались на ночлег как можно ближе друг к другу в убежищах для паломников. И все люди — были ли они внутри домов или в убежищах — безмолвствовали, боясь привлечь внимание ужасного людоеда.

Вот что означал «ужас» для гарвальцев и паломников в течение долгих восьми лет.

Сейчас я вам приведу несколько примеров, чтобы показать, какие были для этого основания.

Мальчик, сирота четырнадцати лет, был нанят пасти стадо в сорок коз. Он принадлежал к угнетенной касте «неприкасаемых». [6] Каждый вечер, когда мальчик возвращался с работы, ему давали поесть и потом запирали в небольшом хлеве вместе с козами. Это помещение было на первом этаже двухэтажного строения и как раз под комнатой, которую занимал его хозяин, владелец коз. Мальчик отгородил задний левый угол хлева, чтобы не дать козам залезть на него, пока он спит.

Помещение не имело окон, дверь была только одна. Когда мальчик и козы благополучно загонялись внутрь, хозяин закрывал дверь и пропускал засов с небольшой цепью, укрепленной над дверью, в скобу, приделанную к перемычке двери. Затем, чтобы болт крепче держался, в эту скобу всовывался деревянный клин, а мальчик со своей стороны для большей безопасности приваливал к двери камень. В ту ночь, когда сирота отправился к своим праотцам, дверь, как утверждал его хозяин, была закрыта и укреплена обычным способом, и у меня нет оснований сомневаться в правдивости его рассказа. Это подтверждается и тем, что на двери виднеется много глубоких следов от когтей. Вполне возможно, что, пытаясь открыть дверь,

леопард когтями рвал доски и сместил деревянный клин, удерживавший засов на месте, после чего он легко отодвинул камень в сторону и проник в комнату.

Сорок коз, стиснутых в маленьком помещении, один угол которого был отгорожен, не могли дать пришельцу возможности свободно передвигаться, и остается только догадываться — пробрался ли леопард к месту, где спал мальчик, по спинам коз или же прополз под их брюхами, так как все козы должны были вскочить и стоять на ногах.

Мальчик, вероятно, спал, несмотря на весь шум, поднятый леопардом, пытавшимся проникнуть в помещение. Козы не помешали людоеду войти в комнату, и мальчику, защищенному от леопарда лишь тонкими планками, не к кому было взывать о помощи.

Когда он был убит в своем отгороженном углу, а козы выскочили наружу, леопард протащил мальчика через опустевшее помещение и дальше вниз через поля, идущие террасами, в глубокое, усыпанное валунами ущелье. Именно здесь спустя несколько часов после восхода солнца хозяин нашел то, что леопард оставил от его слуги.

Как бы это ни казалось невероятным, но из сорока коз ни одна не получила больше, чем простые царапины.

Сосед зашел к другу, чтобы вместе всласть покурить. Комната имела форму латинской буквы «L»; сидя на полу спиной к стене, оба соседа курили, и единственная дверь комнаты им не была видна — она была притворена, но не заперта, так как до этой ночи убийств людей в этой деревне не происходило.

В комнате было темно, и когда ее хозяин передавал кальян[7] своему приятелю, оттуда выпали на пол горящий уголек и табак.

Сказав, что следует быть поосторожнее, иначе можно поджечь одеяло, на котором приятели сидели, хозяин наклонился, чтобы собрать тлеющую золу, и в это время в поле его зрения попала дверь. Она была раскрыта, молодая луна готовилась зайти, и силуэтом на ее фоне вырисовывался леопард, тащивший через дверь тело его друга.

Через несколько дней, рассказывая мне об этом инциденте, оставшийся в живых человек сказал: «Это правда, саиб, когда я говорю, что ровным счетом ничего не слышал, хотя бы вздох или какой-либо другой звук от моего друга, сидевшего рядом на расстоянии только протянутой руки; я ничего не слышал ни тогда, когда его убивал леопард, ни тогда, когда понес. Ничего нельзя было сделать для него, и поэтому, подождав, пока леопард немного отошел, я подполз к двери, быстро закрыл ее и запер».

К жене старосты деревни, которая заболела лихорадкой,

позвали двух подруг, чтобы за нею ухаживать.

В доме было две комнаты. Одна из них, проходная, имела две двери: первая открывалась в небольшой замощенный плитками двор, другая вела во внутреннюю комнату. В этой же комнате в стене была узкая прорезь, служившая окном и расположенная на высоте четырех футов от пола. На окне (оно было открыто) стоял большой сосуд с питьевой водой для больной.

Внутренняя комната, за исключением двери, сообщающейся с внешней комнатой, не имела никакого другого прохода или отверстия во всех четырех стенах. Дверь, ведущая во двор, была заперта и надежно укреплена, а дверь между двумя комнатами широко раскрыта.

Трое женщин находились во внутренней комнате, они лежали на полу, причем больная посередине, между подругами. Муж лежал на кровати в проходной комнате около той стены, где было окно. На полу около его кровати стоял фонарь, освещавший соседнюю комнату, хотя для экономии керосина фитиль был прикручен.

Около полуночи, когда находившиеся в обеих комнатах люди спали, леопард пробрался через узкое окошко, каким-то чудесным образом не сбросив медный сосуд, стоявший на окне и почти закрывавший его, обошел низкую кровать мужа, прошел во внутреннюю комнату и убил больную. И только тогда, когда тяжелый медный сосуд свалился на пол при попытке леопарда поднять свою жертву и протащить через окно, спящие проснулись.

Когда в фонаре прибавили огонь, скрюченную женщину нашли под окном с четырьмя глубокими ранами от клыков на горле. Один из соседей, жена которого в эту ночь была с больной, описывая это происшествие, сказал: «Эта женщина была очень больна и, вероятно, все равно умерла бы; значит, это счастье, что леопард избрал именно ее».

Два брата гуджарата[8] перегоняли свое стадо из тридцати буйволов с одного пастбища на другое. Вместе с ними была двенадцатилетняя дочка старшего брата.

Братья были незнакомы с местностью; они или не слышали о людоеде, или, по всей вероятности, думали, что сами буйволы защитят их.

Недалеко от дороги, на горе в восемь тысяч футов, находилась узкая и ровная полоса земли, ниже которой лежало серповидное, спускающееся террасами поле в четверть акра; его давно не засевали. Мужчины избрали это место для разбивки лагеря. Они наломали кольев в ближайших зарослях, забили их поглубже в землю и привязали к ним своих буйволов в один длинный ряд. После того как ужин, приготовленный девочкой,

был съеден, все трое, завернувшись в одеяла, легли спать на узкой полоске земли между дорогой и буйволами.

Была темная ночь. Перед рассветом братья проснулись, разбуженные треньканьем колокольчиков, привязанных к шеям буйволов, и храпом испуганных животных. Зная по долгому опыту, что эти звуки предупреждают о близости хищного зверя, пастухи зажгли фонарь и подошли к буйволам, чтобы их успокоить и посмотреть, не порвалась ли одна из веревок, которыми они были привязаны к кольям.

Мужчины отсутствовали всего несколько минут. Когда они возвратились к месту, где лежали, то обнаружили, что оставленная спящей девочка пропала. На одеяле, на котором она лежала, были видны большие пятна крови.

Как только рассвело, отец и дядя пошли по кровавому следу. Они обошли привязанных буйволов, потом след повел их через узкое поле, дальше они спустились на несколько ярдов вниз по склону крутого холма к месту, где леопард съел свою жертву.

«Мой брат родился под несчастливой звездой, саиб. Он не имел сына, у него была только одна эта дочь, которая вскоре должна была выйти замуж. Полный надежд, он рассчитывал, что в скором времени у него будет наследник… а теперь появился леопард и съел ее».

Я мог бы продолжать рассказ в этом духе и дальше, так как подобных происшествий было очень много и каждое имело свой собственный трагический конец, но думаю, что сказал достаточно и убедил вас в том, что у народа Гарвала имелись серьезные основания испытывать ужас перед леопардом-людоедом из Рудрапраяга. Это особенно станет понятным, если вспомнить, что гарвальцы очень суеверны и что вдобавок к их страху перед физическим соприкосновением с леопардом примешивался еще больший страх сверхъестественного. Такой пример я сейчас приведу.

Однажды рано утром я вышел из небольшого однокомнатного бунгало рудрапраягской полицейской инспекции и как только появился на веранде, увидел в пыли, там, где почва была истоптана человеческими ногами, следы лап людоеда.

Следы были вполне свежие. Очевидно, леопард сошел с веранды всего за несколько минут перед моим появлением; направление следов показывало, что после бесплодного посещения бунгало людоед прошел расстояние примерно в пятьдесят ярдов в сторону дороги паломников.

Тропить[9] дальше между бунгало и дорогой было невозможно из-за очень твердой поверхности грунта, но как только я дошел до ворот, заметил, что следы идут в направлении

на Голабраи. Вчера вечером большое стадо овец и коз прошло по дороге, и на осевшей пыли, поднятой ими, следы леопарда вырисовывались так же ясно, как на свежевыпавшем снегу.

К тому времени я прекрасно ознакомился со следами лап людоеда, и мне было нетрудно отличить их от каких-либо других следов целой сотни леопардов.

Массу сведений можно получить, глядя на следы хищного зверя: по ним можно определить, например, пол, возраст и величину животного. Когда я увидел следы людоеда первый раз и тщательным образом изучил их, я узнал, что это самец, более крупный, чем обычно, но далеко не первой молодости.

Направляясь этим утром по следам людоеда, я понял, что он обогнал меня всего на несколько минут и движется вперед медленными шагами.

В эти ранние утренние часы на дороге, извивавшейся по неглубоким лощинам, не было движения. Возможно, именно по этой причине леопард изменил своей привычке никогда не показываться при дневном свете. Поэтому я крайне осторожно огибал каждый угол, пока не обнаружил, что на расстоянии мили леопард сошел с дороги и большими шагами направился в густые джунгли.

В ста ярдах от места, где леопард покинул дорогу, находилось небольшое поле, посередине которого была установлена ограда из боярышника, сделанная хозяином поля, чтобы побудить гуртовщиков останавливаться здесь на привал. Хозяин получал возможность собирать помет коз и овец на удобрение. Внутри ограды находилось стадо, проходившее по дороге накануне вечером.

Судя по обветренному лицу человека — владельца отары, можно было сразу предположить, что он занимался своим ремеслом гуртовщика и коробейника, бродя взад и вперед по дороге паломников, никак не меньше полстолетия. Когда я подошел, он как раз убрал колючую изгородь, закрывавшую вход в ограду. Отвечая на мои вопросы, он сказал, что не заметил никаких признаков леопарда, правда, как только занялась заря, две его овчарки подали голос, а чуть позже немного дальше по дороге, в джунглях, были слышны лающие звуки, издаваемые каркером.

Когда я спросил старого гуртовщика, может ли он мне продать одну козу, он захотел узнать, для чего она мне нужна. Когда я сказал, что хочу привязать козу как приманку для людоеда, гуртовщик вход в ограду закрыл, взял у меня одну сигарету и сел спиной к дороге на небольшом скалистом выступе.

Некоторое время мы молча курили; вопрос мой все еще

оставался без ответа. Потом он начал говорить: «Без сомнения, саиб, вы именно тот человек, о котором я слышал по пути из моей деревни около Бадринатха. Меня весьма опечаливает, что вы проделали этот очень длинный путь от своего дома совершенно напрасно. Злой дух — виновник всех человеческих смертей в этом районе, а не животное, как вы думаете. Он не может быть убит пулей, или дробью, или какими-либо другими способами, которые пробовали вы или кто угодно до вас. В доказательство того, что я говорю правду, расскажу вам, пока выкурю вторую сигарету, один случай.

Эта история поведана мне отцом, а как известно каждому, никто не мог сказать о нем, чтобы он лгал.

Мой отец был тогда молодым человеком, а я еще не родился, когда злой дух, подобный тому, что теперь тревожит эту землю, появился в нашей деревне, и все говорили: это леопард. Мужчины, женщины и дети то и дело погибали в своих домах, и люди делали все возможное, как и сейчас, чтобы убить хищника. Расставлялись ловушки, и лучшие охотники с деревьев стреляли пулями по леопарду. Но когда все эти попытки убить его оказались тщетными, великий ужас охватил народ, и никто не осмеливался покинуть убежище или дом между закатом и восходом солнца.

Тогда староста деревни, где жил отец, и старосты окрестных деревень созвали всех людей на панчаят — местный сельский суд, — и, когда все явились, судьи обратились к присутствующим с просьбой придумать какие-нибудь новые средства, чтобы избавиться от леопарда-людоеда. Тогда один старик, только что пришедший с места, где сжигали умерших, чей внук предыдущей ночью был убит, поднялся и сказал, что вовсе не леопард вошел к нему в комнату и убил спящего рядом с ним внука, но один из членов их деревенской общины, который, как только почувствует голод и жажду до человечьего мяса и крови, принимает обличье леопарда; вот почему его нельзя убить обычными испробованными способами и это было уже достаточно хорошо доказано. Его можно уничтожить только огнем. Он подозревает одного толстого садху,[10] который живет в лачуге около разрушенного храма.

Когда он кончил говорить, поднялся большой шум. Некоторые кричали, что горе от потери внука свело старика с ума, в то время как другие уверяли, что он прав, и вспоминали, что садху пришел в деревню примерно в то время, когда начались убийства. Они вспоминали дальше, что на следующий после убийства день садху все время спал, раскинувшись на своей лежанке прямо под солнцем.

Когда был восстановлен порядок, дело долго обсуждалось, и панчаят в конце концов решил никаких немедленных шагов не предпринимать, но в дальнейшем за всеми поступками садху установить постоянное наблюдение.

Собравшиеся люди разделились на три группы — первая группа должна была начать наблюдения примерно с той ночи, когда ожидалось следующее убийство, а они происходили через более или менее определенные промежутки времени.

В течение многих ночей первая и вторая группы были на страже, но садху не покидал своей лачуги.

Мой отец был в третьей группе. Когда настала ночь, он тихо встал на свой пост. Вскоре после этого дверь лачуги открылась, появился садху и исчез в темноте ночи. Несколькими часами позже раздался стон агонии; он пронесся в ночном воздухе сверху, оттуда, где высоко на горе ютилась хибарка угольщика; вслед за этим опять наступила тишина.

Ни один человек из группы отца не сомкнул глаз этой ночью, и, когда на востоке занялась еще серая заря, они увидели садху, спешившего домой; с его пальцев и изо рта капала кровь.

Когда садху вошел в свою лачугу и закрыл дверь, все сторожившие подошли и, пропустив цепь, свисавшую с нее, через скобу на косяке, накрепко замкнули эту дверь снаружи. Потом каждый отправился к своему стогу и вернулся с большой охапкой соломы. Когда поднялось солнце в это утро, там, где была лачуга садху, ничего не осталось, кроме тлеющей золы. С этого дня убийства прекратились.

До сих пор подозрение не пало ни на одного из многих садху, живущих в этих местах, но, когда это случится, тот же метод будет применен и здесь, а пока сей день не придет — народу Гарвала придется страдать.

Вы меня спрашивали, продам ли я вам козу. Я не продам вам ее, саиб, так как у меня нет лишней. Но если вы после того, как выслушали мой рассказ, все-таки хотите привязать животное для того, кого вы считаете леопардом-людоедом, я могу одолжить вам одну из своих овец. Если она будет убита, вы мне уплатите ее цену, если нет — никаких денежных расчетов между нами не должно быть. Этот день и ночь я останусь здесь, а завтра с восходом Бхутиа[11] я должен быть уже в пути».

В этот вечер, в час заката солнца, я снова пришел к колючей ограде, и мой друг гуртовщик радушно дал мне возможность выбрать из своего стада жирную овцу, которая мне показалась достаточно тяжелой, чтобы леопарду хватило еды на две ночи. Эту овцу я привязал в кустарниковых джунглях рядом с той тропой, по которой каких-нибудь двенадцать часов назад прошел

леопард.

Наутро я рано поднялся и, выходя из бунгало, снова увидел следы лап зверя на веранде. У ворот я заметил, что он пришел со стороны Голабраи, посетил бунгало и ушел в сторону рудрапраягского базара.

Тот факт, что леопард старался заполучить человеческое мясо, доказывал, что овца, которую я приготовил, не интересовала его. Поэтому я не удивился, увидев, что он не съел ни одного куска от овцы, которую убил, очевидно, очень скоро вслед за тем, как я ее привязал.

«Отправляйтесь-ка домой, саиб. Не тратьте понапрасну ваше время и деньги», — вот такой совет дал мне на прощание старый гуртовщик, когда он скликал стадо, чтобы направиться вдоль по дороге в направлении Хардвара.

Нечто подобное, к счастью без трагического конца, произошло вблизи Рудрапраяга за несколько лет до этого.

Разгневанная толпа, приведенная в ярость убийством родных и друзей и уверенная, что виновником их смертей является какое-нибудь человеческое существо, схватила одного несчастного садху — Дазьюлапатти из деревни Котхги. Но прежде чем людям удалось утолить свою жажду мести, Филипп Мейсон, бывший в то время специальным уполномоченным Гарвальской администрации и раскинувший поблизости свою палатку, появился на месте действия. Оценив и учтя настроение толпы, будучи человеком с большим опытом, Мейсон сказал, что у него нет сомнений и схвачен настоящий виновник, но, прежде чем садху будет линчеван, справедливость требует, чтобы его вина была установлена. С этой целью он предложил, чтобы садху был посажен под арест и денно и нощно строго охранялся. Это предложение толпа приняла, и в течение семи дней и ночей садху тщательно охраняла полиция; так же старательно стерегли его все местные жители. На восьмое утро, когда постовой и охранявшие его были сменены, пришло известие, что в деревне за несколько миль от этого места был сломан дом и унесен человек.

Население не стало возражать, чтобы садху сейчас же освободили, успокаивая себя тем, что на этот раз был задержан не тот человек и что в следующий раз ошибка не будет допущена.

В Гарвале все убийства, сделанные злодеем, приписывали садху, а в округах Найни-Тал и Алмора — бокхсарам, которые жили в нездоровой местности — полосе травянистой земли у подножия гор, прозванных Терли. Эти люди жили главным образом охотой.

Считали, что садху убивают, утоляя свое вожделение к человеческому мясу и крови, а бокхсары будто бы убивают из-за

желания воспользоваться драгоценностями или чем-нибудь другим ценным, что имели их жертвы.

В Найни-Тале и Алморе людоеды убивали больше женщин, чем мужчин, но для этого имелись несколько другие, более серьезные основания, чем только что изложенные.

Слишком долго я жил в мире безмолвия, чтобы дать волю воображению. И все-таки в течение месяцев, что я провел в Рудрапраяге, сидя ночь за ночью — однажды двадцать восемь ночей подряд, — и наблюдая за мостами, скрещениями дорог и подходами к деревням, находясь в засаде у трупов животных или людей, я много раз пытался представить себе людоеда. Он являлся передо мной как крупное светлоокрашенное животное с телом леопарда и головой дьявола-оборотня. Оборотня, который следил за мной в течение долгих ночных часов, трясясь в беззвучном дьявольском хохоте, глядя на мои тщетные попытки перехитрить его, облизываясь в предвкушении того, как он, улучив момент, когда я не буду настороже, вонзит свои зубы в мое горло.

Могут спросить: что делало правительство все эти годы, в течение которых Рудрапраягский людоед угрожал народу Гарвала? Я не являюсь сторонником и защитником правительства, но после того, как я провел десять недель на «территории людоеда», исходил много сотен миль и посетил большинство деревень, я удостоверяю, что правительство делало все, что было в его силах, чтобы предотвратить несчастья. Были назначены награды: местное население знало, что они доходили до десяти тысяч рупий наличными плюс доходы с двух деревень. Это являлось достаточным стимулом для каждого из четырех тысяч людей, имевших разрешение на владение ружьем в Гарвале.

Приглашались лучшие шикари,[12] им платили большое жалованье и были обещаны особые награды, если их усилия окажутся успешными. Было выдано свыше трехсот специальных разрешений на ношение оружия сверх уже имеющихся четырех тысяч со специальной целью застрелить людоеда.

Солдатам из Гарвальского полка, расквартированного в Ленсдауне, было разрешено при возвращении домой в отпуск брать с собой свои винтовки, или же они получали специальные спортивные ружья от своих офицеров. Через печать обратились ко всем спортсменам Индии с просьбой помочь уничтожить леопарда. Множество ловушек типа захлопывающейся дверцы с козами в виде приманки было расставлено на подходах к деревням и на дорогах, которые часто посещал людоед. Патвари и другие государственные служащие были снабжены ядами для

отравления человеческих трупов. Последним, но не менее важным делом было то, что часто государственные служащие с большим личным риском проводили все свое свободное от обязанностей по работе время в преследовании людоеда.

Общий результат от множества усилий свелся к легкой огнестрельной ране. В донесении правительству от специального уполномоченного по Гарвалу говорилось: «Вовсе не следует считать, что леопарду причинено эффективное повреждение; по-видимому, он прекрасно себя чувствует и только возбужден от яда, который им проглочен при поедании отравленных трупов».

Три интересных донесения были помещены в правительственном отчете; я постараюсь суммировать их.

Первое. В ответ на призыв к спортсменам, помещенный в печати, два молодых британских офицера приехали в Рудрапраяг в 1921 году, заявив о намерении застрелить людоеда. Не знаю, какие у них были основания считать, что леопард пересечет реку Алакнанду через рудрапраягский подвесной мост. Во всяком случае они решили ограничиться засадой у моста и застрелить леопарда, когда он ночью там появится. С каждой стороны моста стоят башни, к которым прикреплены висячие канаты. Один молодой офицер засел в засаду на левом берегу, его компаньон — на правом.

После того как они просидели на этих башнях два месяца, спортсмен на левом берегу увидел, как леопард вышел на мост из прохода под аркой башни. Подождав, когда леопард оказался на мосту, охотник выстрелил. Зверь ринулся по мосту на другой берег, и спортсмен, сидевший на башне правого берега, разрядил в него шестизарядный револьвер. На следующее утро обнаружили кровь и на мосту, и далее на холме, куда убежал леопард. Так как предполагали, что рана или раны должны оказаться смертельными, то были предприняты поиски, которые велись в течение многих дней. В отчете сообщалось, что, после того как леопарда ранили, он не убил ни одного человека за шесть месяцев.

Мне это рассказывал человек, который сам слышал семь выстрелов и участвовал в попытках найти раненое животное. Оба спортсмена и человек, сообщивший мне эти сведения, считали, что леопард был поражен первой пулей в спину и, возможно, в голову несколькими следующими. Поэтому так старательно и долго искали труп. Выслушав подробное описание найденных кровавых следов, я решил, что были ранены лапы. Спортсмены ошиблись, думая, что нанесли раны в корпус и голову леопарда. Впоследствии мне было очень приятно узнать, что я оказался прав. Пуля, посланная охотником с левой башни, только слегка

поранила подушечку левой задней лапы и оторвала часть одного пальца леопарда, а охотник с правого берега все свои пули послал мимо.

Второе. После того как примерно двадцать леопардов были уже пойманы и убиты в ловушках с захлопывающейся дверцей, еще один леопард, которого все считали людоедом, попал в одну из таких ловушек. Но так как население, состоявшее из индусов, не желало прикончить его из страха, что души людей, которых он убил, будут их мучить, то послали за индийцем-христианином. Этот христианин жил в деревне в тридцати милях от места происшествия; прежде чем он смог появиться, леопард, раскопав землю, внезапно вырвался из ловушки и убежал.

Третье. Убив одного человека, леопард залег со своей жертвой в густых зарослях. На следующее утро, когда начались поиски убитого, леопарда обнаружили, когда тот уходил из джунглей. После короткой погони увидели, как он вошел в пещеру, вход в которую был поспешно закрыт колючим кустарником и нагромождением камней. Ежедневно все более увеличивавшаяся толпа людей посещала это место. На пятый день, когда вокруг собралось около пятисот мужчин, пришел один человек, имя его не сообщается, но в отчете он упоминается как «влиятельный человек». Презрительно сказав: «В этой пещере нет никакого леопарда», он разбросал кустарник. Как только он это сделал, леопард, внезапно появившись, бросился из пещеры и проложил себе дорогу через расступившуюся толпу.

Если бы леопард-людоед был застрелен на мосту, прикончен в ловушке или по-настоящему закрыт в пещере, несколько сот людей не погибло бы, и гарвальцам не пришлось бы страдать от него так много лет.

ПРИБЫТИЕ

В первый раз мне пришлось получить более определенные сведения о рудрапраягском леопарде-людоеде во время антракта оперетты Джильберта и Салливена[13] «Дворцовый страж», шедшей на сцене театра Шале в Найни-Тале в 1925 году.

От случая к случаю мне приходилось слышать, что в Гарвале существует леопард-людоед. Я читал в газетах статьи о животном, но, зная, что там имеется свыше четырех тысяч человек, которым разрешено иметь оружие, и много страстных охотников в Ленсдауне, находящемся всего в семидесяти милях от Рудрапраяга, я представлял себе, что эти люди буквально лезут в драку в нетерпеливом желании застрелить леопарда и что при этих обстоятельствах пришлый охотник будет принят не особенно любезно.

Вот почему, находясь этим вечером в баре театра с приятелем, где мы выпили по рюмочке, я был крайне удивлен, услышав, как Майкл Кин, в то время секретарь правительственного кабинета Соединенных провинций и позже губернатор Ассама, беседовал с группой людей о людоеде, стараясь убедить их заняться охотой на него. Судя по замечанию одного из окружающих, поддержанному другими, призыв Кина был принят без энтузиазма.

«Охотиться на людоеда, который убил сотню человек? Нет, ни за что на свете!»

На следующее утро я нанес визит Майклу Кину и получил все нужные мне подробности. Он не мог точно описать территорию, на которой действовал людоед, и порекомендовал мне отправиться в Рудрапраяг и связаться с Ибботсоном. По возвращении домой я нашел на столе письмо от Ибботсона.

Ибботсона — теперь сэра Уильяма Ибботсона, последнее время советника губернатора Соединенных провинций — совсем недавно назначили главой администрации в Гарвале, и одно из первых его мероприятий было направлено к избавлению округа от людоеда. По этому поводу он мне и написал.

Быстро закончив подготовку, я прошел по дороге через Раникет, Адбари и Каранпраяг и прибыл вечером на десятый день к дорожному инспекционному бунгало около Награсу. Когда я уходил из Найни-Тала, то не знал, что мне обязательно следовало запастись разрешением на занятие бунгало. Сторож имел приказание никого не пускать, если нет разрешения, поэтому шести гарвальцам, которые несли багаж и снаряжение, моему слуге и мне самому пришлось тащиться еще две мили по рудрапраягской дороге, пока мы не нашли подходящее место, чтобы остановиться на отдых и переночевать.

Пока люди занимались поисками воды и сухих сучьев, а мой слуга сооружал из камней походный очаг, я взял топор и отправился нарубить колючий кустарник, чтобы сделать ограду. Мы уже получили предупреждение в дороге — еще за десять миль от места стоянки, — что вошли в царство людоеда.

Вскоре после того, как был зажжен огонь, появился весьма взволнованный человек из деревни, расположенной на другой стороне горы. Он спросил нас, что мы делаем под открытым небом, и предупредил, что если мы здесь останемся, то один из нас, если не больше, обязательно будет убит людоедом. Этот добрый самаритянин по имени Мало Синг пришел, чтобы предостеречь нас, возможно подвергаясь большому риску, так как уже стало темно. Однако он выразил желание всех присутствующих, сказав: «Останемся здесь, саиб. В лампе достаточно керосина, она будет гореть всю ночь, кроме того, у вас — ружье».

Действительно, керосина было достаточно. Проснувшись утром, я заметил, что лампа еще горела, а мое заряженное ружье лежало поперек кровати. Но колючая изгородь оказалась очень хлипкой. Мы ведь были до смерти уставшими после десятидневного перехода, и, если бы леопарду заблагорассудилось посетить нас в эту ночь, он захватил бы весьма легкую добычу.

На следующий день мы прибыли в Рудрапраяг, и нас тепло

встретили и приняли люди, которых Ибботсон соответственно проинструктировал.

ИССЛЕДОВАНИЕ

Я не стану представлять подробный отчет о моей деятельности день за днем в течение десяти недель, которые провел в Рудрапраяге. Трудно после такого большого промежутка времени написать подобную хронику; а если бы я все-таки это сделал — было бы скучно читать. Я намерен ограничиться рассказом о нескольких случаях, происходивших, когда я был один или в компании с Ибботсоном. Но прежде чем начать повествование, мне хотелось бы дать вам некоторое представление об области, на территории которой царствовал леопард в течение восьми лет и где я охотился на него десять недель подряд.

Если вы поднимете на возвышенность к востоку от Рудрапраяга, вы увидите большую часть тех пятисот квадратных миль, в границах которых действовал Рудрапраягский леопард-людоед. Эта территория разделена на две более или менее одинаковые части рекой Алакнанда, которая ниже Каранпраяга течет на запад к Рудрапраягу, где и встречается с рекой Мандакини, текущей с северо-востока. Часть территории между двумя реками, имеющая форму треугольника, менее гориста, чем левый берег Алакнанды, и гуще заселена.

С вашего наблюдательного пункта в отдалении видны посевы, кажущиеся бороздами, тянущимися по склонам больших гор. Эти линии — террасированные поля — варьируют по ширине от одного до пятидесяти и более ярдов в отдельных случаях. Как вы заметите, строения в деревне неизменно расположены на верхнем участке обрабатываемой земли. Делается это для того, чтобы была возможность просматривать и охранять посевы от отбившегося от стада скота и диких животных. Лишь в редких случаях можно встретить ничем не огороженное поле. Коричневые и зеленые пятна неопределенной формы, составляющие основу ландшафта, являются соответственно лесами и пастбищами. Некоторые деревни окружены лугами, другие — лесом.

Вся эта весьма неровная часть страны изрезана бесчисленными глубокими оврагами, ущельями, лежащими между крутыми скалами. На всей территории только две дороги: одна берет начало в Рудрапраяге и идет до Кедарнатха, другая, основная дорога паломников, — в Бадринатх. Обе дороги были узкими и каменистыми, и никогда ни одна из них не испытывала прикосновения колеса.

Общее количество убитых и жертвы каждой деревни между 1918 и 1928 годами вы найдете ниже. Вполне резонно предположить, что большинство убийств должно было произойти в деревнях, окруженных лесами, а не в деревнях, расположенных среди лугов и пашен. Если бы людоед был тигром, так бы и оказалось в действительности, но для леопарда-людоеда, действующего всегда по ночам, укрытие не обязательно. Почему в одной деревне произошло больше убийств, чем в другой, объясняется лишь тем, что в одном месте отсутствовали меры предосторожности, а в другом — жители были осмотрительнее.

Я уже упоминал о том, что людоед — очень крупный самец, далеко не первой молодости, хотя и был стар, но обладал громадной силой. Способность хищника нести убитое им животное туда, где, никем не тревожимый, он может съесть свою добычу, в значительной мере определяет место, которое он выбирает для нападения на жертву. Для Рудрапраягского людоеда все места были одинаковы, так как он был способен нести свою тяжелую добычу — тело убитого человека — на расстояние, достигавшее в одном известном мне случае четырех миль. Однажды леопард убил взрослого мужчину в его собственном доме и нес свою жертву две мили вверх по крутому склону сильно залесенной горы и далее вниз по другой стороне горы новые две мили через густые заросли джунглей. Это было сделано без какого-либо очевидного смысла, так как убийство произошло в

начале ночи и леопарда никто не стал бы преследовать до следующего полудня.

Леопард-людоед из Рудрапраяга

Список происшествий (по деревням). 1918–1926 гг.

Шесть убитых[14] — деревня Чопра.

Пять убитых — деревни Котхки, Ратаури.

Четыре убитых — деревня Бияракот.

По три убитых — в деревнях: Накот, Гандхари, Какханди, Дадоли, Кетхи, Ихирмоли, Голабраи, Ламери.

По два убитых — в деревнях: Баджаду, Рампур, Маикоти, Чхатоли, Коти, Малода, Раута, Канде (Иоги), Баурун, Сари, Ранау, Пунар, Тилани, Баунтха, Награсу, Гвар, Марвара.

По одному убитому — в деревнях: Азон, Пилу, Бхаунсал, Мангу, Баинджи, Кхамоли, Сванри, Пхалси, Канда Дхаркот, Данджи, Гунаун, Бхатчаон, Бавал, Барзил, Бхаинсгаон, Нари, Сандар, Таменд, Кхатиана, Сеопури, Сан, Сиунд, Камера, Дармари, Дхамка Бела, Бела Кунд, Саур, Бхаинсари, Байну, Квили, Дхаркот, Бхаингаон, Чхинка, Дхунг, Киури, Балюн, Кандал, Покхта, Тхапалгаон, Бансу, Наг, Баисани, Рудрапраяг, Гвар, Кална, Бхунка, Камера, Саил, Пабо, Бхаинсвара.

Общее количество убитых по годам

1918 — 1
1919 — 3
1920 — 6
1921 — 23
1922 — 24
1923 — 26
1924 — 20
1925 — 8
1926 — 14
Итого: 125 человек[15]

Из всех животных джунглей легче всего убить любого леопарда — не людоеда, так как у него слабое обоняние.[16]

Для того чтобы убить обыкновенного леопарда, применяется большее количество способов, чем для охоты на всякое другое животное. Эти способы варьируют в зависимости от того, как ведется охота — со спортивными интересами или в целях

заработка. Наиболее азартный и самый интересный вид охоты на леопардов ради спорта — это проследить зверя в джунглях, и, когда он обнаружен, подкрасться к нему и застрелить. Самый легкий и наиболее жестокий способ убить леопарда для наживы — это всовывание небольшого и сильновзрывчатого патрона в тело трупа животного, убитого леопардом. Многие местные жители научились делать такие патроны. Когда зубы леопарда касаются патрона, он взрывается и разрывает челюсти животного. В некоторых случаях смерть наступает мгновенно, но чаще несчастное животное отползает в сторону, чтобы умереть медленной и мучительной смертью, так как люди, которые применяют такие бомбы, не обладают достаточной смелостью, чтобы пойти по кровавым следам, оставленным леопардом, и прикончить его.

Выследить, определить местонахождение и незаметно подкрасться к леопарду сравнительно легко, помимо того что это очень захватывает и представляет большой интерес. Леопарды имеют нежные подушечки на пальцах лап и, насколько возможно, придерживаются звериных троп и тропинок; их совсем нетрудно обнаружить, так как практически каждая птица и животное в джунглях помогают охотнику. К ним нетрудно подкрадываться, потому что, хотя природа благословила их очень острым зрением и слухом, они находятся совсем в невыгодном положении из-за плохого обоняния. Спортсмен может избрать линию движения, подход к зверю наиболее для себя удобный, не обращая внимания на направление ветра.

Когда вы выследили, обнаружили и подкрались к леопарду, гораздо больше удовольствия можно получить, нажав кнопку фотоаппарата, а не курок винтовки. В первом случае за леопардом можно наблюдать часами, и нигде в джунглях вы не увидите более грациозное и интересное животное. Кнопка фотокамеры может быть нажата в любой момент по вашему выбору, и вы станете обладателем пластинки, которая всегда будет представлять интерес. В другом случае вы получите мимолетное впечатление — вы нажимаете курок и, если прицел правилен, приобретенный трофей быстро теряет и красоту и привлекательность.

ПЕРВАЯ ЖЕРТВА [17]

Вскоре после моего прибытия в Рудрапраяг Ибботсон организовал облаву. Если бы она окончилась успешно, пятнадцать человеческих жизней были бы спасены. Облава и обстоятельства, вызвавшие ее, достойны того, чтобы их описать.

Двадцать паломников с трудом тащились по дороге к Бадринатху. К вечеру они добрались до небольшой стоявшей на дороге лавки. Отпустив паломникам все необходимое, лавочник настаивал, чтобы они поскорее отправлялись дальше. Он говорил, что светло еще будет достаточно долго и они успеют достигнуть убежища, находящегося в четырех милях дальше по дороге, где смогут получить пищу и найдут надежное укрытие. Но усталым людям не захотелось уходить. Они сказали, что проделали сегодня очень длинный переход, слишком утомились и не могут пройти еще четыре мили; все, что они хотят, — это иметь возможность приготовить себе ужин, кроме того, они просят разрешения спать на помосте, примыкающем к лавке. Лавочник не соглашался, весьма энергично возражая. Он сказал паломникам, что к его дому часто приходит людоед и что спать снаружи, на открытом помосте — значит играть со смертью.

В то время как спор достиг апогея, на сцене появился один садху, шедший по пути из Матхуры в Бадринатх. Он поддержал паломников, сказав, что если лавочник предоставит у себя убежище женщинам, то он будет спать на помосте вместе с мужчинами и, если леопард-людоед или какой другой хищник осмелится напасть, он схватит его за разверстую пасть и разорвет

пополам.

На это предложение лавочнику пришлось через силу согласиться. Поэтому десять женщин из группы спали в лавке — там была одна комната с запиравшейся дверью, а десять мужчин легли в ряд на помосте с садху в середине.

Когда паломники утром проснулись, они увидели, что садху исчез, одеяло, на котором он спал, было смято, а простыня, которой он укрывался, испещрена пятнами крови и свешивается с помоста. Слыша возбужденные возгласы паломников, лавочник открыл дверь; ему было достаточно одного взгляда, чтобы понять, в чем дело. Когда поднялось солнце, он отправился в сопровождении мужчин-паломников по кровавым следам. Сойдя с горы, люди пересекли три террасы полей и вышли к низкой межевой ограде. Здесь они нашли садху — он лежал на меже, большая часть его тела была съедена.

Ибботсон в это время находился в Рудрапраяге, стараясь выяснить, где действует леопард. Однако при нем никаких случаев убийства не произошло, и вот поэтому он решил организовать облаву наудачу на той стороне Алакнанды. Жители окрестных деревень подозревали, что именно здесь скрывается людоед в течение всего времени, когда светит солнце. Там он находит, возможно, вполне подходящее укрытие для лежки. И так случилось, что в то время, как двадцать паломников брели по дороге в сторону лавки, несколько патвари и другие люди из группы Ибботсона отправились по всем близлежащим деревням предупредить население, чтобы оно готовилось к облаве, назначенной на следующий день.

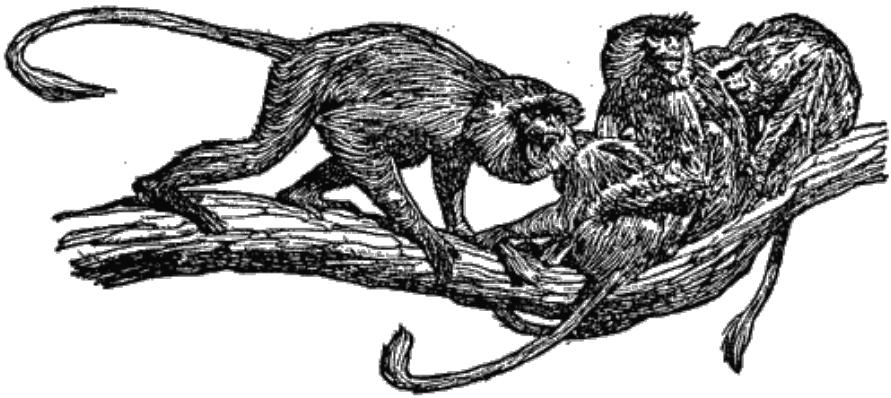
После раннего утреннего завтрака Ибботсон вместе со своей женой и приятелем, имя которого я позабыл, в сопровождении своей группы и двух сотен участников облавы перешел Алакнанду по висячему мосту, поднялся на гору на высоту примерно одной мили или около этого и занял позиции.

Облава уже началась, как вдруг с посланным гонцом пришло известие об убийстве садху.

Теперь облава потеряла смысл; ее тут же прекратили и наскоро организовали военный совет, в результате которого Ибботсон со своей группой и двумястами участниками облавы отправился по правому берегу, чтобы перейти реку по подвесному мосту в четырех милях выше и вернуться назад вдоль левого берега, к месту убийства, между тем как группа служащих разошлась по местности, чтобы собрать как можно больше людей и всем соединиться у лавки.

Сразу после полудня собрались две тысячи участников облавы, в том числе несколько человек с ружьями. Высокая гора,

покрытая каменистой россыпью, возвышавшаяся над лавкой, была прочесана сверху донизу. Облава была весьма хорошо подготовлена и столь же эффективно проведена, и единственная причина, почему она не увенчалась успехом, заключалась в том, что леопарда на обысканной площади в то время не было. Когда леопард или тигр по собственному почину оставляют свою жертву под открытым небом и не трогают ее, это указывает на то, что зверь потерял интерес к своей добыче. После того как животное насытится, оно неизменно уходит, иногда на расстояние двух или трех миль, а людоеды, возможно, на десять, а то и больше миль. Вот почему вполне вероятно, что, пока на горе шла облава, людоед мирно дремал в десяти милях от места, где его искали.



КАК ОБНАРУЖИТЬ ЛЕОПАРДА

Леопарды-людоеды — редкое явление, и поэтому о них мало что известно. Мой собственный опыт был весьма ограничен. Много лет назад мне однажды пришлось встретиться с подобным зверем. Хотя я и предполагал, что изменение «рациона» (люди вместо животных) должно повлиять на повадки леопарда, так же как это действует на тигра, все же не знал, до какой степени изменяются привычки и поведение такого зверя.

Поэтому я решил убить людоеда теми способами, которые, как правило, применяются для уничтожения нормальных леопардов. Как правило, засаду устраивают или около жертвы леопарда, или около живой приманки — козы, овцы. Для этого надо найти убитое леопардом животное или приготовить для него живую добычу там, где он охотится.

Я прибыл в Рудрапраяг, чтобы предупредить дальнейшую гибель людей, и поэтому не собирался дожидаться следующего убийства, после которого смог бы сесть в засаду. Я должен был сначала обнаружить местонахождение леопарда, а потом попытаться застрелить его с засидки у живой приманки.

Здесь мне встретилось весьма сложное препятствие, которое, однако, я надеялся со временем хотя бы частично преодолеть. По картам, которыми меня снабдили, я увидел, что людоед действовал на площади примерно в пятьсот квадратных миль. Пятьсот квадратных миль в любой стране можно считать значительной территорией для того, чтобы разыскать и застрелить какое угодно животное. Здесь же, в этом горном, пересеченном ущельями районе Гарвала, поиски зверя, охотящегося только по ночам, сначала казались совершенно

безнадежными. Но затем я обратил внимание на то, что река Алакнанда делит район на две более или менее равные части. Большинство местных жителей верило, что Алакнанда не препятствие для людоеда, и, когда он не находит легкой добычи на одном берегу реки, он переплывает на другой. Но с моей точки зрения, никакой леопард ни при каких обстоятельствах по своей воле не рискнет броситься в стремительные и холодные как лед воды Алакнанды. Я был уверен, что, когда людоед переходит с одного берега на другой, он совершает это по одному из висячих мостов.

На площади, о которой идет речь, имелось два висячих моста: один у Рудрапраяга, другой в двенадцати милях выше по реке, у Чатвапайпала. Между этими мостами был еще качающийся мост, тот самый, по которому Ибботсон со своей группой и двумястами местными жителями пересек реку в день облавы. Этот качающийся мост, по которому реку не могло перейти ни одно животное, за исключением, быть может, крысы, представлял собой самое ужасающее сооружение из тех, какие я когда-либо видел… Два травяных каната ручного плетения, почерневшие с годами и заплесневевшие от речного тумана, соединяли берега над пенящимся потоком шириной 200 футов. В ста ярдах далее вода вздымалась с грохотом, подобным грому, протекая между двумя скалистыми утесами. Разве только каркер, да и то загнанный дикими собаками, рискнет здесь пересечь Алакнанду вплавь. Между канатами, образуя дорожку, лежат неровные и неодинаковые палки в полтора-два дюйма толщиной. Они находятся друг от друга на расстоянии двух футов и свободно прикреплены жгутами травы к канатам. Пользование этим паутинным сооружением сильно затруднено тем, что один из канатов провис, в результате чего палки, на которые приходится ставить ноги, приобрели угол наклона в сорок пять градусов. Первый раз, когда мне встретились эти страшные качели, я оказался достаточно наивным, чтобы спросить у старика, который за одну монетку разрешил мне рискнуть жизнью и пройти по мосту: проверяют ли надежность моста или ремонтировали ли его когда-нибудь? Он отвечал, с интересом поглядывая на меня, что мост никогда не проверяли и его никогда не ремонтировали, но однажды его восстановили после того, как он порвался под тяжестью некоего пешехода, пытавшегося перейти на другую сторону. От этого рассказа я почувствовал, как холодные мурашки поползли по моей спине — ощущение, которое я еще долго испытывал после того, как благополучно перебрался на другую сторону.

Я был твердо уверен в том, что если мне удастся закрыть

висячие мосты для леопарда, то этим я смогу ограничить его действия на одной стороне Алакнанды и вдвое сократить зону, где мне следует его искать. Поэтому необходимо было выяснить, на каком берегу реки находится леопард. Его последней жертвой был садху; убийство произошло на левом берегу реки, в нескольких милях от Чатвапайпальского висячего моста. Я был уверен, что леопард перешел через мост после того, как бросил добычу, так как осторожность местных жителей и паломников немедленно удвоилась, и для людоеда стала невозможной успешная охота на человека на том же участке района. Посмотрев на карту, вы можете возразить, что в одной из деревень произошло шесть убийств. Я могу на это только ответить, что никакое усилие не может тянуться беспрерывно. Домишки-хижины в деревнях малы и не имеют удобств. Поэтому не удивительно, когда, получив известие, что людоед находится в деревне, расположенной в десяти, пятнадцати или двадцати милях, какой-нибудь мужчина, женщина или ребенок по настоятельной необходимости, продиктованной природой, открывает дверь на краткий миг и таким образом дает леопарду шанс, которого он, может быть, ожидал в течение многих ночей.

ВТОРАЯ ЖЕРТВА

Нельзя было раздобыть фотографий или чего-нибудь другого, чтобы опознать людоеда по его следам, поэтому временно я решил рассматривать любого появляющегося в окрестностях леопарда как подозрительного и при случае стрелять в каждого.

В день прибытия в Рудрапраяг я купил двух коз. Одну из них я привязал на следующий же вечер в одной миле от города на дороге паломников; другую перегнал на ту сторону Алакнанды и привязал к колышку на тропе, проходящей через густые заросли джунглей, где я видел старые следы крупного леопарда-самца. На следующее утро, навестив коз, я нашел одну из них, привязанную на той стороне реки, убитой; небольшая часть ее оказалась съеденной. Коза, без сомнения, была убита леопардом, но поедена небольшим животным, возможно куницей.

Не заметив признаков присутствия леопарда в первой половине дня, я решил сесть в засидку у трупа козы.

В три часа дня я устроился среди ветвей небольшого дерева, примерно в пятидесяти ярдах от мертвой козы. Следующие три часа я не получал сигналов от зверей или птиц, указывающих на то, что леопард находится где-нибудь поблизости. Когда начало смеркаться, я слез с дерева, перерезал веревку, привязывающую

козу — леопард даже не сделал попытки порвать ее прошлой ночью, — и отправился в бунгало.

О том, что у меня было весьма мало опыта в охоте за людоедами-леопардами, я уже говорил, но мне пришлось встречаться с несколькими тиграми-людоедами, поэтому с того момента, как я слез с дерева и пока не достиг бунгало, я принял все меры предосторожности от внезапного нападения; и счастье мое, что я это сделал.

Следующим утром я рано встал. Около ворот бунгало я сразу наткнулся на следы крупного самца-леопарда. Я прошел по этим следам назад к густо заросшему лесом оврагу, который пересекала тропа, где лежала коза. В течение ночи она не была тронута.

Леопард, который шел за мной, мог быть только людоедом, и весь следующий день я исходил столько миль, сколько мои ноги были в силах меня таскать. Я предупреждал всех людей в деревнях, в которых побывал, и всех, кого встречал на дорогах, что людоед находится на их стороне реки.

В этот день ничего не случилось, но на следующий, когда я кончал завтракать, после того как целое утро исследовал джунгли по ту сторону Голабраи, крайне взволнованный человек вбежал в бунгало. Он сообщил, что одна женщина этой ночью была убита людоедом в деревне, расположенной на горе, возвышающейся над бунгало, на той самой горе и почти точно в том месте, где вам открылся вид с птичьего полета на пять сотен квадратных миль страны — царство людоеда.

В несколько минут я собрал все необходимое — штуцер и дробовик, патроны, веревки, а также кусок лесы — и начал подниматься вверх по крутому склону, сопровождаемый жителем деревни и двумя моими людьми. День оказался знойным, и хотя расстояние невелико — мили три самое большее, — подъем на четыре тысячи футов под палящим солнцем был мучительным, и я пришел в деревню, обливаясь потом.

Вскоре мне рассказали историю про убитую и ее мужа. После вечерней трапезы — они ели при свете огня — женщина, собрав грязные металлические сковородки и горшки, отнесла их к двери, чтобы вымыть, а ее муж уселся курить. У двери женщина присела на порог, и в тот же момент посуда со звоном упала на пол. Света было недостаточно, чтобы муж мог увидеть, что случилось. Не получив ответа на свой настойчивый оклик, он бросился к двери и закрыл ее на засов. «Какой смысл, — сказал он, — было бы мне рисковать своей жизнью, пытаясь получить обратно мертвое тело». Его рассуждения были логичны, но бессердечны. Я заметил, что причиной его горя была не столько смерть жены,

сколько гибель наследника: его рождение ожидалось в течение ближайших дней.

Дверь, около которой была схвачена женщина, вела на дорожку шириной в четыре фута, шедшую между двумя рядами домов на протяжении пятидесяти ярдов. Как только раздался звон упавших кастрюль и сковородок, сопровождаемый взволнованным окликом мужа, двери всех хижин на улочке были в ту же секунду заперты. Следы на земле показали, что леопард протащил несчастную по всей длине дорожки и только потом убил ее и понес вниз по холму к небольшому оврагу, огораживающему уступы полей. Здесь он съел свое «блюдо» и бросил жалкие его остатки.

Тело лежало на спуске оврага в том месте, где на одном конце находился узкий уступ поля, а на другом в сорока ярдах стояло лишенное листьев чахлое ореховое дерево. На его ветвях в четырех футах от земли жители соорудили стог сена высотой в шесть футов. Здесь я и решил сесть в засаду.

Поблизости от того места, где лежало тело, узкая тропинка сбегала в овраг. На земле виднелись следы леопарда, убившего женщину; они совпадали со следами леопарда, шедшего за мной позапрошлой ночью от убитой им козы до рудрапраягского бунгало. Следы, принадлежащие очень крупному самцу, имели небольшую ущербину там, где пуля, пущенная четыре года назад, поранила подушечку на его левой задней лапе.

Я достал в деревне две прочные восьмифутовые бамбуковые палки и вбил их в землю рядом с межой, отделявшей поле, где лежало тело, от поля, находящегося ниже. К этим бамбукам я надежно прикрепил штуцер и дробовик, привязал отрезок шелковой лесы к куркам и укрепил ее на двух кольях, вбитых в землю на другой стороне обрыва и немного повыше тропинки.

Если леопард пойдет по тропинке, как это он сделал предыдущей ночью, вполне естественно, что он наткнется на лесу, натянет ее и сам себя застрелит. Если он обойдет ловушку или пойдет иным путем, а я выстрелю в него, когда он уже окажется около трупа, почти наверняка, он попадется на естественном пути отступления.

Не только леопард вследствие своей защитной окраски, но и тело убитой, с которой были сорваны все одежды, будут невидимы в темноте. Поэтому для ориентировки при стрельбе я достал из оврага плитку белого известняка и положил ее на край поля примерно в одном футе от той стороны, где лежало тело.

Когда приготовления на земле наконец были закончены, я устроил для себя удобную лежанку на стогу; сбросив часть сена вниз и немного нагромоздив позади себя, я, кроме того,

подложил его еще себе под грудь. Пока я лежал в этой позе — лицом к трупу, а спиной к дереву, у леопарда оставалось мало шансов увидеть меня, в какое бы время он ни пришел. Я был твердо убежден, что людоед придет в течение ночи, несмотря на общее мнение, что он никогда не возвращается к своим жертвам. Моя одежда была еще мокрой после тяжелого подъема, но относительно сухой пиджак немного предохранял от холодного ветра. Я основательно устроился на моем мягком и комфортабельном ложе и приготовился к целой ночи бодрствования.

Своих людей я отправил назад, наказав им оставаться в доме старшины, пока я не зайду за ними или же пока солнце на следующее утро не поднимется достаточно высоко. Шаг за шагом я прошел от межи до стога, и казалось, ничто не должно было помешать леопарду сделать то же самое.

Солнце уже близилось к закату, и вид долины Ганга со снежными Гималаями на заднем плане, голубовато-розовыми от лучей заходящего солнца, был великолепным зрелищем — подлинным праздником для глаз. И вот почти сразу, как только я это ощутил, небо поблекло, дневной свет постепенно исчез, и наступила ночь.

«Ночная» темнота — весьма относительный термин и не имеет установленного стандарта. То, что для одного человека является кромешной тьмой, другому покажется темным, а третьему — чуть-чуть темноватым. Для меня, проведшего в жизни так много времени под открытым небом, ночь никогда не кажется темной, если только небо не закрыто тяжелыми тучами; этим я не собираюсь сказать, что мое зрение так же остро ночью, как и днем; но я могу достаточно хорошо видеть, чтобы найти дорогу в любых джунглях или, по существу говоря, в любых условиях. Положил я белый камешек около тела только для предосторожности, так как надеялся, что свет от звезд и дополнительное его отражение от снежных вершин создадут достаточное освещение для правильного выстрела.

Но счастье отвернулось от меня: не успела наступить ночь, вспыхнула молния, сопровождаемая отдаленным грохотом, и через несколько минут небо наглухо затянулось тучами. Как только первые крупные капли приближающегося ливня начали падать, я услышал, как камень покатился в овраг, а минутой позже до меня снизу донеслись звуки — кто-то ворошил сено когтями.

Леопард явился. И пока я сидел под проливным дождем, пронизываемый леденящим ветром, дрожа под мокрой одеждой, он совершенно сухой уютно устроился на сене как раз подо мной.

Гроза была самая сильная из тех, что мне пришлось испытать, и в то время как она достигла наибольшей силы, я увидел фонарь, который несли в сторону деревни, и поразился смелости того, кто его нес.

Лишь несколькими часами позже я узнал, что он храбро, не обращая внимания ни на леопарда, ни на грозу, сделал этот спешный тридцатимильный переход из Паури только для того, чтобы доставить мне обещанный правительством электрический фонарь для ночной охоты. Доставка этого фонаря тремя часами раньше могла бы… Но сожаление — бесполезная вещь; да и кто может утверждать, что четырнадцать умерших после этой ночи человек имели бы более длинную нить жизни, если бы леопард не погрузил свои зубы в их горло? Опять-таки, если бы даже фонарь подоспел вовремя, нет никакой уверенности, что я смог бы убить зверя именно этой ночью.

Дождь скоро прекратился, оставив меня промокшим и промерзшим до мозга костей. Но вот разорвались облака, и в этот момент я увидел, как внезапно белый камешек затемнился, а немного спустя я услышал звуки — леопард чавкал. Прошлой ночью он поедал свою жертву, лежа на склоне оврага у края поля. Именно поэтому, ожидая, что он будет вести себя таким же образом, я положил камешек поближе к трупу. Очевидно, дождь образовал в овраге небольшие лужи, и леопард, обходя их, оказался в ином положении и принял другую позу, закрыв при этом мой белый камешек. Вот этого-то я и не предвидел. Однако, зная повадки леопардов, я верил, что мне не придется долго ждать — камешек опять покажется. Действительно, десятью минутами позже он стал виден, почти тотчас же я услышал какой-то шум внизу и увидел леопарда — светло-желтое тело, исчезнувшее под стогом. Светлую окраску его шерсти можно было отнести за счет солидного возраста. Но объяснить звук, производимый им при движении, я не смог ни тогда, ни сейчас: казалось, раздается легкое шуршание шелкового женского платья. Думать, что этот звук исходит от жнивья, которого, кстати, не было, или разбросанной соломы, не приходилось.

Выждав некоторое время, я поднял штуцер и прицелился в камешек. Я намеревался выстрелить, как только он будет еще раз затемнен. Однако имеется предел тому, сколько можно продержать тяжелое оружие у плеча; когда этот предел был достигнут, я опустил штуцер, чтобы дать отдых занемевшим мышцам. Не успел я это сделать, как камешек вторично скрылся из поля зрения. Трижды в течение двух ближайших часов случалась та же штука; отчаявшись и слыша, как леопард подбирается под стог в четвертый раз, я прислонился к стволу и

выстрелил в тень, смутно видимую внизу подо мной.

Узкая терраса или уступ, который я все время называю полем, был в этом месте шириной всего лишь в два фута, и когда на следующее утро я обследовал почву, то нашел отверстие от пули в центре этой площадки, а вокруг — клочки шерсти, сорванные с шеи леопарда.

Этой ночью леопарда больше не было ни слышно, ни видно; при восходе солнца я собрал своих людей и отправился вниз по крутой горе в Рудрапраяг, в то время как муж убитой и его друзья унесли останки женщины для кремации.

ПРИГОТОВЛЕНИЯ

Полный горьких мыслей, замерзший и окостеневший, я спускался к Рудрапраягу, покидая сцену моего ночного выступления. С любой точки зрения нельзя отрицать, что вероломная судьба сыграла с Гарвалом и мной подлую шутку, которую мы совсем не заслужили.

Жители наших гор верили, что я наделен сверхъестественной силой во всем относящемся к людоедам. Известие, что я нахожусь на пути в Гарвал, чтобы освободить население от местного людоеда, всюду предшествовало моему появлению, и, когда я уже проделал многодневный марш и значительно продвинулся к Рудрапраягу, люди, которых я встречал на полях или в деревнях, заметив, что я проходил мимо, приветствовали меня, полные веры в удачное завершение моей миссии. Все эти знаки внимания были столь же трогательны, сколь и обременительны; они становились все более бурными по мере моего приближения к месту назначения. Если бы кто-нибудь оказался свидетелем моего появления в Рудрапраяге, ему было бы трудно поверить, что человек, вокруг которого толпились жители, совсем не герой, вернувшийся победителем с войны, а охотник, прекрасно ощущающий пределы своих возможностей и очень боящийся, что дело, которое он решился исполнить, окажется выше его сил.

Пятьсот квадратных миль, большая часть которых одета густыми зарослями джунглей и покрыта скалами и горами, были огромной площадью, чтобы найти и застрелить особого, избранного леопарда из пятидесяти других, возможно находящихся там же. Чем больше я смотрел на эту обширную и прекрасную часть страны, тем меньше она мне нравилась с точки зрения задачи, которую я себе поставил. Вполне естественно, что

местное население не разделяло моих опасений: для них я был тот, кто освободил многих земляков от людоедов и кто теперь пришел к ним, чтобы их также избавить от несчастья, нависавшего над ними в течение долгих восьми лет.

И вот мне невероятно повезло: спустя несколько часов после прибытия мне удается настичь зверя, которого я преследовал. Он убил одну из моих коз, и, когда я немного задержался после наступления темноты, леопард последовал за мной на ту сторону Алакнанды, где, как мне представлялось, будет легче иметь с ним дело. Следующим событием после этой первой удачи явилась гибель несчастной женщины. Я пытался помешать дальнейшим потерям человеческих жизней, но потерпел неудачу. Однако это несчастье предоставило мне возможность застрелить леопарда, которого в противном случае я мог бы не настичь в течение многих месяцев.

Вчера днем, с трудом поднимаясь на гору вслед за моим проводником и взвешивая свои шансы убить людоеда, я определил их, как два к одному, несмотря на повадку леопарда никогда не возвращаться к своей жертве, темную ночь и отсутствие приспособления для ночной охоты. В день, когда я посетил Майкла Кина и сказал, что отправляюсь в Гарвал, он спросил, имею ли я все необходимое. Услышав, что мне не хватает только фонаря для ночной охоты и хорошо бы телеграфно запросить по этому поводу Калькутту, он сказал:

«Снабжение электрическим фонарем — это самое малое, что может сделать для вас правительство», — и обещал отправить в Рудрапраяг самый лучший фонарь.

Вначале я был очень разочарован, когда выяснилось, что электрический фонарь еще не прибыл, однако мое огорчение понемногу улеглось: прекрасно зная свою способность видеть в темноте, я вновь расценил шансы как два к одному. Так много зависело от успеха задуманных и предпринятых этой ночью действий, что я вооружился дополнительным штуцером и дробовиком. И когда со своей укрытой засидки на стоге сена я окинул взглядом место предстоящей драмы — короткое расстояние до цели, по которой, может быть, придется стрелять, и отлично замаскированную автоматическую ловушку, в которую леопард бесспорно должен был попасть, если я промахнусь или только раню его, — мои надежды резко возросли, и я считал, что шансы на успех равны один к десяти. Потом началась гроза. При видимости, практически равной нулю, и без электрического фонаря все пошло прахом, и моя неудача через несколько часов будет известна повсюду.

Прогулка, теплая вода и еда производят чудодейственный

успокаивающий эффект на горькие мысли. И по мере того как я спускался с крутой горы, принимал горячую ванну и завтракал, я кончил сетовать на судьбу и оказался в состоянии с более разумной точки зрения посмотреть на свой ночной неуспех. Сожаления по поводу пули, попавшей вместо цели в землю, столь же бесполезны, как и по поводу пролитого на песок молока. Однако, если только леопард не перешел на ту сторону Алакнанды, мои шансы убить его снова возрастут, так как теперь я имел электрический фонарь для ночной охоты, доставленный посланцем, не побоявшимся ни леопарда, ни грозы.

Первое, что необходимо было сделать, это выяснить, переправился ли леопард через Алакнанду, и так как я был твердо убежден, что он может переправиться через реку только по какому-нибудь висячему мосту, то после завтрака я отправился на разведку. Леопард не мог перейти по Чатвапайпальскому мосту: каков бы ни был шок, полученный от выстрела из моего ружья большого калибра, произведенного в нескольких футах от его головы, он не смог бы покрыть четырнадцать миль до моста за несколько часов от момента выстрела и до рассвета. Поэтому я решил ограничиться поисками у Рудрапраягского моста.

Три подхода вели к мосту: один с севера, другой с юга, и между ними хорошо исхоженная пешеходная дорожка, идущая от рудрапраягского базара. После внимательного осмотра этих подходов я перешел на другой берег и исследовал Кедарнатхскую дорогу паломников на расстоянии полумили и далее пешеходную тропу, на которой три дня назад была убита коза. Удовлетворенный тем, что ни один леопард не пересек реку по мосту, я окончательно решил выполнить свой план: закрыть на ночное время оба моста и таким образом ограничить район действия леопарда только одной стороной реки. План был прост: для этого требовалось лишь содействие сторожей на мостах. Они оба жили на левом берегу в непосредственной близости от береговых устоев моста, так что с успехом могли перекрыть проход. Закрыть единственные средства сообщения между двумя берегами на протяжении тридцати миль представлялось весьма своевольным поступком, но фактически это было не так, ибо ни один человек из-за «осадного положения», введенного леопардом, не осмеливался пользоваться мостами в часы между закатом и восходом солнца.

Чтобы закрыть мосты, забивали колючим кустарником проход под аркой шириной в четыре фута, образованный башнями, несущими стальные тросы с укрепленными на них планками пешеходной дорожки. За все время, когда мосты закрывались колючей загородкой или же сторожились мной, ни

один человек не попросил о переходе.

В общей сложности я провел двадцать ночей на башне левого берега Рудрапраягского моста; эти ночи мне никогда не забыть. Для сооружения этой башни использовали выступы скалы высотой в двадцать футов. Наверху образовалась выровненная ветром площадка около четырех футов шириной и шести футов длиной. Подняться на нее можно двумя способами: вскарабкаться по кабелям, проходящим через отверстия наверху башни и закрепленным на горе примерно в пятидесяти футах от входа на мост, или взобраться наверх по очень шаткой бамбуковой лестнице. Я избрал второй, так как кабели были покрыты какой-то черной вонючей дрянью, приставшей к рукам и пачкавшей одежду.

Лестница — два неодинаковой длины бамбуковых шеста, которые соединялись свободно привязанными тонкими палками, — на четыре фута не доходила до платформы. Стоя на последней перекладине этой лестницы, я всякий раз думал, не соскользнет ли моя ладонь с какого-нибудь выступа на гладкой кирпичной кладке, когда я буду взбираться на площадку. Это был акробатический номер, и чем чаще я его исполнял, тем меньше мне хотелось его повторять.

Все реки этой части Гималаев несут свои воды с севера на юг, и в долинах, через которые они протекают, дуют ветры, меняющие свое направление с восходом и заходом солнца. Пока оно светит, ветер, по-местному — dadu, дует с юга, а ночью — с севера.

В то время как я занимал сторожевую позицию на площадке, обычно бывало затишье; но вскоре я начинал ощущать дуновение ласкающего ветерка. Постепенно, по мере того как исчезал дневной свет, ветер усиливался, доходя к полуночи до яростного шторма. На площадке было не за что держаться. Лежа на животе растянувшись во всю длину, чтобы увеличить трение и снизить давление ветра, я рисковал слететь вниз на скалы, одна из которых вдавалась в ледяные воды Алакнанды. Конечно, температура воды представляла бы уже мало интереса после падения с шестидесятифутовой высоты на острые выступы скал. Поэтому удивительно, что когда бы я ни дрожал при мысли о падении — всегда я думал о воде и никогда о скалах. Вдобавок к ветру масса небольших муравьев пробиралась под одежду и отъедала целые куски моей кожи. Во время двадцати ночей, когда я сторожил проход по мосту, кустарник с колючками не укреплялся под аркой и через мост перешло лишь одно-единственное живое существо — шакал.

Каждый вечер, когда я отправлялся к мосту, меня сопровождали два человека, один из них нес лестницу, позволявшую мне добраться до платформы; после того как мне передавали ружье, лестницу убирали.

На второй день, когда пришли к мосту, мы увидели человека, одетого в развевающуюся хламиду с чем-то светящимся отраженным светом на голове и груди. Он нес шестифутовый серебряный крест и приближался к мосту со стороны Кедарнатха. Дойдя до моста, человек встал на колени и, держа крест перед собой, склонил голову. Пробыв некоторое время в этой позе, он еще выше поднял крест, встал на ноги, сделал несколько шагов вперед, снова бросился на колени и опять склонил голову. Так он продолжал преклонять колени через краткие промежутки, продвигаясь по всему длинному мосту. Проходя мимо меня, человек поднял руку в знак приветствия, но, так как казалось, что он глубоко погружен в молитву, я не заговорил с ним. Мерцание, которое я увидел на уборе его головы и груди, шло от серебряных крестиков.

Мои люди заинтересовались этим странным человеком и,

увидев, что он поднимается по крутой дорожке к рудрапраягскому базару, спросили меня, кто он такой и из какой страны пришел. То, что он христианин, было очевидно, но я не слышал его речь, а по длинным волосам, роскошной агатово-черной бороде и чертам лица заключил, что он родом из Северной Индии.

На следующее утро я слез с башни и направился к бунгало инспекции, где проводил ту часть времени, когда светило солнце и я не занимался посещением ближних и дальних деревень в поисках новостей о людоеде. Тут я увидел высокую, одетую в белую хламиду фигуру, стоявшую на большом выступе скалы; человек смотрел на реку. При моем приближении он сошел с возвышения и поздоровался со мной.

Когда я спросил, что привело его в эти места, он сказал: «Я пришел из дальних краев освободить народ Гарвала от злого духа, который его терзает». На вопрос, как он предполагает осуществить этот подвиг, человек отвечал, что он сделает изображение тигра, и, после того, как молитвой принудит злого духа войти в это изображение, оно будет сброшено в воды Ганга и река донесет его до моря, откуда оно уже не сможет возвратиться и не сумеет причинить людям никакого вреда.

Как бы основательно я ни сомневался в возможности этого человека исполнить взятый им на себя обет, я не мог не восхищаться его верой в свои силы. Он приходил каждое утро, прежде чем я покидал башню, и, возвращаясь вечером, я еще заставал его за работой.

Сооружая своего «тигра», он использовал расщепленные бамбуковые жердочки, веревки, бумагу и дешевые цветные ткани. Когда чучело было почти готово, ночью разразилась сильная гроза с ливнем, и вся постройка расклеилась. Совершенно не обескураженный, он начал с утра работать снова, все время бодро распевая. Наконец пришел великий день, когда «тигр» величиной с лошадь и не похожий ни на одно известное животное был им изготовлен к полному его удовлетворению.

Кто из наших горцев от всего сердца не веселился, принимая участие в тамаша?[18] Чучело, привязанное к длинному шесту, оттащили вниз по крутой дорожке к небольшой песчаной отмели, его сопровождали сотни людей, большая часть которых ударяла в гонги и дудела в длинные трубы.

У берега реки его отвязали от шеста. Человек, одетый в белую хламиду с серебряными крестиками на головном уборе и груди, и с шестифутовым крестом в руках стал на колени и начал горячо молиться, убеждая злого духа войти в произведение его рук. Потом под звуки звенящих гонгов и рев труб изображение было

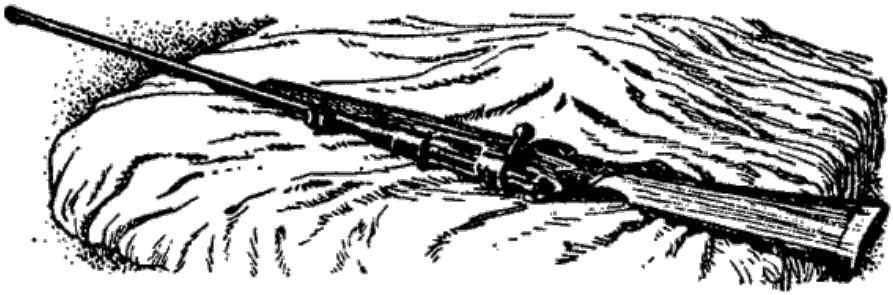
препоручено Гангу и поспешно направилось в свой путь к морю вместе с множеством подношений, сладостей и цветов.

На следующее утро знакомой фигуры уже не было на скале, и, когда я спросил нескольких людей, которые собирались совершить раннее омовение, откуда явился мой друг в развевающейся хламиде и куда он ушел, они отвечали: «Кто может сказать, откуда появится святой человек, и кто осмелится спросить его, куда он направляется?»

Эти люди со знаками своей касты, нанесенными на их лбах пастой сандалового дерева, говорившие, что ушедший человек святой, и те люди, которые принимали участие в церемонии спуска изображения на воду, были индуистами.

Я твердо уверен, что в Индии, где нет паспортов или личных опознавательных знаков и где так много значения придают религии (за исключением тех, кто перешел «черную воду»[19]), человек в мантии шафранного цвета, протягивающий нищенскую чашу или же носящий серебряные крестики на головном уборе и груди, может свободно пройти от Хайберского прохода до мыса Каморин, и его ни разу не спросят о цели путешествия.

ЕДВА СПАСЛИСЬ



В то время, когда я еще сторожил мост, Ибботсон и его жена Джин прибыли в Паури. Места в инспекторском бунгало было мало, и я ушел оттуда, поставив свою палатку на горе по другую сторону дороги паломников.

Палатка — слабая защита от такого животного, которое оставляло следы когтей на каждой двери и окнах на много миль кругом. Поэтому вместе с моими людьми я соорудил ограду из колючего кустарника вокруг площадки, где мы собирались раскинуть палатку. Над этим участком нависала гигантская дикая груша, и, так как ее ветви мешали нам поставить палатку, я приказал срубить дерево. Когда оно было уже подрублено, я изменил свое решение, так как заметил, что в часы дневного зноя не смогу побыть в тени. Поэтому вместо того, чтобы свалить грушу, я велел лишь подрезать нависавшие ветки. Это дерево, наклоненное над лагерем под углом в сорок пять градусов, стояло на другом конце ограды.

В нашем маленьком лагере находилось восемь человек. После того как мы поужинали, я принялся тщательно затыкать колючим кустарником отверстие в ограде, через которое мы проходили. Тут я заметил, что людоеду было бы легко взобраться на дерево и спрыгнуть с нашей стороны ограды. Однако слишком поздно было что-либо предпринимать, и если леопард не тронет нас одну-единственную ночь, утром дерево можно будет срубить и вытащить за изгородь.

У меня не было палаток для моих людей, и я предполагал, что они будут спать с людьми Ибботсона в пристройке около инспекторского бунгало, но они отказались, уверяя, что находиться здесь для них не более опасно, чем для меня оставаться в палатке под открытым небом. Мой повар, который оказался весьма шумным храпуном, лежал ближе всех ко мне на расстоянии всего одного ярда, а за ним, словно сардины в консервной банке, улеглись шесть гарвальцев, взятых мной из

Найни-Тала.

Слабым местом нашей обороны было дерево, и я заснул, думая о нем. Была усыпанная брильянтами звезд и освещенная луной ночь, когда я внезапно проснулся, услышав, что леопард взбирается по дереву. Схватив предусмотрительно заряженное ружье, лежавшее рядом, я спустил ноги с постели и только всунул их в ночные туфли, чтобы не ступить босыми ногами на рассыпанные кругом колючки, как со стороны, где росло дерево, раздался страшный треск, сопровождаемый воплем повара: «Бах-бах!» Одним рывком я выскочил из палатки и, пока поворачивался, немного запоздал прицелиться в леопарда; он успел перепрыгнуть через межу террасы поля и был таков. Выдернув куст с колючками, закрывавший проход, я ринулся на это пустое, незасеянное поле шириной около сорока ярдов и, когда остановился, пристально вглядываясь в сторону горы, покрытой колючим кустарником, оттуда раздался тревожный вой шакала, известивший меня, что леопард ушел.

Несколько позже повар рассказывал мне, что он лежал на спине — с этим обстоятельством я уже хорошо познакомился раньше — и вдруг услышал, как дерево треснуло; тотчас же открыв глаза, он увидел прямо перед собой смотрящего на него леопарда, когда тот готовился совершить прыжок.

На следующий день дерево срубили, а ограду укрепили; хотя мы оставались в этом лагере еще несколько недель, наш сон больше ни разу не нарушался.

ЗАПАДНЯ

Мы получили донесения из близлежащих деревень о том, что леопард несколько раз неудачно пытался проникнуть в дома, и его следы были обнаружены на дорогах. Спустя несколько дней после прибытия Ибботсонов была убита корова в деревне в двух милях от Рудрапраяга и примерно в полумиле от той деревни, где я сидел в засаде на стоге сена.

Придя в деревню, мы выяснили, что леопард разломал дверь однокомнатного помещения, убил и оттащил к двери одну из коров, но не смог протащить тушу через дверь и хорошенько наелся на месте.

Сарай был в самом центре деревни, и, исследовав все кругом, мы нашли, что, сделав отверстие в стене сарая в нескольких ярдах от трупа коровы, мы можем легко вести наблюдение.

Хозяин помещения (он же владелец убитой коровы) охотно согласился на наш план. Как только наступил вечер, мы накрепко заперлись в доме и, съев взятые с собой сандвичи и выпив чай, принялись по очереди сторожить, глядя через дыру в стене. Но в течение этой долгой ночи о леопарде не было ни слуху ни духу.

Когда мы утром вышли из дома, жители повели нас по своей деревне — она была значительных размеров — и показали следы когтей на дверях и окнах, сделанные людоедом за многие годы при попытках добраться до кого-нибудь. Одна дверь носила более глубокие следы — это была та самая дверь, которую леопард сумел открыть и войти в помещение, где были заперты сорок коз и мальчик.

Через несколько дней еще одна корова была убита в маленькой деревушке на холме, в нескольких сотнях ярдов от бунгало. Здесь снова оказалось, что корова убита внутри дома, дотащена до двери и частично съедена. Примерно в десяти ярдах

перед дверью находился заново сложенный стог сена шестнадцати футов высотой, сооруженный на поднятом от земли на два фута деревянном помосте.

О новом происшествии нас известили рано утром, поэтому, имея целый день впереди, мы соорудили махан,[20] и я уверен, что он был не только самым замечательным, но и самым искусным из всех, которые только делались для подобных целей.

Мы начали с того, что разобрали стог и вокруг помоста воткнули в землю много шестов. На этих шестах соорудили еще один помост, выше первого на четыре фута. Весь каркас, кроме пространства между землей и нижним помостом, обернули проволочной сетью с двухдюймовыми ячейками. Затем небольшие охапки сена мы всунули в ячейки сетки и еще немного разбросали вокруг стога и под помостом, совсем как это было до начала нашей работы. Один из совладельцев стога, отсутствовавший несколько дней и вернувшийся, когда мы уже доделали наше сооружение, не поверил, что стог кто-то трогал, пока сам не ощупал его кругом и ему не показали другой, который мы сложили из неиспользованного сена на ближнем поле.

Как только солнце начало садиться, мы проползли через отверстие, оставленное в сетке, и попали в махан, тщательно закрыв за собой вход. Ибботсон несколько меньше меня ростом, поэтому он занял верхний помост, и, когда мы устроились поудобнее, каждый из нас сделал по небольшой дырке, через которую можно было бы стрелять. Но сообщаться друг с другом, когда появится леопард, мы не могли и поэтому условились, что тот из нас, кто первый увидит зверя, будет стрелять. Была яркая, полная лунного света ночь, электрический фонарь был не нужен.

После вечерней трапезы долетавшие из далекой деревни звуки стихли, и около десяти часов я услышал, что леопард спускается с горы, высившейся позади нас. Придя к стогу, он остановился на несколько минут и затих, потом начал ползти под помостом, на котором я сидел. Находясь как раз подо мной — нас разделял один слой досок, — он остановился на минуту, показавшуюся мне весьма длинной, затем продолжал ползти дальше; и только я приготовился, ожидая, когда он покажется из-под платформы в трех или четырех футах от дула моего ружья, как прозвучал резкий скрип с верхнего помоста. Леопард бросился вправо, где он мне не был виден, и исчез на горе.

Обе ноги Ибботсона свело судорогой, и, меняя позу, чтобы облегчить очень острую боль, он повернулся. Вот отчего в критический момент раздался скрип досок. Очевидно, леопард был слишком напуган и больше уже не возвращался к туше ни в

эту, ни в следующие ночи.

Двумя днями позже еще одна корова была убита в нескольких сотнях ярдов выше рудрапраягского базара. Владелец этой коровы жил одиноко в стоящем в отдалении однокомнатном домике, разделенном простой перегородкой на кухню и жилое помещение. Как-то ночью он проснулся, услышав шум в кухне, наружную дверь которой он забыл запереть. Немного погодя через широкую щель в тусклом свете луны, проникавшем через открытую дверь, он увидел леопарда, пытавшегося оторвать одну из планок перегородки.

Долго человек лежал, обливаясь потом, в то время как зверь старался оторвать то одну, то другую планку. К счастью, не найдя в перегородке слабого места, он ушел из кухни и убил корову, привязанную около пристройки. Потом порвал веревку, которой она была привязана, оттащил корову на короткое расстояние и, вволю наевшись, оставил ее лежать под открытым небом.

На самом краю спуска с горы, примерно в двадцати ярдах от места, где лежала убитая корова, стояло сильно разросшееся дерево; на его верхних суках был сложен стог сена. На этом естественном махане у обрыва в несколько сот футов над расстилавшейся внизу долиной мы с Ибботсоном и решили сесть в засидку.

Чтобы помочь нам, правительство несколькими днями раньше послало капкан. Этот капкан длиной в пять футов и весом в восемьдесят фунтов был самой страшной штукой такого рода из всех мною виденных. Его челюсти имели острые трехдюймовые зубья, посаженные по длине на протяжении двадцати четырех дюймов, они приводились в действие двумя мощными пружинами, требовавшими усилий двух человек, чтобы их раскрыть.

Оставив труп, леопард направился по дорожке через поле шириной около сорока ярдов по трехфутовой меже и через другое поле, граничащее с густыми колючими зарослями, покрывающими гору. В месте, где эта трехфутовая межа отделяла верхнее поле от нижнего, мы установили капкан и для большей уверенности в успехе посадили с обеих сторон дорожки несколько колючих кустов. К одному концу капкана была прикреплена короткая, толщиной в полдюйма цепь, кончающаяся кольцом диаметром в три дюйма; через кольцо мы пропустили и вбили в землю крепкий кол, закрепив капкан цепью на месте.

Когда все эти приготовления были закончены, Джин Ибботсон вернулась в бунгало с нашими людьми, а ее муж и я влезли на стог. Укрепив перед собой небольшую палку и подвязав к ней сено, чтобы это «сооружение» служило ширмой, мы

устроились поудобнее и принялись дожидаться появления леопарда. Мы были вполне уверены, что на этот раз он попадется.

Вечером появились свинцовые тучи, распростершиеся по всему небосклону. Луна должна была подняться не раньше девяти часов; значит, теперь понадобится электрический фонарь; волей-неволей придется зависеть от него. Фонарь был тяжелый и нескладный, а так как Ибботсон настаивал, чтобы стрелял я, мне и пришлось потрудиться, прикрепляя его к штуцеру.

Спустя час после наступления темноты волны гневного рева известили нас о том, что леопард попался в капкан. Я зажег фонарь и при свете его увидел леопарда, вставшего на дыбы. Капкан висел на его передних лапах. Я наспех выстрелил; пуля 450-го калибра ударила в звено цепи и разорвала ее.

Освободившись от кола, леопард рванулся и большими прыжками двинулся вдоль поля, таща капкан перед собой. Мы с Ибботсоном стреляли ему вслед, но промахнулись. Пытаясь перезарядить штуцер, я что-то сдвинул в фонаре, и свет потух.

Слыша рев леопарда и наши четыре выстрела, люди на рудрапраягском базаре и в соседних деревнях выскочили из своих домов. Неся фонари и сосновые факелы, они со всех сторон обступили домик, где была убита корова. Кричать им, чтобы они посторонились, было бесполезно. Они производили так много шума, что не могли бы нас услышать. Поэтому, держа штуцер наготове, я начал слезать с дерева — довольно опасное предприятие в темноте, а Ибботсон в это время зажег керосиновую лампу, которую мы взяли с собой в махан.

Спустив мне лампу вниз на веревке, Ибботсон слез на землю, и мы отправились в том направлении, куда ушел леопард. На полдороге вдоль поля находился бугор — выступ скалы. Мы приблизились к нему, Ибботсон высоко над головой держал тяжелую лампу, я шел рядом со вскинутым ружьем. За выступом скалы оказалась небольшая впадина; там, припав к земле, вызывающе глядя на нас и рыча, лежал леопард. Спустя несколько минут после того, как моя пуля размозжила ему голову, мы были окружены экзальтированной толпой, буквально танцевавшей от восторга вокруг тела врага, так долго приводившего их в ужас.

Передо мной лежал весьма крупный самец леопарда, прошлой ночью пытавшийся сломать перегородку, чтобы добраться до человека. То, что хищник уничтожен в районе, где были убиты десятки людей, конечно, представляло достаточные основания, чтобы считать мертвого леопарда людоедом. И все-таки я не мог заставить себя поверить, что это лежит то самое животное, которое промелькнуло передо мной в ту ночь, когда я сидел в засидке около трупа женщины. Правда, ночь была темная, и я лишь смутно видел вырисовывавшийся абрис леопарда; пусть так, но все равно я был убежден, что животное, труп которого

сейчас радостно хлестала окружившая толпа, — не людоед.

С Ибботсоном впереди, сопровождаемые людьми, несшими тело леопарда, и толпой в несколько сот человек мы направились через базар к бунгало.

Спускаясь с горы позади процессии, я был единственным во всей толпе, который не верил, что людоед-леопард из Рудрапраяга мертв. Я думал о случае, происшедшем дома, невдалеке от нашей зимней резиденции, когда я еще был маленьким мальчиком. Много лет спустя я нашел этот случай в книге под названием «Храбрые поступки» или, быть может, «Самые храбрые поступки». Случай произошел с двумя людьми — одного звали Смитон {*так*}, он служил в гражданском отделе, другого — Бредвуд, из лесного департамента. Однажды темной грозовой ночью в дожелезнодорожные времена они путешествовали на dak-gharry[21] из Морадабада в Каладхунги и на изгибе дороги наскочили на дикого слона. Слон, убив кучера и двух лошадей, перевернул gharry. У Бредвуда было ружье, и пока он доставал его из футляра, складывал и заряжал, Смитон взобрался на gharry и вытащил один неразбитый фонарь из его гнезда. Потом, держа тускло мерцавший светильник над головой, он двинулся на слона и осветил его, чтобы Бредвуд мог точно выстрелить. Понятно — между диким слоном и леопардом разница велика; но если даже так — мало найдется таких, кто спокойно пойдет на обезумевшего от боли леопарда, неся лампу над головой, когда его безопасность зависит только от пули товарища. Наш леопард, как мы выяснили потом, уже вытащил лапу, удерживающуюся только на тонкой полоске кожи.

Этой ночью, в первый раз за много лет, любой дом на базаре был открыт, женщины и дети толпились у своих дверей. Мы медленно продвигались вперед, так как каждые несколько ярдов леопарда приходилось опускать вниз, чтобы дети могли обступить его и получше рассмотреть. В конце длинной улицы наш эскорт отстал, и леопард с триумфом был внесен нашими людьми в бунгало.

Мы с Ибботсоном вернулись в бунгало после того, как умылись в моем лагере; за обедом и после него мы приводили аргументы за и против того, что убитый леопард является людоедом. В конце концов, не убедив друг друга, мы остановились на следующем: поскольку Ибботсону нужно было ехать назад на работу в Паури, а я был утомлен долгим пребыванием в Рудрапраяге, мы проведем следующий день, освежевывая леопарда и высушивая его шкуру, а послезавтра снимем лагерь и отправимся в Паури.

С раннего утра до позднего вечера люди, все время сменяясь,

приходили из ближних и дальних деревень, чтобы поглядеть на леопарда. Большинство опознавало животное и считало его людоедом. Поэтому убеждение Ибботсонов, что они правы, а я ошибаюсь, все время росло. Однако по моей просьбе Ибботсон сделал мне две уступки: он лишний раз предупредил народ, чтобы все имели в виду мои сомнения и не ослабляли мер предосторожности, во-вторых, он наказал воздержаться от телеграммы правительству об уничтожении людоеда.

Этой ночью мы рано пошли спать, так как предполагали отправиться следующим утром как только рассветет. Я встал, когда еще было темно, и ел Chota hazzi,[22] как вдруг услышал голоса на дороге. Это было совсем необычно, и я окликнул людей, чтобы выяснить, что они там делают в столь неурочный час. Увидев меня, четыре человека поднялись по тропинке к лагерю; оказалось, их послал патвари передать мне, что одна женщина убита людоедом на той стороне реки, на расстоянии примерно одной мили от Чатвапайпальского моста.

ОХОТНИКИ, ЗА КОТОРЫМИ ОХОТЯТСЯ

Я пришел в бунгало, когда Ибботсон только что отодвинул задвижку у двери, чтобы пропустить человека с чашкой чаю. Выслушав меня, он заявил, что отложит свой поход в Паури, после чего мы сели на кровать Джин, разостлав на коленях большую карту, пили чай и обсуждали наши планы. Ибботсона ждала крайне важная работа в его управлении в Паури, и он мог еще остаться самое большее на двое суток. Я телеграфировал в Найни-Тал накануне, предупреждая, что возвращаюсь домой по железной дороге через Паури и Котдвару; эту телеграмму я аннулировал и решил вернуться домой пешком той дорогой, которой сюда пришел. Когда все было улажено и деревня, где убита женщина, найдена на карте, я пошел в лагерь сказать моим людям об изменении планов, о том, чтобы они уложились и последовали за нами в сопровождении четырех человек, пришедших с вестью о происшествии.

Джин должна была остаться в Рудрапраяге, поэтому после завтрака мы с Ибботсоном отправились на двух его лошадях — арабском скакуне с побережья[23] и английской кобыле, двух наиболее устойчивых на ногах животных, на которых мне когда-либо посчастливилось ездить верхом.

Мы взяли с собой ружья, плитку для приготовления пищи, бензиновую лампу, немного провианта и отправились в сопровождении одного из ибботсоновских слуг, ехавшего на взятой во временное пользование лошади, навьюченной кормом для всех лошадей.

Остановились у Чатвапайпальского моста. Этот мост не был закрыт в ту ночь, когда мы убили леопарда, в результате чего людоед перешел через реку и достиг своей цели — схватил человека в первой же деревне, куда пришел.

Около моста нас встретил проводник. Он повел нас на очень крутой гребень горы, вдоль покрытого травой склона и далее вниз в глубокое и густо поросшее деревьями ущелье с небольшим ручьем, текущим по его дну. Здесь мы увидели патвари и около двадцати человек, стороживших труп.

Убитая была здоровой, крепкой и очень красивой женщиной, восемнадцати или двадцати лет. Она лежала вниз лицом, руки по бокам. На ней не оказалось и признаков одежды — все было сорвано, и она была вылизана леопардом с головы до ног. На горле виднелись четыре большие раны — следы его зубов. Мяса было съедено немного, всего несколько фунтов в верхней части туловища и столько же в нижней.

Барабанный бой, который мы слышали, пока поднимались на гору, производили люди, стерегшие труп. Так как было около двух часов пополудни и, по всей вероятности, леопард не мог находиться где-нибудь поблизости, мы направились в деревню приготовить для себя чаю, взяв с собой патвари и сторожа.

После чая мы вышли посмотреть на дом, где была убита женщина. Он имел одну комнату, был построен из камней и находился посреди полей, расположенных уступами, площадью в два или три акра. В доме жили жена, ее муж и их шестимесячный ребенок.

За два дня до происшествия муж отправился в Паури дать свидетельские показания по земельному спору и оставил дом на своего отца. В ночь убийства женщина, нянчившая своего ребенка, после того как они со свекром поужинали, и пришло время ложиться спать, передала сына старику, отомкнула дверь и вышла наружу по естественной надобности (я уже упоминал о том, что в домах у наших горцев соответствующие санитарные удобства отсутствуют).

Когда дедушка взял от матери ребенка, тот начал плакать, так что даже если и раздался какой-либо звук снаружи, то свекор вряд ли его слышал. Я же уверен, что никакого шума не было. Ночь выдалась очень темная. Подождав несколько минут, старик позвал женщину и, не получив ответа, повторил оклик. Потом он вскочил, быстро захлопнул дверь и задвинул засов.

Дождь шел с раннего вечера, и нетрудно было восстановить все, что произошло. Вскоре после того, как дождь прекратился, леопард, появившийся на поле со стороны деревни, притаился, припав к земле за скалой, примерно в тридцати ярдах слева от

двери дома. Здесь на некоторое время он залег, возможно прислушиваясь к разговору между людьми. Когда женщина открыла дверь и присела справа от нее вполоборота спиной к леопарду, тот в это время начал огибать скалу с другой стороны, покрыв двадцать ярдов, отделяющих его от угла дома, ползком на животе; затем, прокравшись вдоль стены, схватил женщину сзади и оттащил к скале. Здесь, когда она уже была мертва, леопард, возможно услышав тревожный оклик старика, поднял ее и, высоко держа в зубах так, что никаких следов от ее рук или ног не осталось на мягкой, недавно вспаханной земле, понес свою добычу по первому полю вниз через трехфутовую межу и дальше через другое поле, кончавшееся двенадцатифутовым обрывом, выходившим на хорошо протоптанную дорогу. Не выпуская из пасти свою ношу, весившую около семидесяти килограммов, леопард спрыгнул вниз. Приземлившись после прыжка с двенадцатифутовой высоты, он удержал все тело женщины на весу! Перейдя тропу, леопард устремился вниз по горе и, пройдя еще полмили, остановился и сорвал одежду со своей жертвы. Отъев немного мяса, он оставил ее на изумрудно-зеленой траве маленькой прогалины, в тени дерева, образовавшего своими ветками вместе с ползучими растениями подобие свода.

Около четырех часов пополудни мы спустились вниз и засели в засаде около мертвой женщины, захватив с собой бензиновую лампу и фонарь для ночной охоты.

Леопард, вероятно, слышал, как шумели жители деревни при розысках женщины и позже, когда они стали стеречь ее труп. Следовательно, если зверь вернется к своей жертве, то будет очень осторожен. Поэтому, решив сделать засаду в некотором отдалении от убитой, мы выбрали для этой цели дерево примерно в шестидесяти ярдах в стороне, на холме, откуда хорошо было видно всю прогалину.

Это дерево — невысокий дуб — росло у подножия холма, с правой стороны. После того как мы спрятали в маленьком углублении керосиновую лампу и прикрыли ее сосновыми веточками, Ибботсон сел в засаду в развилке дерева, откуда очень хорошо было видно убитую, а я, повернувшись к нему спиной, сидел лицом к холму. Ибботсон должен был стрелять, а я обеспечивать нашу безопасность. Так как электрический фонарь не действовал, — возможно, перегорели батареи, — мы решили сидеть до тех пор, пока Ибботсон будет в состоянии что-нибудь различать; потом мы зажжем лампу и пойдем назад в деревню, куда, как мы надеялись, уже пришли наши люди из Рудрапраяга.

У нас не было времени, чтобы произвести разведку окрестностей, но жители сообщили, что к востоку от того места,

где лежал труп, имеются очень густые джунгли, туда, они уверены, скрылся леопард. Если он появится со стороны джунглей, Ибботсон увидит зверя задолго до того, как тот достигнет прогалины, и у Ибботсона будет возможность сделать удачный выстрел, так как его ружье было оборудовано оптическим прицелом, который не только помогал точно прицелиться, но еще давал дополнительных полчаса охоты, в чем мы убедились на опыте. Когда минута солнечного света приобретает столь большое значение, проводя грань между успехом и неудачей, смещение фактора света во времени крайне важно.

Солнце садилось за высокие горы на западе, и несколько минут мы уже были в тени, как вдруг каркер, испуская лающие звуки, ринулся с той стороны горы, где, как нам говорили, находятся непроходимые джунгли. На уступе олень немного задержался, потом, «полаяв» на месте, скрылся на противоположной стороне, и звуки затихли вдалеке.

Несомненно, каркер был потревожен леопардом, и хотя вполне возможно, что в этой местности могли быть другие леопарды, все-таки надежды мои возросли; когда же я, обернувшись, посмотрел на Ибботсона, то увидел, что и он был начеку, потому что держал ружье обеими руками.

Свет начал постепенно блекнуть, но все еще было достаточно хорошо видно, чтобы стрелять без помощи оптического прицела. Вдруг сосновая шишка, задетая где-то вверху, ярдах в тридцати от нас в низких зарослях, перекатываясь, слетела с холма и стукнулась о дерево рядом с моей ногой. Леопард появился и, может быть, чувствуя что-то неладное, подкрадывался так, чтобы из безопасного места на горе можно было разглядеть все поблизости от его добычи. К несчастью, он приближался к трупу по прямой линии мимо дерева и, хотя моя фигура не выделялась и я мог остаться незамеченным, он, наверное, увидел бы Ибботсона, сидевшего в развилке ветвей.

Мы услышали, что леопард осторожно приближался к дереву, но в это время я уже не мог стрелять — света не хватало, бесполезным стал и оптический прицел Ибботсона. Пришло время действовать, поэтому я попросил Ибботсона занять мое место, пока я зажгу лампу. Эта лампа была сделана в Германии и называлась «петромакс», она давала очень яркий свет, но со своим вытянутым корпусом и длинной ручкой по конструкции не подходила для использования в джунглях.

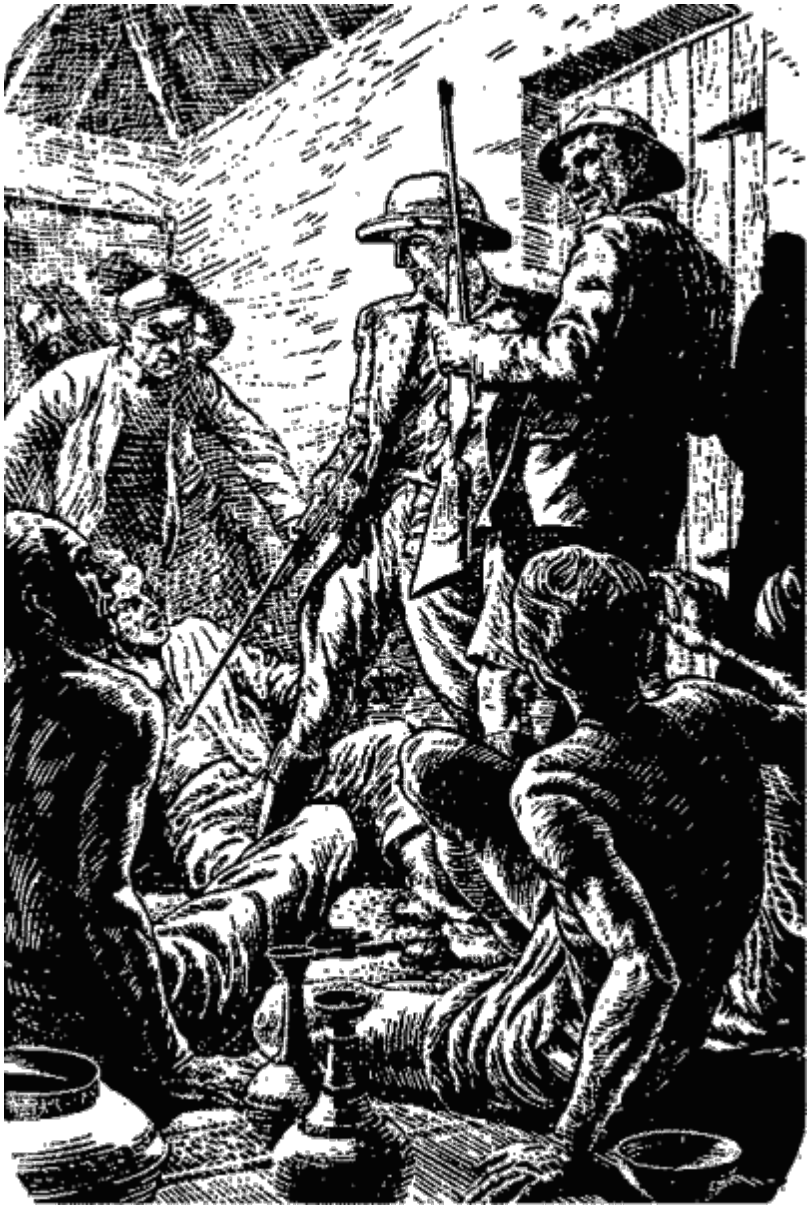
Я несколько выше ростом Ибботсона, и поэтому сказал ему, что нести лампу следует мне, но мой друг возразил: он прекрасно управится с этим делом сам и, кроме того, склонен полагаться на

мою винтовку больше, чем на свою. Так мы отправились в путь: Ибботсоп ведущим, а я за ним, держа оружие обеими руками.

Отойдя ярдов на пятьдесят от дерева и карабкаясь по скале, Ибботсон поскользнулся, причем корпус лампы сильно стукнулся о камень, а калильная сетка свалилась вниз. Полоска голубого пламени, выходящая из сопла и направленная на бензиновый резервуар, давала достаточный свет, чтобы видеть, куда ставить ноги. Но теперь возникал вопрос, как долго мы сможем пользоваться даже этим огнем. Ибботсон был того мнения, что лампу можно нести еще три минуты, прежде чем она разорвется. Три минуты, за которые надо подняться на полмили по крутому склону оврага, когда приходится каждые несколько шагов менять направление, чтобы обойти громадные выступы скал и кусты колючего кустарника. Возможно, нас преследовал леопард — так оно фактически и было, как мы позже выяснили, — и все это создавало ужасающую перспективу.

В человеческой жизни бывают моменты, которые, как бы давно они ни произошли, никогда не изгладятся из памяти. Карабканье в темноте на эту гору было для меня одним из таких моментов.

Когда мы достигли дорожки, наши треволнения еще не кончились, так как идти все еще было трудно — вся дорожка была покрыта пометом буйволов; кроме того, мы не знали, где наши люди. То скользя, то спотыкаясь о невидимые препятствия, мы наконец дошли до каких-то каменных ступеней, которые начинались вправо от дорожки. Поднявшись по ним, мы оказались в небольшом дворике, в глубине которого виднелся дом. Подойдя и услышав бульканье кальянов, мы постучали в дверь и крикнули, чтобы нам открыли. Никакого ответа не последовало. Тогда я вытащил коробку спичек, встряхнул ее и закричал, что если дверь сию минуту не будет отперта, я подожгу соломенную крышу. Тут из дома раздался встревоженный голос — меня просили не поджигать дом, уверяя, что дверь немедленно будет открыта. Минутой позже внутренняя дверь и вслед за нею внешняя открылись; двумя большими шагами мы прошли внутрь дома и сейчас же захлопнули внутреннюю дверь, придерживая ее нашими спинами.



В комнате находилось человек двенадцать или четырнадцать — мужчины, женщины и дети всех возрастов. Когда люди пришли в себя после нашего бесцеремонного вторжения, они попросили извинения за то, что не сразу отперли дверь, добавив: «Они и их семьи так долго жили под угрозой гибели от людоеда, что их храбрость испарилась». Не зная, какое обличье может принять людоед, они подозрительно относятся к каждому ночному звуку. Мы посочувствовали им, ведь с того момента, как Ибботсон, поскользнувшись, разбил калильную сетку, и несколькими минутами позже, когда он потушил красное пламя лампы, чтобы

она не разорвалась, я сам был уверен, что один из нас, а может быть, мы оба живыми до деревни не доберемся.

Нам сказали, что наши люди прибыли вечером и остановились в одном из домов, расположенных дальше на холме. Двое крепких мужчин, находившихся в комнате, предложили показать нам туда дорогу. Но мы знали, что было бы убийством посылать их обратно одних, и отклонили их предложение, которое было сделано с полным пониманием риска этого путешествия. Тогда они спросили, не возьмем ли мы какую-либо лампу. Порывшись в углах, обитатели дома вытащили старый и ветхий фонарь с треснутым стеклом. Основательное потряхивание обнаружило, что в нем есть еще несколько капель бензина. Мы зажгли фонарь и, провожаемые добрыми пожеланиями всех находившихся в доме, вышли наружу; обе двери были немедленно захлопнуты и заперты на засов.

Снова на нашем пути огромное количество луж, камней и помета буйволов, но мерцающий свет все же помог нам продвигаться вперед, и, найдя новую серию ступенек, по которым, как нас инструктировали, нам следовало подняться, мы попали в другой длинный двор. Слева и справа высились двухэтажные постройки; каждая была плотно закрыта, и никаких признаков света нигде не было видно.

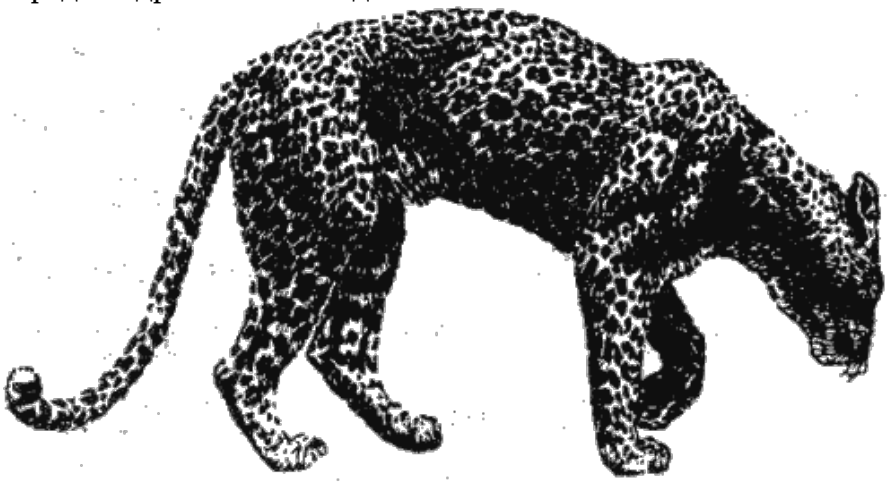
На наш зов открыли дверь; поднявшись по нескольким каменным ступеням, мы попали на веранду верхнего этажа, где нашли две примыкающие к ней комнаты, которые были отведены в наше распоряжение. В то время как нас освобождали от ружей и фонаря, неизвестно откуда появился песик. Это была дружественно расположенная деревенская бродячая собака. Обнюхав наши ноги и повиляв хвостом, она направилась к лестнице, по которой мы только что поднялись. В ту же секунду с пронзительным визгом, сопровождаемым истерическим лаем, она попятилась назад к нам. От ужаса вся шерсть на ней стояла дыбом.

Одолженный нам фонарь потух, как только мы вошли во двор, но наши люди достали другой, настоящий двойник первого. Хотя Ибботсон старался осветить им все вокруг, пока я спешно перезаряжал ружье, света оказалось явно недостаточно, чтобы осветить двор, находившийся в восьми футах ниже.

Наблюдая за поведением собаки, можно было понять, что делал леопард. Как только он вышел со двора и спустился по ступенькам, ведущим к дорожке, собака замолкла и легла, напряженно вглядываясь и время от времени рыча в том направлении, где исчез людоед.

Комната, которую нам предоставили, не имела окон. Чтобы

спать спокойно, оставалось одно: наглухо закрыть довольно солидную дверь, что исключало поступление чистого воздуха. Поэтому мы решили провести ночь на веранде. Собака, очевидно, принадлежала людям, занимавшим помещение до нас, и привыкла спать с ними, так как, очень довольная, она улеглась у нас в ногах, создав этим ощущение безопасности, пока мы по очереди бодрствовали все длинные часы этой ночи.



ОТСТУПЛЕНИЕ

Наутро, только рассвело, мы с большой осторожностью подошли к трупу и были разочарованы, заметив, что леопард к нему не возвращался. Мы ведь считали, что он должен это сделать, после того как ему не удалось схватить одного из нас накануне.

В течение дня, пока Ибботсон занимался кое-какими присланными ему служебными бумагами, я, взяв ружье, бродил в надежде подстрелить леопарда. Тропить по твердой, покрытой сосновыми иглами почве невозможно, поэтому я направился на выступавшую часть горы, за которой, как говорили жители, начинаются густые заросли джунглей. И действительно, оказалось, что здесь очень трудно передвигаться: в дополнение к этим густым зарослям, в которые просто невозможно было проникнуть, там встречалось много скал с крутыми обрывами, на которых человеческая нога никогда бы не смогла удержаться. В этой местности было удивительно много дичи, я нашел следы каркера, горала, кабанов и одинокой сероу, пересекавших тропы. Следов леопарда, за исключением немногих очень старых, не оказалось.

В то время как мы завтракали, принесли капкан, присланный из Рудрапраяга. К вечеру мы понесли его с собой на прогалину и там установили; затем в труп была положена отрава — цианид. Я не опытен по части ядов, так же как и Ибботсон. Однажды перед тем, как выехать из Найни-Тала, в беседе с приятелем-врачом я упомянул, что правительство выразило желание, чтобы были испробованы все возможные средства для уничтожения людоеда, однако для моей задачи применение яда бесполезно, так как

донесения показывают, что на леопарда яд не оказывает никакого эффекта. Потом я упомянул, какие яды были испробованы, и тогда он порекомендовал цианид как наиболее эффективный для представителей семейства кошачьих. Об этом я рассказал Ибботсону, и несколько дней назад прибыло достаточное количество цианида и капсюлей. Наполнив их ядом, мы вставили несколько штук в тело убитой в тех местах, где леопард его рвал и ел.

Мы питали всяческие надежды, что в эту вторую ночь людоед вернется к своей жертве, и, так как он заметил нас на дереве прошлой ночью, мы решили на этот раз засидки не делать, а оставить людоеда на волю судьбы — в жертву капкану и яду. На большой сосне около дорожки мы построили махан, куда набросали сена. Мы расположились там после того, как пообедали — готовил Ибботсон на примусе. В этом комфортабельном махане мы могли лежать, полностью вытянувшись, разговаривать и курить, так как единственный смысл нашего присутствия — это слушать звуки, доносившиеся оттуда, где находился труп. Мы спали и бодрствовали по очереди в надежде услышать гневный рев леопарда, если он случайно наткнется на капкан, — ведь здесь нельзя было направить его точно по пути, ведущему в приготовленную ловушку. Один раз в течение ночи мы услышали лающие звуки каркера, но они пришли с противоположной стороны, а не с той, откуда мы ожидали появления леопарда.

Как только забрезжил свет, мы слезли с дерева и, согрев себя чашкой чаю, подошли к трупу, который нашли на том же месте и в таком же положении, в каком его оставили.

После первого завтрака Ибботсон отбыл в Рудрапраяг, а я начал паковать вещи. Напоследок, прежде чем отправиться назад в пятнадцатидневное путешествие в Найни-Тал, я перекинулся несколькими словами с местными жителями. В это время пришла группа людей и сообщила новость — в деревне в четырех милях отсюда была убита корова. Они подозревали, что ее убил людоед, так как в предутренние часы прошлой ночью (той, когда он преследовал Ибботсона и меня от дерева до веранды дома) леопард настойчиво пытался сломать дверь дома старосты.

Эти люди усердно просили меня, чтобы я отложил свой уход в Найни-Тал и пошел вместе с ними в их деревню, захватив с собой капкан и яд.

Дом старосты стоял на небольшом холмике, со всех сторон окруженном распаханной землей. К нему вела дорожка, которая в одном месте проходила по мягкому и болотистому грунту; здесь я обнаружил следы людоеда.

Староста видел, что я иду долиной и приближаюсь к его дому. Он встретил меня дымящимся чаем, заваренным свежим молоком и подслащенным пальмовым сахаром. Пока я пил во дворе этот чудесный напиток, сидя на красном диване, обитом

кожей горала, он показал мне дверь, которую две ночи назад леопард пытался выломать. Староста, к счастью, имел внутри дома немного пиленого леса, предназначенного для ремонта крыши; этими бревнами он подпер дверь изнутри.

Хозяин был стар и страдал ревматизмом, поэтому послал своего сына показать мне убитую корову, пока он приберет и приготовит дом для меня и моих людей.

Я увидел, что туша молодой, хорошо упитанной коровы лежала на ровной небольшой площадке немного выше тропинки, протоптанной скотом. Для установки капкана положение лежащей туши было самым выгодным. Спина была повернута к разросшимся кустам роз, а копыта вытянулись к однофутовой меже, на которой и устроился леопард, пожирая ее, причем его передние лапы находились между ног жертвы.

В этом месте я разрыл землю, отбросил ее в сторону и установил капкан там, где леопард ставил свои лапы, прикрыв ловушку большими зелеными листьями. Потом, набросав тонкий слой земли, я положил на это место сухую листву, кусочки сухих веток и осколки кости, все точно в таком положении, в каком я это нашел между ногами коровы раньше. Ни один человек из сотни, подойдя к трупу, не смог бы заметить, что земля вскопана и там установлен смертоносный капкан.

Закончив эти хлопоты, я вернулся назад тем же путем и взобрался на дерево, которое находилось на полпути к дому старосты; оттуда в случае необходимости мне было бы удобнее оказаться у капкана.

К вечеру пара темноспинных серебряных фазанов и их выводок из пяти цыплят, за которыми я наблюдал, вдруг встревожились и поспешно побежали вниз с горы, а несколькими минутами позже появился каркер, выскочивший прямо на меня. Он немного «полаял» под моим деревом и удалился с крайней осторожностью, поднимаясь как бы на цыпочках вверх по горе. Ничего не произошло после этого, и, когда под деревом стало слишком темно и я уже не мог разглядеть даже мушку моего ружья, я спустился с дерева и в свою очередь крайне осторожно и почти на цыпочках, хотя был обут в башмаки с резиновыми подошвами, направился к деревне.

В ста ярдах от дома старосты тропа проходила через открытую прогалину примерно тридцати ярдов в длину и двадцати в ширину. В верхней части этой прогалины на горе находился большой выступ скалы. Когда я достиг этого открытого места, я вдруг почувствовал, будто бы за мной кто-то следит, и, решив выяснить обстановку, оставил тропу. Сделав два больших шага по мягкой и топкой почве, я притаился за скалой, не

выпуская труп из поля зрения.

Десять минут я выжидал, лежа на влажной земле. Едва начало смеркаться и солнечный свет погас, я снова вышел на тропу и, принимая всевозможные меры предосторожности, проделал оставшуюся часть пути до дома старосты.

Среди ночи, разбудив меня, староста сказал, что ему послышалось, будто леопард царапал дверь. Когда наутро я открыл ее, то увидел следы когтей людоеда на запыленной земле около двери. По этим следам я прошел до прогалины и обнаружил, что вчера вечером зверь шел за мной по пятам. Он отошел от тропы там же, где и я; перешел топкое место, дошел до скалы и после — опять-таки так же, как и я, — вернулся на тропу и шел следом за мной до самого дома старосты, который он много раз обошел.

Отойдя от дома, леопард пошел назад к тропе. По мере того как я продвигался по его следу до того места, где лежал труп, мои надежды снова возросли, и все только потому, что вплоть до этого времени я недостаточно полно представлял себе степень хитрости этого людоеда-леопарда, которую он приобрел после восьми лет близкого соприкосновения с человеком.

Я сошел с тропы и направился по твердому грунту к трупу, но еще издали увидел, что его уже там нет. Однако место, где был зарыт капкан, осталось нетронутым, лишь на земле виднелись два следа леопарда. Сидя на меже высотой всего лишь в один фут, так же как и в прошлую ночь, леопард положил обе передние лапы между коровьими ногами, но на этот раз он так широко их раздвинул, что коровьи ноги лежали на спрятанных пружинах капкана, которые приходят в движение и закрывают большие челюсти, только когда спуск освобождается. Здесь, находясь в безопасности от челюстей капкана, он пожрал свое «блюдо», потом обошел вокруг площадки и, схватив корову за голову, оттащил ее через кусты роз и проволок пятьдесят ярдов вниз по горе, где и остановился у молодого дубка. Довольный своей ночной работой, леопард направился дальше по той же тропе. Я шел по его следам около мили, пока они не пропали на твердом грунте.

Не было надежды, что леопард снова вернется к трупу коровы. Тем не менее, чтобы успокоить совесть, я положил основательную дозу цианида в останки коровы, ведь я не сделал этого прошлой ночью. Сказать по правде, одна только мысль пользоваться ядом была мне тогда ненавистна, не менее отвратительна она мне и сейчас.

На следующий день я пришел к трупу и увидел, что леопард съел все части туши, куда был положен яд. Однако я был уверен,

что отравленное мясо съедено другим леопардом, который случайно наткнулся на этот труп коровы, а не людоедом, и по возвращении в деревню сказал старосте, что больше у них не останусь и искать мертвого леопарда не буду, но готов заплатить сто рупий любому, кто найдет его труп, снимет шкуру и отнесет к патвари. Спустя месяц награда была затребована; шкура леопарда, умершего много дней назад, была закопана самим патвари.

Укладывание вещей заняло у моих людей очень мало времени, и вскоре после полудня мы вышли в наше далекое путешествие назад в Найни-Тал. Когда мы спускались вниз по узкой пешеходной тропинке к Чатвапайпальскому мосту, большая крысиная змея лениво переползла дорожку, и, пока я стоял, глядя, как она уползает, Мадо Синг, стоявший позади, промолвил: «Вот ползет злой дух, виновник вашей неудачи».

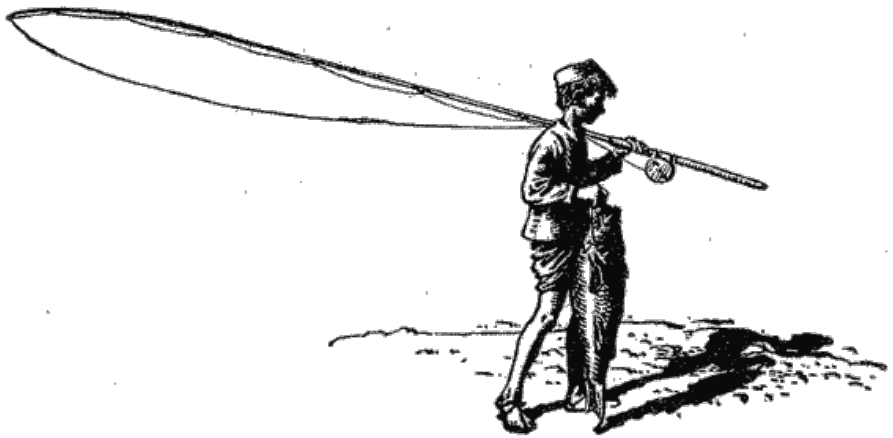
То, что я оставил Гарвал на милость людоеда, — что, возможно, показалось вам бессердечным, впрочем, так и мне представлялось, — было враждебно принято и раскритиковано в прессе; в то время об этом людоеде ежедневно писалось в индийских газетах.

В свое оправдание я должен заявить, что усилие, требующее большого напряжения, не может длиться бесконечно. В таком состоянии напряжения я находился двадцать четыре часа в сутки в течение многих недель, проведенных мною в Гарвале. Снова и снова после ночных засад на следующий день я каждый раз проходил несчетное количество миль, посещая отдаленные деревни, откуда приходили известия о неудачных попытках и нападениях людоеда. Многие лунные ночи мне приходилось просиживать в крайне неудобной позе. Физическое напряжение доходило до предела, уже не было сил держать глаза открытыми, и людоед без труда мог бы меня схватить.

Часами я шел в одиночестве по тропам, которые только и были открыты мне и леопарду, стараясь применить все известные мне способы и трюки, чтобы перехитрить своего противника. Людоед с не покидавшим его счастьем или посредством дьявольской хитрости избегал пули, которую я послал бы в него одним только нажимом пальца. Пройдя снова по своему пути в то утро после ночных экскурсий, я удостоверился по следам лап, что был прав — непосредственно шаг за шагом меня преследовали. Сознание, что жаждущий крови людоед идет по твоим следам ночью, как бы ярко ни светила луна, внушит кому угодно ощущение своей неполноценности, которое совершенно расслабляет. Это чувство, в случае повторения ситуации, отнюдь не уменьшается.

Мое дальнейшее пребывание в Рудрапраяге в состоянии крайнего физического и душевного переутомления вряд ли бы принесло пользу населению Гарвала и в то же время могло бы стоить мне жизни. Зная, что некоторый перерыв в исполнении задачи, которую я сам перед собой поставил, будет сильно раскритикован прессой, и тем не менее чувствуя свою правоту, я побрел назад к своему далекому дому, заверив жителей Гарвала, что как только смогу — я вернусь назад и помогу им.

РЫБОЛОВНАЯ ИНТЕРМЕДИЯ



Поздней осенью 1925 года, усталый и удрученный, я ушел из мест, где потерпел поражение, и ранней весной 1926 года, отдохнувший и полный надежд, снова вернулся, чтобы возобновить свой труд.

В это второе посещение Гарвала с целью выследить и уничтожить людоеда я сначала проехал на поезде до Котдвари, а оттуда пошел пешком к Паури, сэкономив таким образом восемь дней пути. В Паури ко мне присоединился Ибботсон, проводивший меня до Рудрапраяга.

В течение моего трехмесячного отсутствия людоед убил в Гарвале десять человек, и за это время никаких попыток уничтожить хищника со стороны объятого ужасом населения не предпринималось.

Последний из этих десяти жертв — маленький мальчик — был схвачен на левом берегу Алакнанды за два дня до нашего прибытия в Рудрапраяг. Телеграмма об этом происшествии была нами получена еще в Паури, и, хотя мы двигались как только могли быстро, наше разочарование было велико, когда мы узнали от патвари, поджидавшего нас в бунгало, что леопард прошлой ночью доел труп целиком, ничего не оставив от своей маленькой жертвы, около которой мы могли бы устроить засидку.

Мальчик был убит около полуночи в деревне, находившейся в четырех милях от Рудрапраяга, и, так как было маловероятно, что людоед перешел реку после того, как никем не тревожимый полакомился своей жертвой, мы немедленно приняли меры для перекрытия висячих мостов.

В течение зимы Ибботсон организовал весьма эффективную систему информации на всей территории, где действовал людоед.

Если на этой площади происходило убийство собаки, козы, коровы, человека или же была предпринята попытка выломать и открыть дверь, новость о случившемся немедленно доставлялась нам гонцом.

К нам приходили сотни ложных слухов о нападениях леопарда. Такие донесения были причиной бесконечного количества миль, которые мы проходили впустую. Всего этого, конечно, можно было ожидать, так как на такой площади, где действует хорошо известный людоед, каждый с подозрением относится к своей собственной тени и любой звук, услышанный ночью, приписывается тому же людоеду.

Галту, житель деревни Кунда, расположенной в семи милях от Рудрапраяга на правом берегу Алакнанды, ушел из деревни вечером, чтобы провести ночь в своем сарае для скота в миле от деревни. Когда его сын на следующее утро пришел в сарай, он увидел, что одеяло отца разорвано и половина лежит снаружи, а на тропинке, проходящей по мягкому грунту, заметил то, что посчитал следом, оставленным телом, которое волокли по земле; тут же рядом виднелись следы людоеда. Вернувшись в деревню, он поднял тревогу; шестьдесят человек ушли искать останки погибшего, четверых отправили в Рудрапраяг известить нас. Весть об исчезновении Галту пришла в то время, как мы с Ибботсоном в поисках людоеда обшаривали возвышенность на левом берегу реки. Я был уверен: он находится на нашей стороне реки, и поэтому предположение об убийстве Галту не соответствует действительности, а Ибботсон отправил патвари с четырьмя людьми назад в Кунду с инструкцией, чтобы тот произвел личные розыски и составил нам официальное донесение. На следующий вечер мы получили отчет патвари с наброском следов лап леопарда на мягкой земле около входа в сарай. В отчете говорилось, что поиски, которые в течение целого дня вели двести человек, не дали результатов — останки Галту не были обнаружены; поиски будут продолжаться. В приложенных набросках были изображены шесть кружков: внутренний размером с блюдечко и пять других кружков вокруг него, расположенных на одинаковых расстояниях, размером с чайную кружку. Все кружки были сделаны с помощь компаса. Пятью днями позже, как раз когда мы с Ибботсоном намеревались устроить засаду на одной из башен моста, к бунгало подошла процессия. Впереди вели разгневанного человека, который громко протестовал, крича, что он не совершил никакого проступка, за который его можно было бы арестовать и вести в Рудрапраяг. Сердитый человек был Галту. После того как мы его успокоили, он рассказал, что с ним приключилось.

По его словам, только он собрался уйти из дома в ту ночь, когда, как предполагали, его утащил леопард, пришел сын и сообщил, что заплатил сто рупий за пару буйволов, которые, по мнению Галту, не стоили больше семидесяти. Бессмысленная потеря денег так его взбесила, что, проведя ночь в сарае для скота, он встал рано утром и пошел в деревню, находящуюся на расстоянии десяти миль, где жила его замужняя дочь. Вернувшись домой, он был арестован патвари и сейчас хочет знать, какое он совершил преступление, чем объясняется его арест. Прошло немного времени, прежде чем он увидел комическую сторону обстоятельства, но, как только все понял, начал сам смеяться так же искренне, как и любой человек из собравшейся толпы, при мысли, что столь важная персона, как патвари, и двести человек его друзей-односельчан в течение пяти дней искали его останки, в то время как он сам прохлаждался в деревне в десяти милях отсюда. Эта история — хороший пример возникновения таких ложных слухов.

Ибботсон не был расположен лежать всю ночь на башне Рудрапраягского моста, обдуваемой со всех сторон ветром, и так как можно было достать лес и плотников, ему построили площадку в арке башни, и на этой площадке мы сидели в засаде пять дней подряд, которые Ибботсон по состоянию своих дел мог провести в Рудрапраяге.

После ухода Ибботсона леопард убил собаку, четырех коз и двух коров. Собака и козы были начисто съедены в те ночи, когда были убиты. Около каждой из коров я сидел в засидке по две ночи. На вторую ночь, в то время как я сидел около первой коровы, леопард пришел, но только я поднял ружье и приготовился зажечь захваченный с собой электрический фонарик, одна женщина в ближайшем от засидки доме стукнула рукой в дверь, прежде чем ее открыть, и, к несчастью, спугнула леопарда.

За это время ни один человек не был убит, но одну женщину с ребенком леопард сильно покалечил. Ему удалось открыть дверь комнаты, где она спала со своим ребенком, и, схватив ее за руку, он попытался вытащить свою жертву из комнаты. К счастью, женщина оказалась смелой и решительной, она не упала без чувств и не потеряла присутствия духа. После того как леопард, проволочив ее по комнате и собираясь вытащить наружу, попятился, она захлопнула дверь, отделавшись тяжелой рваной раной на руке и несколькими глубокими ранами на груди; у ребенка была только одна рана на голове. В этой комнате я сидел в засидке две последующие ночи, но леопард не появлялся.

Как-то в последних числах марта после посещения одной

деревни я возвращался домой по Кедарнатхской дороге паломников и, когда приблизился к месту, где путь проходит непосредственно вдоль берега реки Мандакини и где вода падает с высоты десяти — двенадцати футов, увидел несколько человек, сидевших на скале вверху водопада на той стороне реки; они держали сетку треугольной формы, прикрепленную к длинному бамбуковому шесту. Шум воды мешал разговаривать, поэтому, сойдя с дороги, я сел на выступ скалы с моей стороны водопада, чтобы отдохнуть и покурить. Кроме того, мне хотелось посмотреть, что эти люди делают. Вскоре один из них вскочил на ноги и весьма оживленно стал показывать на что-то в пенящейся у подножия водопада воде. Одновременно все его компаньоны протянули длинный шест, держа сетку у самой падающей воды. Большой косяк махсиров разной величины и веса, от пяти до пятидесяти фунтов, собирался подняться по водопаду. Одна из этих рыб весом около десяти фунтов совершенно выпрыгнула из воды, и когда падала назад, то попала в искусно подставленную сеть. Когда рыбу вынули и положили в корзину, сетку опять опустили, держа ее ближе к водопаду. Вероятно, около часа я наблюдал за этим видом спорта; за это время люди поймали четырех рыб, каждая того же веса — около десяти фунтов.

В мой прошлый визит в Рудрапраяг дежурный сторож в бунгало инспекции говорил, что здесь хороша весенняя рыбная ловля, до того как пройдет паводок со снежной водой в обеих реках — Алакнанде и Мандакини. Поэтому на этот раз я пришел вооруженный лососевой удочкой с клееным удилищем из тростника длиной в четырнадцать футов, сайлексовой[24] катушкой с лесой длиной в двести пятьдесят ярдов и несколькими надежными поводками и ассортиментом самодельных латунных блесен размерами от одного до двух дюймов.

На следующий день, так как никаких новостей о людоеде не

приходило, я отправился к водопаду со своей удочкой и рыболовными снастями.

Прыгающих у водопада рыб, как это было вчера, сегодня не оказалось, и все люди, собравшиеся на той стороне реки, сидели вокруг небольшого костра и покуривали кальян, передавая друг другу трубку из рук в руки. Они с интересом смотрели на меня.

Ниже водопада находился водоем площадью тридцать на сорок ярдов, опоясанный скалистыми утесами, протянувшимися примерно на двести ярдов. Эти утесы на одну сотню ярдов были видны с того места выше по течению, где я стоял. Вода в этом прекрасном озерце была кристально чистой.

Скала в основании озера совершенно отвесно поднималась из воды на двенадцать футов. На протяжении двадцати ярдов она сохраняла эту высоту, потом отлого поднималась вверх, доходя до ста футов. Сойти к воде в каком-нибудь месте с моей стороны было невозможно; столь же невозможно и бесполезно было бы следовать за рыбой по берегу, если предположить, что мне удалось бы поймать какую-нибудь на крючок, потому что наверху росли деревья и кусты, а в конце водоема река, стремительно несясь дальше, пенистыми каскадами падала вниз до своего слияния с Алакнандой.

Вытащить рыбу на берег из этого озера — трудное и отчаянное дело, однако я решил не думать об этом и не складывать удочку до тех пор, пока рыба не будет поймана.

На моей стороне озерца вода, устремляясь вперед, превращалась в миллионы маленьких пузырьков; здесь было глубоко, а на полпути до другого берега показывалось усыпанное гальками дно, поверх которого слоем в четыре — шесть футов текла вода. Над этим галечным дном, каждый голыш и камешек которого был виден сквозь призрачную воду, масса рыб от трех до десяти фунтов весом медленно двигалась против течения.

В то время как я глядел на них, стоя на скалах в двенадцати футах над водой с двухдюймовой блесной на тройнике в руках, стайка молоди, сверкнув в глубине, пронеслась над каменистым дном, преследуемая по пятам тремя большими усачами. С помощью отличного лососевого спиннинга — друг Харди никогда не предполагал, что он будет таким образом использован, но на самом деле это уже было не впервые, — я забросил блесну и в охотничьем пылу несколько преувеличил бросок, в результате чего блесна ударилась о противоположную скалу, поднимавшуюся над водой примерно на два фута. По совпадению, блесна слетела в воду как раз в тот момент, когда у скалы появилась стайка молоди, и едва блесна коснулась воды, как была схвачена усачом, шедшим одним из первых.

Если производишь подсечку с длинной лесой, стоя на возвышении, всегда надо ждать весьма сильного натяжения снасти, но моя прекрасная удочка выдержала, и крепкий тройной крючок основательно засел во рту усача. Усач, казалось, не понял, что произошло: повернувшись ко мне своим светлым брюшком, он две-три секунды качал головой из стороны в сторону. Потом, напуганный болтающейся блесной, все время ударяющей его по голове, сделал мощный рывок и стремительно метнулся вниз по потоку, расшвыривая во все стороны небольших рыб, залегших на каменистом дне.

При первом рывке усач пронесся вперед, потянув с катушки сто ярдов лесы, и после секундной остановки ушел еще на пятьдесят ярдов. На катушке оставалось вполне достаточно лесы, но рыба вошла в излучину озерца, приближаясь к его выходу, — это было опасно. Поочередно отпуская и натягивая лесу, я в конце концов добился того, что повернул голову усача против течения. Сделав это, я весьма осторожно протащил его назад по излучине на те сто ярдов воды, которые мог просматривать со своего места.

Как раз подо мной выступ скалы образовал заводь, и вот после получасовой игры-сопротивления рыба позволила себя туда завести.

Теперь я решительно добрался до трудного места и только было с сожалением подумал, что преодолеть его не смогу и поэтому рыбу придется пустить по течению, как около меня на скалу легла тень. Всматриваясь с выступа скалы в глубину заводи, человек заметил, что это очень большая рыба, и, не переводя дыхания, спросил, что я собираюсь с ней делать. Когда я ему ответил, что рыбу из-под скалы невозможно вытащить и, мол, поэтому единственное, что можно сделать, — это отпустить ее на свободу, он сказал: «Подождите, саиб, я позову брата».

Его брат, высокий и худощавый подросток с живыми глазами, когда его позвали, очевидно, чистил коровий хлев. Поэтому старший брат приказал ему сначала пойти к воде и вымыться, чтобы тот не поскользнулся на гладкой скале, а мы в это время держали совет.

В том месте, где мы стояли, начиналась небольшая расщелина шириной в несколько футов; она была неровная и падала вниз, уходя под утес и кончаясь примерно в одном футе от воды совсем маленьким выступом, в несколько футов. План, на который мы окончательно согласились, заключался в том, что юноша — он уже вернулся с блестящими от воды руками и ногами — должен спуститься на этот выступ, в то время как старший брат сойдет по трещине настолько, чтобы удержать левую руку юноши, между тем как я, лежа на скале, буду держать

старшего брата за другую руку. Прежде чем привести в действие наш план, я спросил братьев: случалось ли им хватать рыбу голыми руками и умеют ли они плавать. Я получил ответ, сопровождаемый смехом: они знают, как брать рыбу руками, и плавают в реке с детства.

Загвоздка заключалась в том, что я не мог одновременно держать руками удочку и составлять звено нашей цепи. Так или иначе, надо было рискнуть, поэтому я положил удилище на землю и взял лесу в левую руку, а когда братья заняли свои позиции, я растянулся ничком на скале и, свесившись, дотянулся и схватил другой рукой руку старшего брата. Потом крайне осторожно начал подтягивать рыбу к скале, поочередно держа лесу то левой рукой, то зубами. Не было сомнения в том, что юноша прекрасно знал, как обращаться с рыбой, так как не успела она коснуться скалы, он засунул свой большой палец под одну жабру, а остальные пальцы под другую, крепко схватив рыбью глотку. До сих пор усач был вполне послушен, но как только его схватили за глотку, он внезапно рванулся, и несколько секунд казалось, что мы все трое стремглав полетим в воду.

Оба брата были босиком, и, когда не надо было удерживать лесу и оказалось возможным им помочь обеими руками, я начал усердно тянуть их кверху, в то время как они, повернувшись лицом к скале, стали влезать наверх с помощью пальцев ног.

Когда наконец усач был благополучно вытащен и лежал на земле, я спросил братьев, едят ли они рыбу. Получив быстрый положительный ответ — они, мол, готовы всегда ее есть, если только могут достать, — я сказал им, что эту рыбу — великолепного усача, весящего немногим более тридцати фунтов, отдам им, если они помогут мне поймать еще одну такую рыбу, для моих людей, и они очень охотно согласились.

Тройной якорь глубоко вонзился в кожистую нижнюю губу усача, и, пока я его отрезал, братья с интересом разглядывали, что я делаю. Когда якорь был высвобожден, они спросили, могут ли взглянуть на него. Три крючка в одном — такую вещь они никогда не видели, не только они, но и никто у них в деревне. Согнутый кусок латуни — это, конечно, грузило? Чем наживляются крючки? А почему рыба клюет на латунь? И действительно ли это латунь или какой-нибудь сорт высушенной приманки? Когда блесна, катушка с тремя шарнирными соединениями были рассмотрены и расхвалены братьями, я попросил их посидеть и посмотреть, как буду готовиться к поимке второй рыбы.

Самый большой усач в озере был виден у подножия водопада, но здесь, в этой пенящейся белой воде, кроме него, плавало

несколько очень больших местных сомов, весьма охотно клюющих на блесну или на снасточку. Эти рыбы являются в 90 процентах случаев виновниками гибели снастей в наших горных реках вследствие их пренеприятной для рыболовов привычки — как только попадут на крючок, так сейчас же ныряют до дна и прячут голову под скалу, откуда их всегда весьма нелегко, а часто и невозможно вытащить.

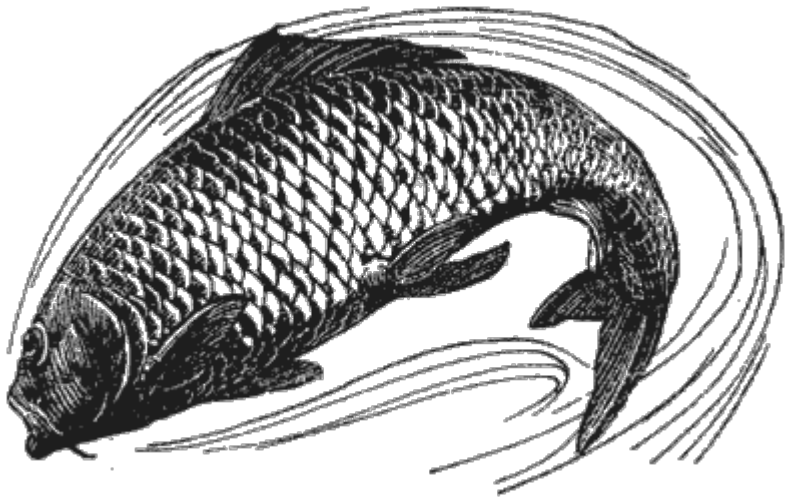
Трудно было представить лучшее место, чем то, откуда я забрасывал блесну первый раз, поэтому я снова занял свою позицию с удочкой в руке.

Пока я возился с усачом и благодаря нашим последующим действиям у скалы, рыбы, потревоженные на каменистом дне, теперь снова начали собираться, и вскоре оживленные восклицания братьев и их выразительная жестикуляция привлекли мое внимание к одной большой рыбине в дальнем конце потока, там, где дно, покрытое галькой, уже больше не проглядывало и начиналась глубокая вода. Прежде чем я смог забросить блесну, рыба повернулась и исчезла в глубокой воде, но немного позже снова появилась, и, как только она вошла в мелководье, я тут же кинул, но, очевидно, леса намокла, и заброс вышел коротким. Второй заброс был великолепен и по месту и по времени: блесна хлопнула по воде точно в той точке, где я хотел. Прождав с секунду, чтобы дать блесне утопиться, я начал сматывать катушку, придавая блесне правильное и нужное количество оборотов, и в то время, как я подтягивал лесу с легкими подергиваниями, вдруг появился усач и в следующий момент полностью выскочил из воды с крепко засевшим в глотке крючком. Свалившись назад с шумным всплеском, он бешено кинулся вниз по потоку, к большому волнению зрителей, так как люди с того берега тоже наблюдали за всем происходящим так же напряженно, как и мои помощники.

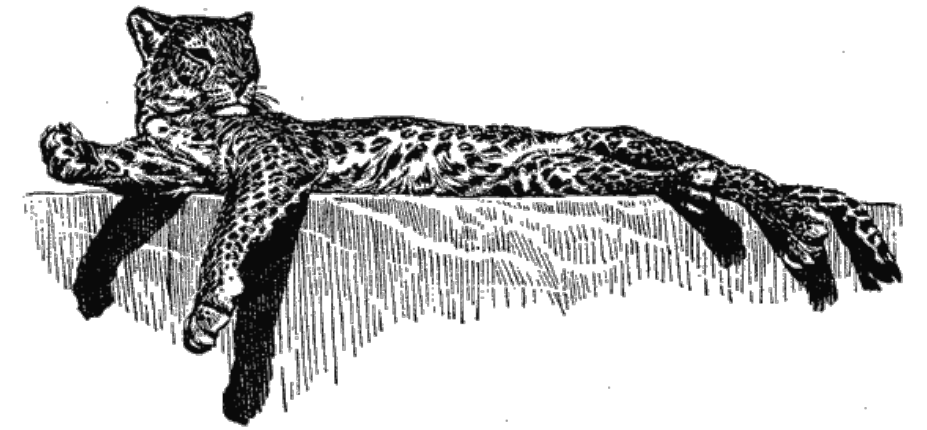
По мере того как катушка вертелась и раскручивалась леса, братья, вставшие рядом со мной, просили меня не дать рыбе уйти вниз к дну водоема. Легче сказать, чем сделать, ибо невозможно остановить первый рывок усача какого угодно размера без риска разорвать лесу или оторвать карабин поводка. Но счастье было с нами, впрочем, может быть, рыба испугалась вращения блесны, потому что, когда лесы на катушке оставалось менее пятидесяти ярдов, она задержалась на мгновение, и, хотя продолжала сопротивляться, в конце концов была подведена к излучине и водворена в заводь у подножия скалы. Вытаскивание на берег этой рыбины было не столь трудным, как первой, так как каждый из нас точно знал свое место и обязанности.

Оба усача были равной величины, но второй оказался

немного тяжелее первого, и, в то время как старший брат с триумфом направился в свою деревню с рыбой на плече (через нее была пропущена тут же им сделанная травяная веревка), его младший брат-подросток попросил разрешения сопровождать меня до бунгало инспекции, с тем чтобы нести рыбу и мою удочку. Я вспомнил себя в далекие дни мальчуганом и своих братьев-рыболовов. Поэтому малому не нужно было долго упрашивать меня. «Если вы позволите мне нести и рыбу, и удочку, а сами пойдете на некотором расстоянии сзади меня, саиб, все люди, которые увидят меня по пути или на базаре, подумают, что это я поймал такую большую рыбу, такую, какой они никогда не видели».



СМЕРТЬ КОЗЛА



В последние дни марта Ибботсон приехал из Паури, а на следующее утро, когда мы завтракали, пришло известие, что леопард этой ночью неоднократно появлялся и был замечен вблизи деревни к северо-востоку от Рудрапраяга, примерно в одной миле от того места, где мы убили другого леопарда, попавшего в капкан.

Значительная площадь в полумиле к северу от деревни и на кряже очень высокой горы представляла собой пересеченную ущельями местность, где возвышались огромные скалы и зияли глубокие пещеры, в которых, как говорили местные жители, их прадеды добывали медь. Все это пространство было покрыто джунглями, местами непроходимыми, спускающимися вниз по склону горы в пределах полумили над полями, шедшими террасами и расположенными выше деревни.

Уже давно я подозревал, что для людоеда эта местность — надежное укрытие в окрестностях Рудрапраяга. Часто я вскарабкивался на командные высоты над изломанным плато в надежде обнаружить его, лежащего на скалах и с наслаждением греющегося в лучах раннего утреннего солнца, чем очень любят заниматься леопарды, живущие в холодном климате. Стрелять в них в этих случаях — дело обычное, и все, что требуется, — это немного терпения и точный прицел.

Рано окончив второй завтрак, мы с Ибботсоном вышли из дома со своими винтовками 275-го калибра в сопровождении одного из людей Ибботсона, который нес небольшой длины веревку. В деревне мы купили молодого козленка — ведь леопард убивал всех коз и козлов, которых время от времени я для него

приготовлял.

Из деревни каменистая тропа, проторенная козами, вела прямо вверх по горе до края пересеченной оврагами местности, где поворачивала влево и, пройдя ярдов сто по открытому месту на горе, огибала ее выступ. Эта тропа там, где она шла поперек горы в точке наибольшего своего возвышения, была окаймлена редким кустарником, а в нижней части, где круто спускалась, — низким травостоем.

Привязав козленка к крепко вбитому колу на изгибе тропы в десяти ярдах ниже кустарника, мы спустились по горе на сто пятьдесят ярдов, где были большие скалы, за которыми мы спрятались. Козленок оказался самым лучшим крикуном из всех, каких я когда-либо слышал. Он непрестанно испускал резкое и пронзительное блеяние; нам не нужно было сторожить его, так как он был привязан вполне надежно и леопард не смог бы его утащить.

Солнце — огненный красный шар — опустилось на ширину локтя от снежных вершин над Кедарнатхом, когда мы заняли наши позиции за скалами. Получасом позже, когда мы уже несколько минут находились в тени, козленок вдруг перестал блеять. Прокравшись вдоль скалы и взглянув сквозь травяную ширму, я увидел его с поднятыми настороженными ушами, глядящего в сторону кустарника, вдруг козленок затряс головой и попятился на всю длину веревки.

Несомненно, привлеченный блеянием козленка, леопард появился, и то, что он сразу не набросился на него, доказывало: леопард подозревал что-то неладное. Ибботсон мог точнее прицелиться, так как его ружье было снабжено оптическим прицелом, и поэтому я отодвинулся. Когда он лег, приставив ружье к плечу, я прошептал ему, чтобы он внимательно присматривался к кустарнику в направлении, куда глядит козленок, так как был уверен в том, что если козленок может видеть леопарда, — а все показывало, что это так, — то Ибботсон также может его рассмотреть через свой мощный оптический прицел. Несколько минут Ибботсон глядел в окуляр прицела, затем покачал головой, положил ружье наземь и отодвинулся, чтобы я занял место.

Козленок стоял точно в той же позе, в какой я видел его последний раз; по направлению его взгляда я навел прицел на те кусты, на которые он смотрел. Через прицел можно было разглядеть, как козленок моргает ресницами, самые незначительные движения его ушей и даже бакенбардов; но хотя я также всматривался в течение нескольких минут в кусты, ничего интересного разглядеть не смог.

Отведя глаза от окуляра, я заметил, что стало быстро смеркаться, и козленок выделялся красно-белым пятном на фоне горы. Нам предстоял длинный путь обратно, а дальнейшее ожидание было бы и бесполезно и опасно, поэтому, встав, я сказал Ибботсону, что нам пришло время двигаться.

Подойдя к козленку, который не издавал больше ни звука, мы отвязали его и вместе с человеком, который его вел, направились в деревню. Этому козленку, очевидно, никогда не надевали веревку на шею, и он весьма решительно сопротивлялся тому, чтобы его вели, поэтому я сказал человеку, чтобы он снял веревку с шеи животного. По опыту я знал, что если козла освободить после того, как он был привязан в джунглях, то он от страха или от потребности в обществе будет следовать по пятам, словно собака. Этот козел, видно, имел особые, присущие ему одному идеи и склонности, и не успел человек снять с его шеи веревку, как он повернулся и побежал по тропинке вверх.

Потерять хорошо блеющего козленка, который однажды уже привлек к себе леопарда и может сделать это еще раз, было бы обидно. Кроме того, несколько часов назад мы заплатили за него изрядную сумму, поэтому в свою очередь побежали вверх по тропе, рьяно преследуя беглеца. На изгибе тропы козел повернул влево, и мы потеряли его из виду. Держась тропы, как это делал козел, мы дошли до выступа на горе, откуда была видна значительная ее часть, покрытая низкорослой травой, и так как его нигде в поле зрения не оказалось, мы решили, что он срезал дорогу, возвращаясь к деревне, и двинулись назад по тому же пути, по которому пришли сюда. Я шел первым, и мы уже прошли сто ярдов по тропе, которая в своей верхней части была окаймлена редким кустарником, а в своей нижней, крутой части — короткой травяной растительностью, как вдруг я увидел что-то белое впереди меня. Свет почти померк; осторожно приблизившись к белому предмету, я обнаружил, что это был козленок, лежавший во всю свою длину на узкой тропе в том единственно возможном положении, которое позволяло его трупу не скатиться вниз по круче горы. Кровь текла из его горла, и, когда я прикоснулся к нему рукой, его мышцы еще вздрагивали.

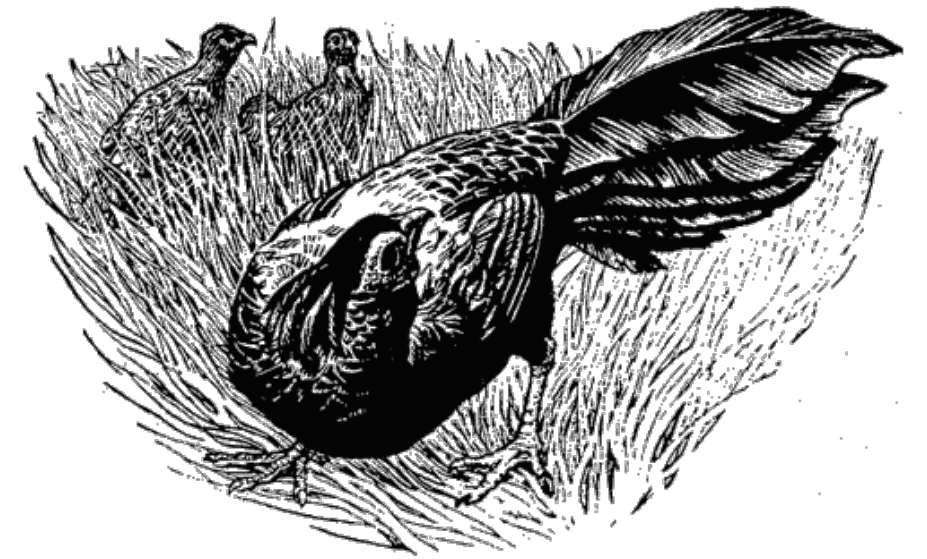
Казалось, как будто людоед — ибо никакой другой леопард не убил бы козла, оставив его лежать на дороге, — сказал: «Вот, если хотите иметь вашего козла — берите его, и, так как сейчас темно, а вам предстоит долгий путь, посмотрим, кто из вас доберется живым до деревни».

Я не думаю, чтобы мы все трое благополучно достигли деревни, если бы я, к счастью, не имел с собой полной коробки спичек (Ибботсон в это время уже не курил). Зажигая спичку,

бросая озабоченные взгляды кругом, мы быстро продвигались на несколько шагов, потом снова зажигали другую спичку и таким образом, спотыкаясь, спускались вниз по каменистой тропе, пока не дошли до места, откуда можно было крикнуть жителям деревни. На наш настойчивый зов появились люди, встретившие нас с фонарями и сосновыми факелами.

Мы оставили тело козленка там, где леопард его бросил. На рассвете я возвратился к этому месту и нашел следы лап людоеда; они были видны и дальше. Оказалось, он шел за нами вплоть до деревни. Козленок лежал нетронутым в том положении, в каком мы его оставили накануне вечером.

ОТРАВЛЕНИЕ ЦИАНИДОМ



Когда я возвращался в бунгало инспекции, после того как побывал у трупа козла, погибшего этой ночью, мне сообщили, что в деревню пришло известие — меня срочно требуют в Рудрапраяг, так как оказалось, что этой же ночью людоедом был убит человек. Люди, принесшие известие, не смогли сообщить подробностей или назвать место, где произошло убийство. Но так как следы лап людоеда показали, что после преследования нас до деревни он вернулся назад по козлиной тропе и повернул на ее изгибе вправо, я, как потом оказалось, правильно заключил, что леопард, после того как ему не удалось схватить кого-нибудь из нас, нашел свою жертву дальше в горах.

В бунгало я застал Ибботсона, разговаривавшего с человеком по имени Ненд Рам. Его деревня находилась в четырех милях от того места, где мы сделали засидку предыдущим вечером. В полумиле выше от этой деревни и на противоположной стороне глубокого ущелья человек низшей угнетенной касты по имени Геуйя расчистил от леса небольшую площадку и построил хижину, где жил со своей матерью, женой и тремя детьми. Утром, когда рассвело, Ненд Рам услышал, как со стороны дома Геуйи начали раздаваться вопли женщин. В ответ на вопрос: «Что произошло?» — он узнал: «мужчину дома» полчаса назад утащил людоед. С этим известием Ненд Рам, насмерть перепуганный, бросился в бунгало инспекции.

Обе лошади Ибботсона, арабская с побережья и английская

кобыла — стояли оседланными, и мы, основательно поев, отправились вместе с Ненд Рамом, который показывал нам путь. На горе не было дорог, только тропы — козьи и более крупного скота, а так как английская кобыла не желала иметь дипломатических отношений с крутыми поворотами и каменистым грунтом, нам пришлось отправить лошадей назад и проделать на собственных ногах остальную часть подъема, тяжелого и крутого, выжавшего из нас семь потов.

Когда мы пришли на небольшой изолированный участок в лесу, две обезумевшие женщины — казалось, они лелеяли надежду, что «мужчина дома», может быть, еще жив, — показали нам, где Геуйя сидел, когда леопард схватил его. Хищник вонзил зубы в горло несчастного, помешав ему издать хотя бы один звук, и после этого оттащил на сто ярдов к небольшой впадине, окруженной густыми зарослями кустарника. Вопли женщин и крик Ненд Рама, очевидно, потревожили леопарда во время его пиршества, так как он съел только горло, челюсть и небольшую часть плеча и бедра у жертвы.

Поблизости от места, где лежал убитый, не росло ни одного дерева, на котором можно было бы устроить засидку. Поэтому мы положили яд в труп в тех местах, где мясо было изодрано зубами, и, так как время шло и приближался вечер, заняли позиции на горе в нескольких сотнях ярдов в стороне от впадины, откуда мы могли бы хорошо видеть эту лощину. Несомненно, хищник скрывался в густых зарослях, однако, хотя мы лежали в хорошо укрытом месте в течение двух часов, никаких признаков леопарда не было. Когда наступили сумерки, мы зажгли взятый с собой фонарь и вернулись назад в бунгало.

На следующее утро мы рано встали и, только рассвело, снова отправились на гору, откуда просматривалась прогалина. Ничего не увидев и не услышав, мы через час, когда поднялось солнце, подошли к трупу. До тех трех мест тела покойного, куда мы положили яд, леопард не дотронулся, но съел другое плечо и ногу, потом оттащил труп на некоторое расстояние и спрятал его в кустах.

Здесь также не было дерева, откуда можно было бы наблюдать за трупом и устроить засидку. После длительной дискуссии мы наконец решили, что Ибботсон спустится на одну милю по направлению к деревне, вниз по горе до большого мангового дерева, на котором он сможет поставить махан и провести в нем ночь, а я засяду примерно в четырехстах ярдах от трупа по дороге в деревню, там, где накануне днем мы видели следы лап людоеда.

Дерево, выбранное мной для этой цели, было рододендроном,

много лет назад срубленным в пятнадцати футах от земли. Крепкие ветви выросли из места сруба, и на этом старом пне, окруженном ветвями, я устроил очень удобную и хорошо укрытую засидку.

Прямо передо мной возвышался большой густо покрытый лесом холм с частым подлеском папоротника-орляка и кормового бамбука. По холму с востока на запад вилась хорошо протоптанная пешеходная тропинка; рододендрон рос примерно в десяти футах ниже тропинки.

С места своей засидки я без каких-либо помех мог наблюдать за десятью ярдами этой пешеходной дорожки, которая налево от меня пересекала овраг и шла на том же уровне по противоположной стороне, а направо, в каких-нибудь трехстах ярдах дальше, она проходила немного ниже кустов, где лежал труп. В овраге, там, где его пересекала тропинка, воды не было, но тридцатью ярдами ниже и еще немного дальше, а также в трех-четырех ярдах от корней моего дерева было несколько небольших луж — выходы ключей, которые образовали ручейки, стекавшие вниз; ручейки превращались в поток, дававший местным жителям воду для питья и для орошения полей.

Тропинка, которую я мог просматривать на расстоянии десяти ярдов, соединялась под прямым углом с тропой, спускающейся с холма и идущей от расположенной в трехстах ярдах хижины, где был убит Геуйя. В тридцати ярдах выше эта тропа изгибалась, и здесь начиналась небольшая впадина, доходившая до нижней тропинки. Места, где впадина начиналась у верхней тропы и кончалась у нижней, были вне поля моего зрения.

Луна светила так ярко, что не нужно было никаких электрических фонарей, и, если бы леопард пришел по нижней тропинке или спустился по тропинке, идущей от домика, — как показывали следы его лап накануне, — я смог бы легко сделать выстрел по цели на расстоянии от двадцати до сорока футов.

Я прошел по холму немного вниз вместе с Ибботсоном, затем незадолго до захода солнца занял свое место на дереве. Несколькими минутами позже три темноспинных серебряных фазана — петушок и две курочки — сбежали с холма и, после того как напились в ручейке, вернулись тем же путем обратно. В обоих случаях они прошли мимо моего дерева, и то, что они меня не обнаружили, было достаточным доказательством, что мое потаенное укрытие вполне надежно.

В самом начале ночь была безмолвна, но в восемь часов послышались лающие звуки каркера в том направлении, где лежал труп. Леопард появился, и я был вполне убежден, что он не

пришел ни по одной из тропинок, за которыми я следил. «Полаяв» несколько минут, каркер замолк, и снова наступила тишина, продолжавшаяся до десяти часов, когда вдруг опять раздались звуки, издаваемые каркером. Леопард был у трупа два часа — достаточное время, чтобы основательно наесться и многократно получить дозу отравы. На этот раз имелись все шансы, что хищник попался, так как в эту вторую ночь мы весьма старательно начинили отравой весь труп, заложив яд глубоко в тело жертвы.

Не закрывая ни на минуту глаз, я следил за холмом, возвышавшимся прямо передо мной и освещенным луной настолько ярко, что я мог разглядеть каждую травинку на нем. В два часа ночи я услышал, как леопард спускался по тропе от хижины. На эту тропу, так же как и на идущую внизу тропинку, я набросал много сухих листьев для того, чтобы заранее узнать о приближении леопарда, и то, что он сейчас, не чувствуя опасности, ступал по этим листьям, не пытаясь сохранить тишину, наполняло меня надеждой — хотя я ожидал и хотел в ближайшие несколько секунд всадить в него пулю, — что ему не по себе.

На повороте леопард сделал короткую остановку, потом, покинув тропинку, вошел в небольшую ложбину и, пройдя по ней до нижней тропинки, снова остановился.

Я сидел несколько часов, не двигаясь, сжимая руками винтовку, лежавшую на коленях. Убежденный, что людоед пойдет по тропинке, я решил дать ему пройти мимо. Когда минует опасность, что он заметит меня, я вскину оружие и выстрелю в него в то место, какое мне понравится. Несколько секунд я наблюдал за тропинкой, ожидая все время увидеть его голову из-за склонившихся ветвей. Когда напряжение стало невыносимым, я вдруг услышал, как он прыгнул внизу тропинки и начал спускаться по диагонали через холм к моему дереву. В тот миг я подумал, что каким-то непостижимым таинственным путем ему стало известно о моем присутствии на дереве, и, так как вкус трупа ему не понравился, сейчас он намеревается заполучить еще одну человеческую жертву. Однако оказалось, что, сойдя с тропинки, он не стремился добраться до меня, а хотел сократить путь к ручейку, потому что как только хищник прошел, не останавливаясь под деревом, я сразу же услышал, что он, шумно чавкая, пил воду.

Его поведение на холме и то, как он сейчас пил, позволяли мне надеяться, что он отравился, но, не имея опыта применения цианида, я не знал, когда яд подействует. Через десять минут после того, как леопард кончил пить, и когда у меня появилась

надежда, что он подох у ручья, я вдруг услышал, как он пробирается вверх по холму по противоположной стороне оврага. И как только он достиг тропинки, которая огибала выступ горы, все звуки затихли.

Ни разу — ни когда леопард шел по тропинке или спускался во впадину, пробираясь по холму у подножия дерева, на котором я сидел, ни когда он пил или поднимался на холм по той стороне оврага, — ни разу мне не удалось его увидеть, так как случайно или преднамеренно он был крайне осторожен и использовал любое укрытие, куда не проникал ни один проблеск лунного света.

Теперь уже не было надежды на выстрел, впрочем, это и не важно, если только яд окажется таким сильным, каким ему надлежало быть по словам доктора из Найни-Тала.

Всю остальную часть ночи я провел сторожа тропинки и прислушиваясь к звукам. На рассвете пришел Ибботсон, и, пока мы кипятили столь желанный чай, я рассказал ему о всех происшествиях ночи.

Подойдя к трупу, мы увидели, что леопард съел ногу, начиненную ядом, от которой две ночи назад он откусил небольшую часть. Мы также заметили, что он «принял» еще две другие дозы отравы — одну в левом плече и другую со спины.

Теперь необходимо было предпринять поиски трупа леопарда, поэтому патвари, пришедший с Ибботсоном, был послан собрать для этой цели людей. Около полудня патвари вернулся вместе с двумястами жителями. Вместе мы цепочкой прочесали всю сторону холма в том направлении, куда ушел людоед. В полумиле от того места, где животное утоляло свою жажду, были большие скалы, у подножия которых находилась пещера с отверстием, достаточно широким, чтобы леопард мог туда проникнуть. Она углублялась далеко внутрь горы. Около входа в эту пещеру леопард изрыл когтями землю и изрыгнул пальцы ног своей жертвы, которые он целиком проглотил.

Тут же нашлось достаточно добровольцев, чтобы принести большие камни со скал и заложить ими вход. Пещера была запечатана так, что, когда мы уходили, никакому леопарду, если бы он там спрятался, не удалось бы удрать.

На следующее утро я вернулся с рулоном однодюймовой проволочной сетки и железными кольями. После того как камни были удалены, вход в пещеру был весьма искусно затянут сеткой. С этого момента и последующие десять дней я навещал пещеру утром и вечером, и в течение этого времени никаких новостей о людоеде не приходило ни из одной деревни на левом берегу Алакнанды. Мои надежды с каждым днем укреплялись; мне

казалось, что в следующий визит я, наверное, смогу найти некоторые знаки, указывающие на гибель леопарда в пещере.

На десятое утро, когда я вернулся после посещения пещеры, где нашел проволочную сетку в полном порядке, Ибботсон встретил меня новостью: этой ночью в деревне в пяти милях отсюда и примерно в одной миле от дороги паломников на участке Рудрапраяг — Бадринатх была убита женщина.

Совершенно очевидно, что цианид не был подходящим ядом для животного, которое, по-видимому, прекрасно себя чувствовало и у которого мышьяк со стрихнином лишь стимулировали аппетит. Не было никакого сомнения в том, что леопард съел цианид и вошел в пещеру, ибо шерсть пристала к скале, когда он протискивался внутрь.

Яд не оказал требуемого эффекта, возможно, из-за слишком большой дозы, которая вызвала рвоту. Исчезновение леопарда из пещеры можно объяснить наличием еще одного отверстия где-то в глубине горы. Так или иначе, но это не удивило ни меня, знакомого с этим леопардом всего несколько месяцев, ни тем более жителей Гарвала, которые жили в непосредственной близости от этого животного в течение восьми долгих лет и наделяли его — зверя или духа — сверхъестественным могуществом. Они верили, что только огонь сможет освободить их от этого злого духа.

НА ВОЛОСКЕ ОТ ГИБЕЛИ

Важные новости, живо интересующие каждого человека, путешествуют быстро. В течение прошедших десяти дней любой житель Гарвала знал об отравлении людоеда и надеялся, что он накрепко замурован в пещере. Поэтому естественно, что некоторые люди стали вести себя менее предусмотрительно, больше рисковали, и также очевидно, что леопард, оправившись после действия, произведенного на него ядом и найдя выход из пещеры, схватил первого попавшегося человека, забывшего о необходимости быть осторожным.

В нашем распоряжении целый день был впереди, так как я рано вернулся после посещения пещеры. После завтрака верхом на надежных лошадях Ибботсона, взяв с собой ружье, мы направились к деревне, где была убита женщина.

Быстро проскакав дорогой паломников, мы повернули на дорожку, идущую по диагонали поперек холма, проехали по ней с милю до тропинки, ведущей из деревни, и там заметили следы борьбы и большую лужу крови.

Старшина и родственник убитой ждали нас в деревне. Они показали место, где леопард схватил женщину, когда она закрывала за собой наружную дверь дома… Отсюда людоед поволок ее спиной по земле, через сто ярдов у дорожки на мгновение отпустил свою жертву и после яростной борьбы убил ее. Жители деревни слышали пронзительные вопли женщины, пока леопард тащил ее по земле и она боролась с ним, защищая свою жизнь; однако люди были слишком напуганы, чтобы оказать какую-либо помощь. Когда женщина умерла, леопард поднял ее и понес по пустому, открытому месту через ущелье шириной в сто

ярдов и далее в гору по той стороне еще двести ярдов. Следов от протащенного тела тут не оказалось, но кровавые пятна на земле указывали путь. Они нас вывели к небольшой прогалине шириной в четыре фута и двадцать футов длиной. Верхнюю часть этой узкой полоски земли перегораживала перпендикулярно идущая восьмифутовая межа с росшей на ней чахлой мушмулой.[25] На нижней части прогалины, там, где начинался обрыв, разросшийся куст дикой розы поравнялся с мушмулой, вытесняя ее своей листвой. Между межой и розовым кустом, свернутая калачиком, с головой, покоящейся на меже, без каких-либо признаков одежды, лежала убитая старая седоволосая женщина семидесяти лет; ее обнаженное тело было усыпано бледно-розовыми лепестками, опавшими с куста.

За это безжалостное убийство леопард должен был наконец заплатить своей жизнью. После короткого военного совета Ибботсон, взяв с собой лишнюю лошадь, уехал в Рудрапраяг за необходимым снаряжением, меж тем как я, захватив ружье, отправился на поиски леопарда, надеясь, что мне повезет и я замечу его при свете дня.

Эта часть провинции была для меня новой, и в первую очередь необходимо было ознакомиться с местностью. Еще в деревне я заметил, что гора круто поднимается вверх от ущелья на высоту от четырех до пяти тысяч футов и покрыта густым дубовым и сосновым лесом, ниже которого расстилается открытый склон шириной около полумили, заросший невысокой травой, а еще ниже начинаются кустарниковые джунгли.

Пробираясь по границе между травой и кустарниковыми джунглями, я обошел выступ скалы и оказался перед обширной низиной, спускающейся на полумилю вниз до дороги паломников и, очевидно, образовавшейся в давние времена вследствие оползня. По эту сторону низины местность шириной от ста ярдов (в верхнем ее конце) и до трехсот ярдов (у дороги паломников) была открытой. Почва в самой низине была насыщена влагой, на ней росло много больших деревьев, а под деревьями расстилалась густая поросль кустарниковых джунглей. На верхнем конце низины находилась отвесная скала с нависшим выступом длиной около ста ярдов; высота скалы изменялась от двадцати до сорока футов. На полпути вдоль скалы имелась глубокая расщелина шириной в несколько футов, по которой тонкой струйкой стекал малюсенький ручеек. Над скалами и вокруг них лежали кустарниковые джунгли, выше которых опять-таки виднелись открытые травянистые полянки.

Я вел разведку местности с большой осторожностью, так как не хотел, чтобы леопарду — я был уверен, что он находится в

низине, — стало известно о моем присутствии, прежде чем мне это будет нужно. Теперь необходимо было выяснить, где искать лежку леопарда, и, чтобы узнать это, я вернулся к трупу.

Нам говорили в деревне, что вскоре после того, как была утащена женщина, рассвело; следовательно, у леопарда оставалось не так много времени на то, чтобы убить свою жертву, протащить ее на четыре сотни ярдов и съесть некоторую часть своей добычи. Поэтому вполне вероятно, что зверь покинул место, куда спрятал тело убитой, только когда уже окончательно рассвело.

Гора, на которой лежал труп, полностью просматривалась из деревни, где в это время движение могло стать уже достаточно оживленным. Поэтому леопард, уходя от своей добычи, должен был по возможности держаться укрытых мест. Исходя из этого, а также и потому, что на крепком грунте не осталось каких-либо его следов, я направился по пути, который, возможно, он сам избрал накануне.

Через полмили деревня скрылась из виду. Приближаясь к низине, я был удовлетворен, увидев, что иду по следу людоеда шаг за шагом — под одним кустом, там, где земля была помягче, я нашел место, где он лежал несколько часов. Следы его лап показывали, что, покинув это место, хищник вошел в низину в пятидесяти ярдах ниже скалы с нависшим утесом.

С полчаса я лежал здесь, рассматривая небольшое пространство передо мной, покрытое деревьями и кустарниковыми джунглями, в надежде, что леопард пошевелится и выдаст себя.

Через несколько минут мое внимание было привлечено каким-то движением среди опавших листьев, и вскоре появились два беблера с кривыми, как сабля, клювами; они усердно копались в листве в поисках пищи. Там, где дело касается плотоядных хищников, эти птицы являются в джунглях одними из наиболее надежных осведомителей, и я надеялся, что позже могу использовать эту пару, чтобы определить местонахождение леопарда.

Никакого движения не было заметно и не долетало ни одного звука, который бы показывал, что хищник находится в низине; но что он там, я все еще был твердо убежден; и так как мне не удалось застрелить его, применяя прежний метод охоты, я решил сейчас испробовать другой.

Не выдавая себя, леопард мог уйти из низины только двумя путями: или вниз по горе, к дороге паломников, или вверх. Заставить его спуститься вниз было бы для меня менее выгодно, но если мне удастся заставить его подняться в гору, он, вероятно,

должен будет полезть по расщелине, чтобы укрыться в кустах над отвесной скалой, и, пока он будет это делать, я смогу поймать его на мушку.

Войдя в низину, несколько ниже того места, где должен был находиться леопард, я очень медленно начал восхождение, передвигаясь «челноком»,[26] каждый раз на поворотах поднимаясь несколько выше. Сейчас нужно было только не спускать глаз с трещины, так как беблеры, находясь на земле в нескольких футах ниже расщелины, дали бы знать, если леопард начнет шевелиться. Я продвинулся примерно на сорок ярдов и был от расщелины ярдах в десяти и чуть левее выступа скалы, как вдруг беблеры подняли тревогу и, взлетев на небольшой дубок, возбужденно прыгая в ветвях, начали испускать свой чистый, звонкий и тревожный сигнал, который в горах можно слышать на расстоянии полумили. Крепко держа ружье в руках, чтобы, не мешкая, выстрелить, я простоял минуту не шевелясь, потом снова начал медленно продвигаться вперед.

Почва здесь была влажной и скользкой. Мои глаза были устремлены на расщелину, и я сделал только два шага, как вдруг мои ноги в туфлях на резиновых подошвах заскользили по влажной земле, и, пока я старался восстановить равновесие, леопард вспрыгнул вверх по расщелине, подняв в кустах над скалой выводок темноспинных серебряных фазанов, которые, расправив крылья, спустились вниз, пролетев над моей головой.

Моя вторая попытка кончилась неудачей, и, хотя мне было бы нетрудно заставить леопарда вернуться туда, откуда он вышел, это оказалось бы бесполезным: сверху расщелина не видна, пока до нее не доберешься, а задолго до того, как туда попадешь, леопард сможет уйти далеко по низине.

Мы с Ибботсоном условились встретиться в ущелье под открытым небом в два часа дня. Немного раньше он вернулся из Рудрапраяга в сопровождении нескольких человек, несших то снаряжение, за которым он ездил. Это были еда и питье, наш старый друг лампа «петромакс» — на этот раз, если возникнет необходимость, я решил, что буду нести ее сам, — два запасных охотничьих ружья, моя рыболовная катушка с лесой и боеприпасы, кроме того, хороший запас цианида и капкан.

В ущелье, сидя около быстрого ручейка с чистой водой, мы съели наш второй завтрак и, выпив по чашке чаю, пошли к телу убитой.

Я напомню положение трупа, чтобы вы могли следить за нашими действиями и последующими событиями.

Тело убитой лежало примерно в пяти футах от ближайшего к ущелью края прогалины шириной в четыре фута и длиной в

двадцать футов. Верхняя часть этой узкой полоски земли была защищена высокой межой, а нижняя часть — спуском и разросшимся кустом роз. Малорослая мушмула на меже была слишком мала, чтобы на ней можно было соорудить махан, поэтому мы решили положиться только на дуговой капкан, яд и самострел. Придя к этому заключению, мы занялись приготовлениями.

Мы прежде всего положили отраву в тело убитой, надеясь, что на этот раз людоед проглотит такое количество яда, которое окажется эффективным: ведь из-за отсутствия времени леопард отъел лишь незначительную порцию мяса. Потом я наклонился над трупом в той позе, какую, как я предполагал, леопард должен принять, когда придет к своей жертве, а Ибботсон надежно привязал свой «маннлихер» 256-го калибра, снабженный чувствительным спусковым крючком, и мой штуцер-экспресс 450-го калибра к двум молодым деревцам, находящимся от трупа в пятнадцати ярдах на нашей стороне подхода к нему.

Никаких непреодолимых препятствий для леопарда с какой-либо другой стороны не имелось, но его наиболее естественный путь из тех мест, где я его оставил, должен был быть длиной примерно в пятнадцать футов по плоской прогалине; поэтому мы пошли туда, чтобы поставить мощный капкан, предварительно убрав с почвы все лежавшее там: сухие листья, кусочки сучьев и траву.

Выкопав яму достаточных размеров, мы убрали в сторону вынутую землю, положили туда капкан, и когда мощные пружины, захлопывающие челюсть, были сжаты, а пластина, заменяющая спусковое устройство, прилажена так тонко, насколько было возможно, мы закрыли капкан слоем зеленых листьев, на который набросали землю, и, наконец, положили назад сухие листья, хворост и травинки — все в том порядке, в каком было прежде. Капкан так тщательно и осторожно был упрятан в землю, что мы сами с трудом определяли точное его расположение.

Теперь была вынута рыболовная катушка с шелковой лесой, приготовленный отрезок привязан к курку одного из ружей, закреплен петлей вокруг приклада и отведен на десять футов от трупа, откуда леса была протянута назад, закреплена петлей на прикладе второго ружья и привязана к его курку. Потом лесу отрезали, к глубокому моему сожалению, так как она была новой и очень хорошей, и после того как этот отрезок обмотали вокруг талии убитой, леса была пропущена через петлю; концы лесы, идущие к куркам, туго натянули и все соединили крепким узлом. Затем конец лесы снова был отрезан.

Когда мы бросили последний взгляд на произведение наших рук — показавшееся нам весьма удовлетворительным, — нам вдруг пришло в голову, что если леопард обойдет вокруг трупа и приблизится к нему с нашей стороны, он избежит ловушки с двумя ружьями и капкана. Мы решили помешать ему это сделать. Послав в деревню за ломом, мы срубили пять колючих кустов, росших в отдалении. Ломом мы сделали пять отверстий глубиной в один фут на нашей, плоской стороне прогалины и в эти отверстия посадили кусты, утрамбовав вокруг них землю; мы стремились сделать это почти так же надежно и естественно на вид, как если бы они здесь росли всегда.

Теперь мы были совершенно удовлетворены: никакое животное крупнее крысы не могло бы приблизиться к трупу и отъесть любую порцию мяса без того, чтобы не встретить смерть в том или ином виде. Поэтому, сняв с предохранителей наши ружья, мы вернулись в деревню.

В пятидесяти ярдах от деревни и близко к тому месту, где мы по прибытии нашли лужу крови, росло весьма ветвистое манговое дерево. На этом дереве из досок, принесенных из деревни, мы устроили махан и на него набросали прекрасно пахнущую рисовую солому, так как решили провести на нем всю ночь с намерением прикончить леопарда, если он попадется в защелкивающийся капкан.

Близился закат, когда мы заняли махан, достаточно длинный, чтобы можно было растянуться во весь рост, и такой широкий, что мы смогли улечься рядом бок о бок. Расстояние от махана до тела убитой через ущелье было двести ярдов; труп лежал примерно на сто футов выше нашего махана.

Ибботсон боялся, что его оптический прицел может быть не совсем точен. Пока он доставал из футляра мощный полевой бинокль, я зарядил свою винтовку 275-го калибра. Ибботсон должен был концентрировать свое внимание на той части горы, откуда, как мы предполагали, должен появиться леопард; я — вести общее наблюдение за горой. Если мы увидим леопарда, я рискну и выстрелю даже в том случае, если цель окажется на предельном расстоянии для моего оружия, то есть не более трехсот ярдов.

Пока Ибботсон дремал, я курил и наблюдал за тенями, отбрасываемыми скалами на западе и медленно ползущими по возвышенности, поднимавшейся прямо перед нами. Последние лучи заходящего солнца позолотили гребень горы багрянцем, Ибботсон проснулся и взял бинокль, а я поднял винтовку — пришло время, когда мы могли ожидать появления леопарда. В течение 45 минут еще было светло, и мы напряженно и

пристально разглядывали каждый фут поверхности горы, видимой с нашего махана: Ибботсон смотрел в бинокль, я обходился без него (природа одарила меня острым зрением). Однако никакого движения птицы или животного, указывавшего на присутствие леопарда, мы не заметили.

Когда света стало недостаточно, чтобы стрелять, я опустил винтовку, а немного позже Ибботсон положил бинокль обратно в футляр. Один из шансов убить леопарда был потерян, но оставалось еще три, поэтому мы преждевременно не огорчались.

Вскоре после наступления сумерек начался дождь. Я прошептал Ибботсону, что боюсь этого дождя, он принесет гибель всему нашему предприятию, так как если дополнительная тяжесть воды, попавшей на тонко прилаженный затвор пружины капкана, не приведет его в действие, то все равно сокращение лесы, когда она набухнет, как бы мало это ни было, без сомнения, повлечет за собой выстрел из ружья с чувствительным спусковым устройством. Несколько позже, когда дождь все еще продолжался, Ибботсон спросил меня, который час, так как у меня были часы со светящимся циферблатом. И только я ответил Ибботсону, что сейчас четверть восьмого, как до нас донеслись последовательные раскаты дикого и гневного рева оттуда, где находился труп, — леопард, самый знаменитый людоед, леопард из Рудрапраяга, наконец попался в капкан!

Ибботсон прямо слетел с махана, а я свалился, развернувшись по веткам, и то, что мы при этом не разбились, можно приписать только счастью. Была найдена лампа «петромакс», спрятанная поблизости на поле батата, и пока Ибботсон старался зажечь ее, я выразил некоторые свои соображения, страхи и сомнения, чем заслужил со стороны Ибботсона осуждение. Он заметил: «Вы негодный пессимист. Сначала вы думаете, что несколько капель дождя подействуют на пружины капкана и он захлопнется; потом вы боитесь, что намокшая леса вызовет выстрел из моего ружья, а теперь считаете, что, так как леопард не производит сейчас никакого шума, значит, он высвободился из капкана».

Это как раз и было то, о чем я сейчас думал и чего опасался, ибо в том, другом случае, когда леопард попался в капкан, он продолжительно ревел и рычал, а в этот раз, после единственного приступа бешенства, который заставил нас кувырком свалиться с махана, наступило зловещее молчание.

Ибботсон — мастер в обращении с лампами всех систем, поэтому в скором времени «петромакс» был накачан и горел. Полностью отбросив все сомнения, хотя даже Ибботсон теперь начал с подозрением относиться к тишине, мы двинулись по

каменистому пути, такому трудному, что едва могли передвигаться, и, делая большой крюк, чтобы не задеть лесу и не натолкнуться на, вероятно, разгневанного леопарда, стали приближаться к трупу сверху. Когда мы дошли до высокой межи и посмотрели вниз, то увидели яму в земле, но капкана там уже не было. Но едва наши надежды начали возрастать, как яркий свет «петромакса» обнаружил капкан с защелкнутыми, но пустыми челюстями в десяти ярдах вниз по горе. Труп уже больше не лежал головой к меже, и достаточно было одного взгляда, чтобы заметить, что от него отъедена значительная порция.

Слишком горькие были у нас мысли, чтобы о чем-то разговаривать, пока мы возвращались назад и влезали на махан. Больше не было необходимости в бодрствовании, поэтому, подложив под себя побольше соломы — постельных принадлежностей не имелось, а ночь была холодная, — мы легли спать.

При первом проблеске зари мы разложили костер под манговым деревом, вскипятили воду и после того, как выпили несколько чашек чаю и погрелись у костра, отправились к трупу в сопровождении патвари, людей Ибботсона и моих, а также большого числа жителей деревни.

Я упомянул, что нас было двое, что мы взяли с собой патвари и еще людей, шедших с поля, так как если бы я был один, то, пожалуй, поколебался бы рассказать вам об этом случае.

Пусть дьявол или хищник — убийца старухи следил за всеми нашими вечерними приготовлениями; но даже в этом случае трудно понять, как он смог избежать смерти в одной или другой форме в эту темную, дождливую ночь. Дождь, хотя и легкий, все же был достаточным, чтобы смягчить почву, и мы могли восстановить то, что случилось, проследить за всеми его движениями в прошедшую ночь.

Леопард пришел с той стороны, откуда мы ожидали, и, попав на узкую ровную полоску земли, обошел ее кругом и снизу, а потом приблизился к своей добыче с той стороны, которая была нами сплошь засажена колючим кустарником. Три куста он отодвинул, сделав достаточное отверстие, чтобы пролезть, потом, схватив труп, протащил его на фут-другой по направлению к ружьям, таким образом ослабив лесу. Сделав это, он начал есть, избегая в это время соприкосновения с лесой, которая была обернута вокруг тела убитой. Мы не подумали о необходимости отравить голову и шею, а он съел их первыми, потом очень осторожно поел все те части тела, которые находились между многими местами, где был положен яд.

Удовлетворив свой голод, леопард бросил труп, чтобы найти

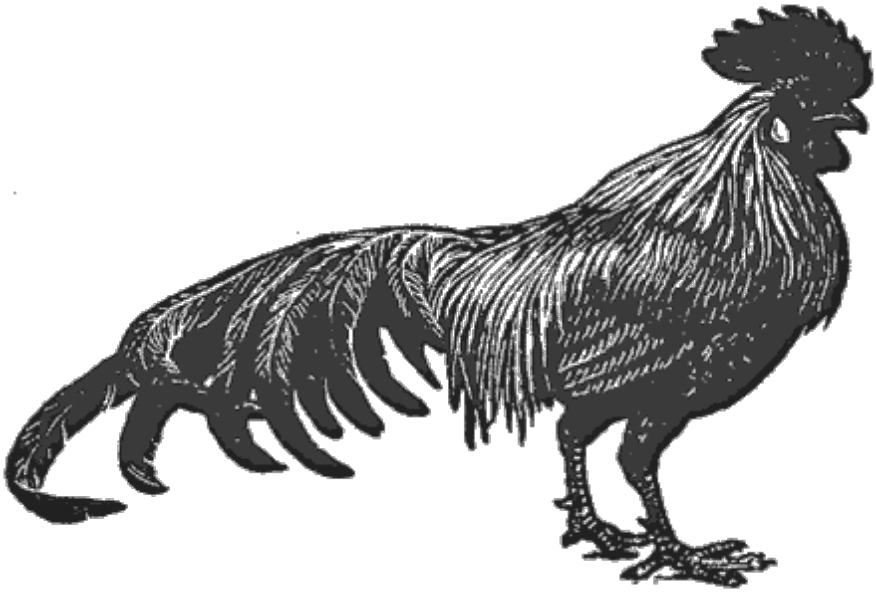
укрытие от дождя, и, пока он его искал, произошло то, чего я и опасался: тяжесть дождевой воды подействовала на превосходно работающий механизм капкана, ослабилась пластина, затворяющая спуск, и пружина освободилась, независимо от того, что в это самое время леопард ступил на капкан. Большие челюсти, сомкнувшись с обеих сторон у коленной чашечки, охватили сустав задней ноги хищника. И здесь произошло то, что можно назвать наибольшей трагедией: когда люди несли капкан из Рудрапраяга, они его уронили, и один из трехдюймовых зубьев сломался; коленная чашечка задней ноги леопарда пришлась как раз в том месте челюстей, где отсутствовал зуб и образовалась брешь в ряду. Не будь этого дефекта в капкане, леопард был бы схвачен и не смог бы высвободиться. Его нога была достаточно крепко зажата, так что он смог вытащить весь восьмидесятифунтовый капкан из ямы, где мы его закопали, и протащить эту тяжесть на десять ярдов вниз по горе; но теперь вместо леопарда челюсти капкана держали только пучок его шерсти и небольшой кусок кожи, который позже, много позже, мы с большим удовольствием водворили на место.

Какими бы невероятными ни показались действия леопарда, тем не менее такой осмотрительности можно было ожидать от животного, которое восемь лет подряд было людоедом. Избегая открытых мест, приблизиться к трупу под разными укрытиями, отодвинуть колючие помехи, появившиеся на пути кровавых следов, оставленных им утром, подтянуть труп к себе в удобное для еды положение и отказаться от тех частей трупа, которые мы отравили цианидом — ядом, имевшим очень сильный запах и уже ему знакомым, — все эти поступки, все его поведение были совершенно нормальными и естественными.

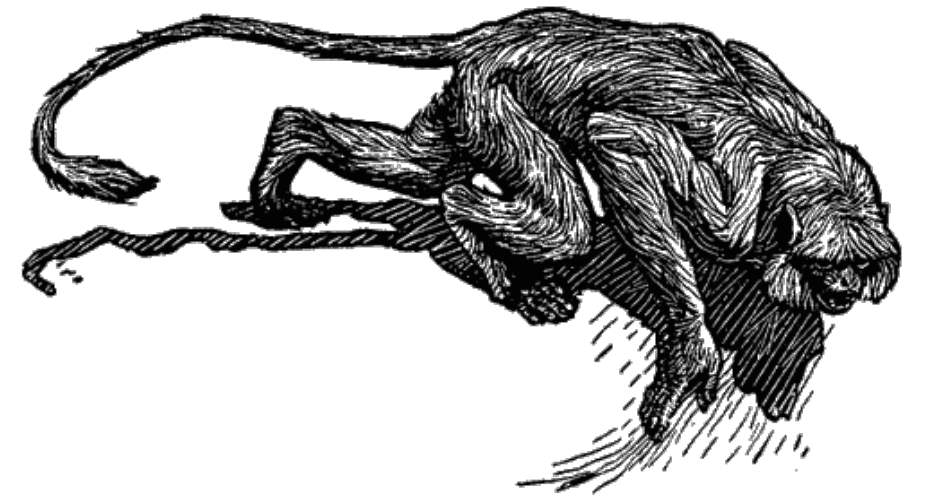
Я убежден, что пружина капкана сработала не под тяжестью животного; произошло лишь совпадение — леопард оказался на капкане как раз в тот самый момент, когда дополнительный вес воды пустил его механизм в ход.

Разобрав капкан и дождавшись, пока родственники покойной забрали то, что осталось от тела старухи, для кремации, мы направились в Рудрапраяг; наши люди следовали за нами. Ночью леопард приходил к манговому дереву — мы нашли следы его лап вблизи дерева, где была лужа крови (теперь уже вымытая дождем), — и пошли по его следам вниз по дороге паломников и далее по ней четыре мили до бунгало инспекции, где он рыл когтями землю и скреб у основания одного из столбов ворот. Потом леопард вернулся и направился вниз по дороге на одну милю туда, где находился лагерь моего старого друга — гуртовщика, одну из коз которого он так бессмысленно убил.

Тем из нас, кто ходил с охотничьим ружьем в какой-нибудь части света, нет нужды говорить, что все эти повторные неудачи и разочарования не только не обескуражили, но лишь укрепили мою решимость вести преследование, пока не придет тот великий день или ночь, когда мне представится случай, и я, отбросив яды и ловушки, воспользуюсь моим оружием так, как им следует пользоваться, — точным выстрелом пущу пулю в тело людоеда.



УРОК ПРЕДОСТОРОЖНОСТИ



Я никогда не соглашался с теми спортсменами-охотниками, которые все свои неудачи в охоте на крупного зверя приписывали тому, что они настоящие ионы.[27]

Мне кажется, что мысли охотника, сидящего в засаде, пессимистичны ли они или оптимистичны, не могут каким-либо доступным пониманию путем влиять на поступки хищника, которого он собирается подстрелить или хотя бы сфотографировать.

Мы склонны забывать, что слух и зрение диких животных значительно лучше, чем у цивилизованного человека, и когда мы не можем видеть и слышать преследуемого хищника, то он может и видеть и слышать нас. Неправильная оценка умственных способностей животных и наша неспособность сидеть беззвучно и без движения в течение необходимого отрезка времени являются причинами всех наших неудач при засидке.

В качестве примера остроты слуха у плотоядных и осторожности, которую необходимо соблюдать, когда следишь за ними, я приведу один из последних случаев в моей охотничьей практике.

В один из мартовских дней, когда ковер сухих листьев давал возможность услышать падение каждого нового листка и движение самой маленькой птицы, питающейся на земле, я в очень густом мелколесье определил точное местопребывание тигра, которого очень давно хотел сфотографировать. Это мне удалось сделать, заставляя стаю лангуров двигаться в

направлении, где, как я подозревал, находится место лежки зверя. В семидесяти ярдах от тигра была открытая поляна длиной в пятьдесят ярдов и шириной в тридцать.

На противоположном от тигра краю поляны находилось большое дерево, заросшее ползучими растениями, вытянувшимися до верхних ветвей; в двадцати футах от земли дерево разветвлялось надвое. Я знал, что тигр пойдет через поляну во второй половине дня, так как она находилась по прямой линии между ним и трупом убитого им замбара, которого я нашел рано утром этого дня. Поблизости от трупа для тигра не было подходящего укрытия для дневной лежки, поэтому он ушел в густое мелколесье, где лангуры открыли мне его местопребывание.

Когда занимаешься охотой или фотографированием тигров и леопардов в движении (на воле), часто необходимо знать точное состояние интересующего вас зверя: будет ли это раненое животное, которому хочешь сократить страдания, или хищник, которого желаешь снять. Для этих целей лучше всего заручиться поддержкой птиц или других животных. Зная повадки птиц и животных, которых хочешь использовать, и имея терпение, охотнику нетрудно заставить нужную птицу или животное направиться по требуемому направлению. Наиболее подходящие для этой цели птицы: красная птица джунглей, павлин и белоголовый беблер; из животных — каркер и лангур.

Тигр, о котором я вам рассказываю, не был ранен; мне было бы легко войти в мелколесье и обнаружить его самому, но, делая это, я потревожил бы зверя. Между тем, наблюдая за группой лангуров и зная, как будут они себя вести, когда увидят тигра, если он там окажется, я смог бы получить нужную информацию, не вспугнув хищника.

Очень осторожно я подкрался к дереву, о котором уже говорил, не касаясь ползучих растений, их листьев и усиков, устремленных вверх, стараясь, чтобы тигр не заметил меня с того места, где он лежал, взобрался до развилки ветвей и там сумел с комфортом устроиться, оставаясь прекрасно скрытым. Достав 16-миллиметровый киносъемочный аппарат, я сделал перед собой среди густой листвы достаточно большое отверстие, чтобы вести съемку, и, бесшумно закончив эти приготовления, снова уселся на место. Мое поле зрение было ограничено поляной и джунглями, начинавшимися непосредственно за ней.

Я просидел с час, когда пара бронзовокрылых голубей появилась из джунглей и пролетела над низкими кустарниковыми зарослями, а минутой-другой позже недалеко от меня поднялась нагорная синица; изящно попорхав среди ветвей

дерева, лишенного листьев, она взлетела выше верхушек деревьев и совсем исчезла. Ни тот, ни другой из этих видов птиц не издает тревожного сигнала, но я знал по их поведению, что тигр начал двигаться и они были им потревожены. Спустя несколько минут я медленно обвел глазами поляну слева направо, пристально вглядываясь в каждый фут видимой мне земли, как вдруг мой взгляд остановился на небольшом белом предмете размером, может быть, в один или два квадратных дюйма, лежащем непосредственно передо мной примерно в десяти футах от края поляны. На некоторое время я сосредоточил внимание на этом неподвижном предмете, потом продолжал всматриваться в кусты на правом краю поляны, после чего перевел взор назад к белому предмету.

Теперь мне стало ясно, что этот предмет, который не оказался на том месте, где он был не более чем минуту или две назад, когда впервые попался мне на глаза, не мог быть ничем иным, как белой отметиной на морде тигра. Хотя я носил туфли на резиновой подошве и, насколько мне известно, двигался вполне бесшумно, очевидно, тигр все-таки услышал, как я приближался и взбирался на дерево. Когда пришло время и он мог идти к своей добыче, то, ступая по сухим листьям, прокрался на расстояние семидесяти ярдов к месту, которое он с необычайной точностью определил как источник каких-то подозрительных звуков. После получасовой совершенно неподвижной лежки он поднялся, потянулся, зевнул и уверенный в том, что ему нечего бояться, вышел на поляну. Там он остановился, повернул голову сначала направо, потом налево, после чего пересек поляну и прошел прямо под моим деревом по пути к своей жертве.

Когда в моих блужданиях по джунглям я наталкиваюсь на маханы, построенные для охоты на хищных зверей, я замечаю поблизости пни молодых деревьев, срубленных для того, чтобы сделать помост, разбросанные ветви, срезанные для лучшего обозрения, вижу раскиданные в беспорядке вещи и разный строительный мусор. Представляя себе весь шум, который сопровождал постройку, я нисколько не удивляюсь, слыша рассказы некоторых людей о том, что они сидели сотни раз в ожидании тигров и леопардов и ни разу не видели хотя бы одного из них, что приписывали только тому, что они ионы.

Наша неудача до сих пор была обусловлена не тем, что мы делали то, чего не следовало делать, или упустили сделать то, что было необходимо. Неудачу нашу можно приписать только чистому невезению. Не повезло, когда не вовремя получили электрический фонарь; не повезло, когда судорога свела обе ноги

Ибботсона; когда леопард объелся цианидом и, наконец, когда носильщики уронили капкан, поломав зуб, что сыграло столь важную роль. Поэтому, когда Ибботсон вернулся в Паури после того, как нам не удалось убить леопарда у трупа его семидесятилетней жертвы, я все-таки был полон надежд и считал количество моих шансов таким же, как и в первый день моего прибытия в Рудрапраяг, а фактически их было еще больше, так как теперь я знал отличительные качества животного, с которым имею дело.

Одно обстоятельство заставляло меня чувствовать себя неловко и очень беспокоиться — это ограничение людоеда районом, расположенным на одной стороне реки. Как бы я ни оправдывал это, все же представлялось не совсем справедливым, что на левом берегу Алакнанды люди должны были терпеть угрозу нападения леопарда, в то время как жители на правом берегу были избавлены от риска. Включая мальчика, убитого за два дня до нашего приезда, три человека были лишены жизни на левом берегу; других могла постигнуть та же судьба. Все-таки открытие обоих мостов и предоставление леопарду возможности переходить на правый берег в сотни раз увеличило бы мои затруднения, которые и так были весьма значительны. Кроме того, это вовсе не принесло бы блага всему Гарвалу в целом, ибо жизнь людей на правом берегу реки столь же ценна, как и жизнь жителей левого берега. Поэтому я решил оставить мосты на ночь закрытыми. Здесь я считаю своим долгом воздать должное народу — многим тысячам людей, жившим на левом берегу реки, которые, зная, что закрытие мостов ограничивает активность наводящего ужас людоеда их территорией, никогда ни в одном случае в течение месяцев, пока я держал мосты закрытыми, не сняли заставы самостоятельно и не попросили меня это сделать.

Решившись оставить мосты закрытыми, я отправил ходока предупредить крестьян об опасности и, насколько смог, сам обошел многие деревни с этой же целью. Ни один человек, с которым мне пришлось встретиться в дороге, ни один из жителей в деревнях не выразил хотя бы одним словом своего возмущения. Всюду, куда я только ни приходил, меня принимали с гостеприимством и провожали благословениями. Мало того, меня очень ободрили уверения гарвальцев — мужчин и женщин, которые, конечно, не могли знать, кто будет следующей жертвой людоеда. «Нечего предаваться сожалениям, что леопард не погиб вчера, — говорили они, — людоед, наверное, умрет сегодня или, быть может, завтра».

ОХОТА НА ДИКОГО КАБАНА

Накануне поздним вечером старый гуртовщик, он же коробейник, пришел к изгороди, сделанной из колючих кустов.

Он стал упаковывать соль и неочищенный сахар, купленный на Хардварском базаре для деревень по ту сторону Бадринатха, и так как овцы и козы его стада были тяжело навьючены, а последний переход был очень длинным, то он пришел слишком поздно и не мог заняться ремонтом изгороди, ставшей в некоторых местах ветхой. В результате несколько коз пролезли сквозь ограду, одну из них ранним утром недалеко от дороги убил леопард. Лай собак разбудил старика, и когда стало светло, он увидел свою лучшую козу — превосходное животное серо-стального цвета, почти такое же большое, как шотландский пони, — лежащую мертвой около дороги, бессмысленно убитую людоедом.

Поведение людоеда предыдущей ночью показало, в какой степени привычки леопарда меняются, когда он становится людоедом и в течение многих лет находится в близком соприкосновении с людьми.

Вполне резонно было бы предположить, что людоед получил

основательнейшую нервную встряску и сильно перепугался, попав в капкан; то, что он сумел протащить его на десять ярдов и испускаемые им рычание и яростные раскаты рева вполне доказывали это. Значит, можно было бы ожидать, что в тот самый момент, когда леопард освободился от капкана, он немедленно скроется в какое-нибудь уединенное место, наиболее отдаленное от человеческого жилья, и останется там, пока опять не проголодается, что могло случиться не раньше, чем через несколько дней. Ничуть не бывало! Вопреки моему ожиданию он, по-видимому, оставался поблизости от трупа и, когда увидел, что мы взобрались на махан, дал нам время заснуть, а затем пошел на разведку. К нашему счастью, Ибботсон принял меры предосторожности: он полностью предохранил махан от вторжения, закрыв его кругом проволочной сеткой. Ведь не раз мы слышали, как леопарды-людоеды убивали людей, находившихся в засидке во время охоты на этих хищников. Еще и сейчас существует один леопард-людоед в центральных провинциях, который в разное время убил и съел четырех индийских спортсменов, попытавшихся на него охотиться. В последний раз я слышал, что он убил сорок человек, и благодаря всем известной манере съедать возможных своих убийц прожил очень «мирную» и «безмятежную» жизнь, разнообразя диету из человеческого мяса дичью и домашними животными.

После посещения мангового дерева наш людоед отправился по деревенской тропинке до ее соединения с тропой. Здесь, где мы нашли лужу крови, он повернул направо, прошел по тропе и далее по дороге паломников еще четыре мили, попав в наиболее населенную часть территории, где он орудовал. Придя в Рудрапраяг, он двинулся по центральной улице базара до того места, где скреб когтями землю у ворот бунгало инспекции. Прошедшей ночью дождь размягчил глиняную поверхность дороги, и на мягкой почве ясно вырисовывались следы его лап. По ним можно было отчетливо видеть, что столкновение с капканом не привело к повреждению какой-либо части его тела.

После раннего завтрака, выйдя из ворот, я отправился по следам леопарда и дошел до лагеря гуртовщика-коробейника. На изгибе дороги, ярдах в ста от лагеря, леопард увидел коз, вышедших из колючей ограды. Он пересек дорогу с внешней ее стороны и пополз под укрытием горы, скрываясь от пасущихся животных. После того как людоед убил серо-стальную козу, даже не соблаговолив отведать ее крови, он вернулся назад на дорогу.

В ограде из колючего боярышника, сторожа мертвую козу и искусно сложенные кипы тюков, находились две овчарки гуртовщика, привязанные к крепким кольям короткими тяжелыми

цепями. Это большие черные и могучие собаки, которых держат гуртовщики-коробейники в наших горах, а вовсе не те общепризнанные и известные овчарки, какие разводятся в Великобритании и Европе. Во время переходов эти собаки не отходят от ноги хозяина, а их обязанности, которые они весьма умело исполняют с большой пользой для дела, начинаются только после разбивки лагеря. Ночью они стерегут его, охраняя от диких животных, — я знал двух таких собак, убивших леопарда, — а в течение дня, пока гуртовщик пасет стадо, они стерегут лагерь от незваных гостей. В происшествии, попавшем в официальный отчет, сообщается об одной из этих собак, которая убила человека, попытавшегося унести тюк из охраняемого ею лагеря.

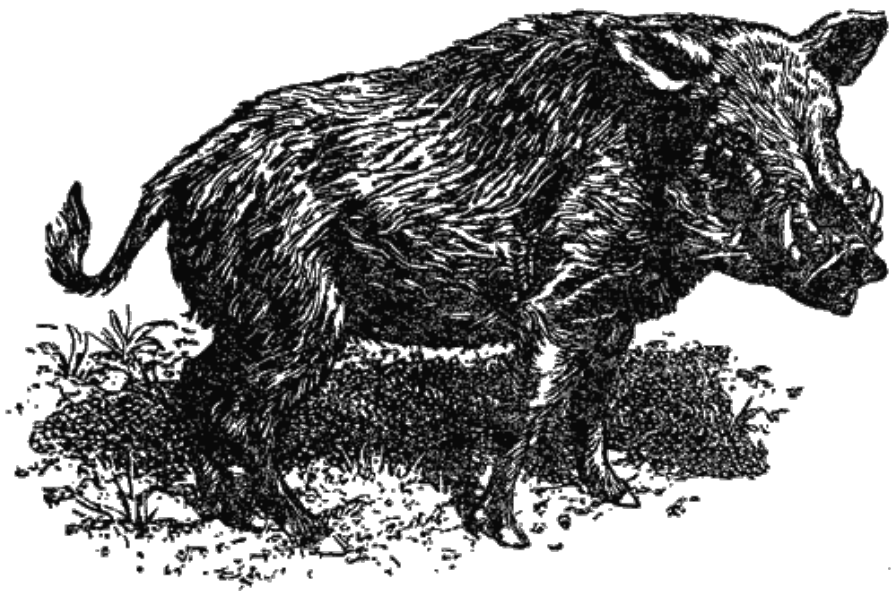
Я пошел по следам леопарда с того места, где он возвратился на дорогу после того, как убил козу, и последовал по ним через Голабраи и дальше на милю до места, где глубокое ущелье, по которому он поднялся, пересекает дорогу. Расстояние, покрытое леопардом от мангового дерева до ущелья, составляло около восьми миль. Эта длинная и, казалось бы, бесцельная прогулка вдалеке от трупа была сама по себе непонятной — ни один обыкновенный леопард ни при каких условиях не стал бы ее предпринимать; также ни один обычный леопард не убьет козу, если он не голоден.

В четверти мили по ту сторону оврага на скале около дороги сидел гуртовщик; он сучил шерсть и смотрел за стадом, которое паслось на склоне горы.

Положив веретено и шерсть во вместительный карман своей одежды, сшитой из шерстяного одеяла, и взяв предложенную сигарету, он спросил, зашел ли я сюда мимоходом. Я ответил утвердительно и сказал, что видел вред, причиненный злым духом, добавив, что было бы мудро продать собак погонщику верблюдов в следующее посещение Хардвара, так как совершенно очевидно, они трусоваты, у них явно не хватает смелости. Тогда гуртовщик наклонил голову, словно соглашаясь с тем, что ему говорят. Потом он сказал: «Саиб, даже мы, люди бывалые, склонны иной раз ошибаться и платить за ошибки таким образом, как в эту ночь поплатился я, потеряв мою лучшую козу. Мои собаки храбры, как тигры, они лучшие псы во всем Гарвале; вы наносите им оскорбление, говоря, что они годятся только для того, чтобы быть проданными погонщику верблюдов. Мой лагерь, как вы, несомненно, заметили, находится очень близко к дороге, и я боялся, что, если случайно кто-нибудь пойдет по дороге ночью, мои собаки могут его покалечить, поэтому я цепями привязал их к кольям снаружи боярышниковой изгороди, вместо

того чтобы спустить с привязи, как я этого хотел. Вы видели результат; но не вините собак, ибо они делали такие усилия спасти козу, что их ошейники глубоко врезались им в шеи и ранили так, что потребуется много дней для их лечения».

Пока мы беседовали, на противоположной стороне Ганга на гребне холма появилось животное. По расцветке и размерам сначала я подумал, что это гималайский медведь, но, когда оно начало спускаться по горе вниз к реке, увидел большого дикого кабана. Светло окрашенного кабана преследовала свора деревенских бродячих собак, за которыми в свою очередь неслась стайка ребятишек и несколько взрослых, вооруженных палками разной величины. Последним шел человек, несший ружье. Достигнув вершины горы, он вскинул ружье, и мы увидели клуб дыма; немного позже услышали глухой звук выстрела шомпольного ружья. Единственные живые существа, находившиеся в пределах досягаемости выстрела, были мальчишки и мужчины, но, так как никто из них не свалился и не прекратил преследования, стало ясно, что «спортсмен» промахнулся.



Перед кабаном открывался обширный, покрытый травой склон с разбросанным там и тут кустарником; ниже шла полоса, пересеченная оврагами, а дальше снова начинался пояс густых зарослей кустарника, протянувшихся вниз до самой реки. На овражистом участке кабана стали настигать; он и собаки скрылись в кустарнике. В следующую минуту все собаки выскочили назад из кустарника, но уже без кабана, хотя он и был только что в этом обществе ведущим. Когда подоспели

мальчишки и взрослые, мне показалось, что они пытаются заставить собак войти в заросли, но собаки, как видно, познакомились с клыками кабана и не собирались подчиняться. Явился человек с ружьем, его сейчас же окружили мальчишки и взрослые.

Нам, сидевшим по ту сторону реки, на своего рода приподнятой трибуне для зрителей, разыгрывающаяся сцена на холме противоположного берега была картинкой без слов, так как шум текущей воды все заглушал, и мы только могли услышать донесшийся до нас глухой звук выстрела из старинного ружья.

По-видимому, «спортсмен» также не имел никакого желания войти в кустарник, где укрылся кабан, так как внезапно он вышел из толпы односельчан и уселся на скале, как бы говоря: «Свой долг я выполнил, выполните свой». Столкнувшись с этой дилеммой (собаки после того, как некоторые из них были побиты, упорно отказывались встретиться лицом к лицу с кабаном), сначала мальчишки, потом за ними и взрослые мужчины начали бросать камни в кустарник.

В то время как представление продолжалось, мы увидели кабана, выходившего из нижнего края кустарниковых зарослей на узкую полосу прибрежного песка. Несколькими быстрыми шажками он выбежал на открытое пространство, остановился, замер на несколько секунд, сделал еще два-три шага, снова остановился, потом, немного пробежав, бросился в реку.

Свиньи и дикие кабаны — исключительно хорошие пловцы; существует поверье, что, плавая, они становятся причиной собственной гибели, но это неверно. Течение в реке было сильным, но нет более благородного и храброго животного, чем наш дикий кабан, и когда я увидел в последний раз старого вепря, его сильно сносило в четверти мили от нас, но он мужественно плыл и был близко от берега; я не сомневаюсь, что он благополучно его достиг.

— Был ли кабан на расстоянии выстрела вашего ружья, саиб? — спросил гуртовщик.

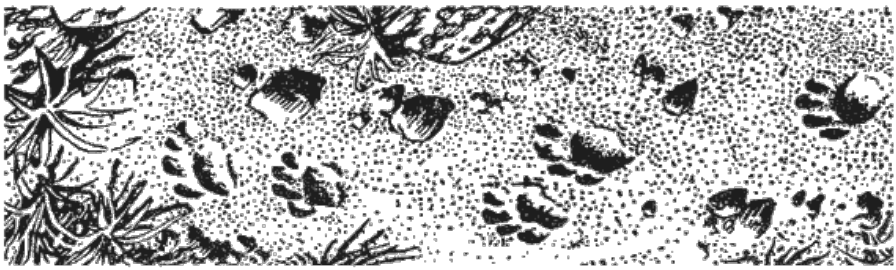
— Да… — ответил я, — в кабана я мог попасть, но я брал ружье в Гарвал не для стрельбы по свиньям, которые убегают, спасая свою жизнь, я взял его, чтобы застрелить того, кого вы считаете злым духом и кого я знаю как леопарда.

— Делайте все по-своему, — ответил он, — а теперь, раз вы уже уходите и мы, возможно, никогда больше не встретимся, да будут мои благословения с вами. Время покажет, кто из нас был прав.

Я сожалею, что мне не пришлось снова повидаться с гуртовщиком, ибо он был большой человек, гордый, как

Люцифер, и столь же счастливый, сколь бывает длинен день, когда леопарды не убивают его лучших коз и когда храбрость его собак не подвергается сомнению.

БОДРСТВОВАНИЕ НА СОСНЕ



На другой день из Паури вернулся Ибботсон, а следующим утром, посещая деревни, расположенные на горе к востоку от Рудрапраяга, я нашел следы людоеда на тропинке, ведущей из деревни, где предыдущей ночью он пытался сломать дверь хижины, в которой находился ребенок, страдавший от сильного кашля.

Следы, по которым я шел две-три мили, привели меня на гребень горы, туда, где несколькими днями раньше мы с Ибботсоном находились в засидке с громко блеющим козленком.

Было еще совсем рано, и можно было надеяться найти леопарда греющимся на одной из скал этой весьма значительной территории, пересеченной ущельями и оврагами. Я остановился на выступе горы, возвышавшемся над обширной местностью. Вчерашним вечером прошел дождь, развеявший легкий туман в воздухе и позволивший тропить леопарда. Видимость оказалась чудесной, а открывающаяся с выступающей скалы панорама была столь же прекрасна, как и всякая другая, какой можно любоваться в иных частях света, где горы поднимаются до высоты двадцати трех тысяч футов. Непосредственно подо мной расстилалась долина, затем пойма реки Алакнанды; река казалась мерцающей серебряной ленточкой: она извивалась, то появляясь, то исчезая. Гора на той стороне реки пестрела деревнями. Виднелись покрытые соломой крыши одиноко стоявших хижин или длинные ряды домов с шиферными крышами. Эти ряды были индивидуальными хозяйствами, построенными одно против другого, чтобы сократить расходы и сэкономить площадь, так как народ был беден и каждый фут земли, которую можно возделывать в Гарвале, необходимо было использовать для посевов. По ту сторону гор местность была сильно пересечена — виднелись неровные скалистые обрывы, у подножия которых зимой и ранней весной грохотали снежные лавины, а выше скал лежали вечные снега, вырисовываясь на ярко окрашенном

голубом небе так ясно, словно они были вырезаны из белого картона. Более прекрасную и мирную картину трудно вообразить, и тем не менее, когда сияющее солнце, теперь посылающее лучи мне прямо в спину, начнет садиться за дальние кряжи снежных гор, ужас и суеверный страх, степень которых невозможно себе представить, пока сам в этом не убедишься, охватит всех и вся, как это происходило в течение долгих восьми лет на всей площади открытого сейчас передо мной пространства.

Целый час я находился на скале, когда заметил двух мужчин, спускавшихся с горы по пути к базару. Они шли из деревни, находившейся в миле выше по горе, в этой деревне я был вчера днем. Люди информировали меня, что незадолго до восхода солнца они слышали, как леопард подавал голос. Мы обсудили возможность подманить леопарда на козу и застрелить его, но, так как в это время у меня козы не было, они предложили привести мне свою из деревни, обещав встретить меня в том месте, где мы сейчас стоим, за два часа до захода солнца.

Когда люди ушли, я стал осматриваться, где бы можно было устроить засидку. Единственным деревом в округе была одинокая сосна. Она росла на вершине горы близко к тропинке, по которой спускались двое моих собеседников. Под ней проходила другая тропинка, идущая по горе и опоясывающая ее склон, пересеченный оврагами и ущельями, в которые я только что вглядывался, надеясь увидеть леопарда. С дерева просматривалась значительная площадь, и, так как оно было единственным деревом и выбора не имелось, я решил им воспользоваться.

Когда я вернулся около четырех часов пополудни, люди уже ожидали меня с козой. В ответ на их вопрос, где я намереваюсь делать засидку, я указал на сосну, и они принялись хохотать. Без веревочной лестницы, сказали они, невозможно влезть на это дерево. Наконец, если мне и удастся это сделать без лестницы и остаться там на ночь, у меня не было бы защиты от людоеда, для которого дерево не является препятствием.

В Гарвале жили два белых человека — Ибботсон один из них, — которые коллекционировали птичьи яйца, когда были мальчиками; оба они умели карабкаться на деревья; и, так как на языке хинди нет поговорки, означающей «не следует создавать себе трудностей заранее», я оставил вторую часть возражений без ответа, довольствуясь тем, что показал им на мое оружие.

Нелегко было влезть на сосну, так как на двадцать футов вверх сучья не росли, но как только мне удалось достичь нижней ветви, остальное было уже нетрудно. Я захватил с собой длинную бумажную веревку, и, когда люди к одному ее концу подвязали

ружье, я втащил его наверх и потом взобрался на верхушку дерева, где сосновые иглы укрывали меня.

Люди уверили меня, что коза хорошо блеет; привязав ее к вылезшему наружу корню дерева, они отправились назад в деревню, обещая вернуться завтра рано утром. Коза поглядела им вслед, потом спокойно принялась щипать низкорослую траву у подножия дерева. То, что она еще ни разу не заблеяла, не беспокоило меня. Я был уверен, что вскоре она почувствует себя одинокой и вот тогда, к вечеру, начнет выполнять свой долг, а если продолжит подавать голос и ночью, то с моей высокой позиции будет возможность убить леопарда задолго до того, как он приблизится к козе.

Когда я взобрался на дерево, тени, бросаемые снежными горами, достигли Алакнанды. Они медленно ползли вверх мимо меня, пока наконец не поглотили все, и только гребни гор еще продолжали пылать красными отсветами. По мере того как зарево заката постепенно исчезало, длинные узкие полосы света стремительно прорывались между снежными горами, где лучи заходящего солнца задерживались на гряде облаков, таких же нежных и воздушных, как пушок чертополоха. Каждый наблюдавший заход солнца — а количество таких людей вы, может быть, заметили, к сожалению, весьма невелико — думает, что закат именно в их местности и части света лучший, чем где-либо в другой. Я не исключение и тоже считаю, что никакой другой заход солнца во всем мире не может сравниться с нашим; на второе место можно, пожалуй, поставить лишь закат в Северной Танганьике, где некоторые особенности атмосферы заставляют снежную шапку Килиманджаро и облака, которые неизменно бродят над ней, сиять, словно расплавленное золото в лучах заходящего солнца. Закаты солнца в Гималаях большей частью багровые, ярко-розовые или золотые; этим вечером он был ярко-розовым, и стреловидные лучи, словно концы больших копий, выскакивающие из долин картонно-гладких снегов, пробивались сквозь багряные облака и, расширяясь, постепенно блекли в небе над моей головой.

Коза, подобно многим человеческим существам, не испытывала никакого интереса к закатам солнца и поэтому, после того как пощипала траву в том месте, где могла до нее дотянуться, выскребла себе небольшое углубление, легла и заснула. Вот теперь я был поставлен перед дилеммой. Я рассчитывал, что животное, преспокойно сейчас спавшее подо мной, подманит леопарда, но коза ни разу с тех пор, как я ее вчера увидел, не открыла рта, разве лишь когда щипала траву, а теперь, уютно устроившись, она, возможно, проспит всю ночь

напролет. Покинуть дерево в этот час ночи и вернуться в бунгало означало бы добавить еще единицу к количеству добровольно совершенных самоубийств, а мне предстояло еще многое сделать, чтобы убить людоеда, и, так как за отсутствием трупа-приманки всякое место так же хорошо, как и другое, я решил оставаться там, где находился, и самому попробовать голосом заманить леопарда.

Если бы меня спросили, что доставляло мне наибольшее удовольствие в течение всех лет, проведенных в джунглях Индии, я бы, не колеблясь, сказал, что больше всего радости мне приносило знание языка и повадок населения джунглей. Универсального языка для всех животных в джунглях нет; каждый вид имеет свой собственный язык, и, хотя лексика — запас слов — у некоторых животных ограничен, как у дикобразов и хищников, все-таки язык каждого из них понятен всему населению джунглей. Голосовые связки человека отличаются лучшей способностью к подражанию, по сравнению с голосовыми связками какого-либо животного джунглей, за исключением хохлатого дронго; эти обстоятельства дают возможность человеку поддерживать общение с большим количеством птиц и животных. Способность говорить на языке джунглей (находясь в них), помимо того, что такая возможность сама по себе доставляет громадное наслаждение, может оказаться весьма полезной в случае необходимости. Следующий пример вполне может это проиллюстрировать.

Лайонел Фортескью, до последнего времени заведующий пансионом Итона,[28] и я в начале 1918 года путешествовали в Гималаях. Целью нашего путешествия была рыбная ловля и фотосъемка. Однажды мы попали в домик лесничего, расположенный у подножия высокой горы, на противоположной стороне которой находился объект нашего путешествия — долина Кашмира. Много дней мы прошли, двигаясь по очень тяжелому пути, и, так как люди, несшие наш багаж, нуждались в отдыхе, мы решили сделать привал на целые сутки, остановившись в бунгало.

На следующий день Фортескью сел за свой дневник, а я пошел побродить, исследовать гору и попробовать, не удастся ли мне застрелить кашмирского оленя-самца. Мои друзья, охотившиеся в Кашмире, говорили мне, что убить одного из этих оленей-самцов невозможно без помощи опытного шикари. Это мнение было подтверждено сторожем в домике лесничего. У меня был целый день впереди, и после завтрака я отправился один, не имея ни малейшего представления ни о том, на каких высотах живет этот олень, ни о характере местности, по которой он предпочитает бродить. Высота перевала, ведущего в Кашмир,

около двенадцати тысяч футов. Когда я поднялся до высоты восьми тысяч футов, меня захватила гроза.

По цвету туч я знал, что будет сильный град, поэтому предусмотрительно выбрал дерево, чтобы под ним укрыться. Мне приходилось видеть как людей, так и животных, убитых градом и молниями, которые неизменно сопровождали грозы с градом, поэтому, забраковав большие пихты с коническими верхушками, я выбрал небольшое деревце с округлой кроной и густой листвой, дававшее достаточную защиту от ливня. Собрав сухие ветки и еловые шишки, я развел огонь и в течение часа, пока над моей головой грохотал гром и свирепо хлестал град, я сидел у подножия моего дерева в безопасности и тепле.

В тот момент, когда град кончился, проглянуло солнце, и, выйдя из своего укрытия под деревом, я попал в волшебную страну чудес: град покрыл землю ковром из миллионов сверкающих точек, к которым каждый влажный лист и травинка добавляли свою долю игры света. Поднявшись еще на две или три тысячи футов, я дошел до скального выхода, у подножия которого оказалась полянка с голубыми горными маками. Многие стебли были поломаны, и все же эти небесно-голубые цветы — прекраснейшие полевые цветы Гималаев, стоявшие на своем белом, без единого пятнышка основании, — создавали такую картину, которую невозможно было забыть.

Скалы оказались слишком скользкими, чтобы взбираться на них, но не представляло труда подняться на вершину горы в обход, поэтому я повернул налево и после полумили хода через лес гигантских пихт пришел к покрытому травой склону, который, начинаясь с вершины горы, протягивался на несколько тысяч футов вниз до самого леса. Проходя через лес и приближаясь к этому травянистому склону, я заметил животное, стоявшее на маленьком бугорке спиной ко мне. Вспоминая иллюстрации, которые я видел в охотничьих книгах, я понял, что передо мной красный кашмирский олень, а когда он поднял голову, мне стало ясно — это самка.

С той стороны травянистого склона, где я стоял, и примерно в тридцати ярдах от опушки леса находился изолированный скальный выступ футов четырех высотой. Двигаясь только тогда, когда самка объедала траву, и застывая на месте каждый раз, как она поднимала голову, я прокрадывался под укрытие скалы. Несомненно, самка была сторожем, и по тому, как она смотрела направо, каждый раз поднимая голову, я понял, в каком направлении находятся ее спутники. Подойти к ней несколько ближе, идя по траве, и остаться при этом незамеченным было невозможно. Снова войти в лес и пробраться сверху не составило

бы труда, но цели я бы не достиг, так как ветер дул с холма вниз. Оставалось одно — все-таки войти в лес, но обогнуть нижний угол травянистого склона. Однако это заняло бы время и повлекло за собой в дальнейшем трудное восхождение.

Поэтому я окончательно решил оставаться там, где находился, и посмотреть, будет ли эта дичина, которую я впервые встретил, реагировать на голос леопарда так же, как читал и замбар; я знал, что по меньшей мере один леопард находится на горе, так как заметил следы, оставленные его когтями. Высунувшись так, чтобы можно было наблюдать, я дождался, пока самка принялась щипать траву, потом подал рык леопарда.

При первом звуке моего голоса самка повернулась и, став лицом ко мне, начала передней ногой бить землю. Это было предупреждение оленям быть настороже, но я знаю, что они — мне так хотелось увидеть их — не тронутся с места, пока самка не подаст сигнал, а этому не бывать, пока она не увидит леопарда. На мне был коричневый пиджак из твида; высунув левое плечо, я начал слегка то подниматься, то опускаться. Это движение было немедленно замечено оленихой, она сделала несколько быстрых шажков вперед и начала подавать сигнал; опасность, о которой она предупреждала сотоварищей, была на виду, и им спокойнее теперь собраться всем вместе. Первым к ней подошел одногодок, изящно переступавший по покрытой градом земле, и встал рядом; вслед за одногодком появились три оленя-самца, которых в свою очередь сопровождала старая самка. Все стадо из шести оленей было отлично видно на расстоянии тридцати пяти ярдов. Самка продолжала еще подавать клич, меж тем как остальные стояли совершенно неподвижно, вглядываясь в лес, находившийся за моей спиной; их уши то застывали неподвижно, поднятые вверх, то двигались вперед и назад в зависимости от направления звука. Я сидел на тающих градинках — место и неудобное, и мокрое; оставаться в таком положении, не двигаясь, значило рисковать схватить простуду. Я уже увидел представителей семьи самых знаменитых оленей — кашмирских — и слышал клич самки, но оставалось еще одно, чего я очень хотел: это услышать зов самца-оленя. Поэтому я снова высунул из-под скалы свое плечо примерно на дюйм и был вознагражден тем, что услышал клич оленей-самцов, самок и одногодка, испускаемый в тонах разной высоты.

С ружьем моего калибра я легко мог застрелить одного из оленей, и, насколько я понимал, голова такого самца была бы рекордным охотничьим трофеем, но, хотя я отправился в это утро с целью их найти и снабдить лагерь мясом, сейчас мне стало ясно, что настоятельной необходимости в этом не было. К тому

же оленина могла оказаться жесткой, поэтому вместо того, чтобы использовать ружье, я встал во весь рост, и шесть наиболее удивленных оленей во всем Кашмире молниеносно исчезли из поля зрения, а в следующий момент я услышал, как они стремглав спускались сквозь подлесок по той стороне холма.

Наступило время возвратиться назад в бунгало. Я решил спуститься по травянистому склону и пробраться через редкий лес у подножия горы. С одного края склон вел к более легкому спуску, при условии, что каждый шаг следовало делать осторожно и ставить ноги в надлежащее место. Я двинулся посередине этой открытой площади, и, когда пробежал около шестисот ярдов, в поле моего зрения попалось что-то, белевшее на скале у опушки леса с левой стороны склона, примерно в трехстах ярдах ниже того места, где я находился. Быстрый взгляд убедил меня, что этот белый предмет — коза, возможно, заблудившаяся в лесу. Уже две недели мы были без мяса, а я обещал Фортескью принести с собой что-нибудь, и вот мне представился удачный случай. Коза меня видела; если бы я только мог усыпить ее подозрения, тогда, возможно, она дала бы мне подойти к ней достаточно близко, чтобы я смог схватить ее за ноги. Поэтому, сбежав вниз вприпрыжку, я срезал угол слева, не спуская глаз с животного. Если бы только оно осталось стоять на месте — трудно придумать лучшую ситуацию для его поимки, так как плоская скала высотой около пяти футов, на самом краю которой стояла коза, выступала, нависая над склоном. Скрывая от козы, что я наблюдаю за ней, и равномерно двигаясь, я, проходя мимо скального выступа, сделал левой рукой взмах, чтобы схватить ее за передние ноги. Издав тревожный звук, напоминающий чиханье, животное попятилось, избежав моей руки, и когда я полностью вышел из-за скалы и повернулся, то, к моему изумлению, увидел, что животное, которое я принял за белую козу, оказалось кабаргой-альбиносом. [29] Только десять футов разделяли нас, меня и маленькое животное — добычу охотника, и вот оно храбро решилось во что бы то ни стало не отступать и, фыркая, с вызовом на меня глядело. Снова я повернулся и спустился под гору на пятьдесят ярдов. Обернувшись, я увидел оленя, все еще стоявшего на скале, возможно поздравлявшего себя с тем, что, напугав меня, заставил бежать.

Когда несколькими неделями позже я рассказал о случившемся смотрителю охоты, он выразил сожаление, что я не застрелил оленя. Ему очень хотелось знать точное местонахождение и район, где я видел животное, но так как моя память на места и мои описания местности, к большому сожалению, бывают ошибочными, то я не думаю, что именно эта

кабарга украшает какой-либо музей.

* * *

Самцы-леопарды приходят в крайнее бешенство в случаях вторжения других леопардов в район, который они рассматривают как свой собственный. Правда, территория людоеда распространялась на площадь в пятьсот квадратных миль, на которой, возможно, были и другие самцы-леопарды; но в этой, отдельно взятой местности людоед находился в течение нескольких недель и вполне резонно мог рассматривать ее как свою. И опять-таки сезон спаривания только кончился, леопард мог ошибочно принять мой клич за призыв самки, ищущей самца, поэтому, дождавшись, пока станет совершенно темно, я снова издал призывные звуки и, к моему удивлению и восторгу, немедленно получил ответ от леопарда, находящегося ниже и немного правее, примерно в четырехстах ярдах.

Поверхность земли между нами была покрыта большими скалами и разросшимися дикими и спутанными кустарниковыми зарослями. Я знал, что леопард не пойдет по прямой линии ко мне; возможно, он обойдет пересеченную ущельями местность и приблизится по боковому кряжу туда, где росло мое одинокое дерево. Когда зверь издал следующий призывный рык, я заметил, что леопард так и поступил. Пятью минутами позже я определил местонахождение хищника по его голосу, раздававшемуся с тропинки, начинавшейся от моего дерева и проходящей по переднему краю горы примерно в двухстах ярдах от меня. На этот его зов я ответил, чтобы дать ему направление. Тремя или, может быть, четырьмя минутами позже он снова позвал с расстояния в сто ярдов.

Ночь была темная. Я имел электрический фонарь, притороченный сбоку к ружью; палец лежал на спуске. От самых корней дерева тропинка уходила по прямой линии на пятьдесят ярдов, а дальше она резко изгибалась. Невозможно было заранее знать, когда и на какую часть тропинки следует направить луч фонаря, поэтому приходилось ждать, пока леопард не бросится на козу.

За изгибом тропинки и всего примерно в шестидесяти ярдах леопард снова подал голос и получил ответ. Он пришел от другого леопарда, находившегося вдалеке, на другой стороне горы. Вот какое осложнение! Одинаково неожиданное, сколь и несчастливое, ведь мой леопард находился уже слишком близко, чтобы имитация рычания могла обмануть его, а так как он

слышал мой зов последний раз на расстоянии двухсот ярдов, естественно, он предположит, что застенчивая самка ушла дальше в горы и оттуда сейчас зовет его соединиться с нею там. Тем не менее еще осталась возможность, что леопард будет продолжать двигаться по тропинке до ее соединения с другой, спускающейся вниз с горы; в этом случае он, наверное, убьет козу, даже если и не станет ее есть. Но повезло не мне, а козе, потому что леопард срезал угол, образуемый двумя тропинками, и в следующий раз, когда я услышал его призывный глас, он был уже в ста ярдах дальше от меня и на сто ярдов ближе к вожделенной супруге. Призывы двух леопардов раздавались все ближе и ближе друг к другу и наконец прекратились. После длительного периода тишины концерт этих двух гигантских кошек стал доноситься, как я полагал, оттуда, где кончалась полоса лугов и начинался густой лес.

Счастье леопардов было полным, им повезло во многом и потому, что ночь оказалась темной, ибо, когда леопарды предаются любовной игре, их очень легко застрелить. То же самое можно сказать и о тиграх, но спортсмен-охотник, который отправляется пешком, чтобы наблюдать, как ухаживают тигры, должен быть вполне уверен, что он действительно хочет их увидеть, так как у тигрицы — и никогда у тигра — в это время весьма обострены все чувства. Ведь самцы этого кошачьего племени грубы в своем ухаживании и не представляют себе, как остры их когти.

Не погиб леопард, не умрет он и в эту ночь, но, может быть, это произойдет на следующий день или послезавтра, ибо дни его сочтены, конец его близок. На какой-то «длительный» момент то же самое я подумал о себе, так как без всякого предупреждения внезапный порыв сильного ветра потряс дерево, и моя голова и пятки сменили свое естественное положение относительно земли Гарвала. Несколько секунд я думал, что дереву никак не удастся выпрямиться, а мне будет невозможно войти в какой-либо контакт с ним. Когда давление от налетевшего шквала ослабло, дерево, а также я вернулись в свое первоначальное положение, которое мы занимали до того, как ветер чуть не свалил нас. Опасаясь, что может последовать что-то еще худшее, я быстро привязал ружье к ветке, чтобы освободить обе руки. Возможно, что сосна выдерживала много одинаково страшных, несущих беду шквалов, но никогда она не имела дополнительной тяжести в виде человеческого тела, увеличивавшего давление на ветви. Когда ружье оказалось в безопасности, я, взбираясь с одной ветви на другую до вершины дерева, обломал кругом все кисточки с иглами, до каких только мог дотянуться руками. Может быть, то

было лишь мое воображение, но после того, как я проредил ветки дерева, мне показалось, что оно уже не перевернется вверх тормашками как уже один раз случилось. К счастью, сосна была сравнительно молодая и гибкая, а ее корни основательно укреплены, поэтому она в течение часа клонилась, опускалась и снова поднималась, словно травинка.

Ветер стих так же внезапно, как и начался. Вероятность возвращения леопарда отпала, поэтому, выкурив сигарету и следуя примеру козы, я отправился в страну снов.

Как только взошло солнце, крик «сооее!»[30] вернуло меня обратно в пределы земли, впрочем, на расстоянии пятнадцати футов от нее. Под деревом ожидали меня два моих вчерашних компаньона, с ними находилось двое парней из их деревни. Увидев, что я проснулся, они спросили, слышал ли я ночью рев леопардов и что случилось с деревом. Они пришли в восторг, когда я рассказал о моей дружеской беседе с леопардами и как от нечего делать я развлекал себя обламыванием веток. Потом я спросил, не обратили ли они случайно внимания на то, что ночью дул небольшой ветер. На это один из парней мне ответил: «Маленький ветер, саиб? Такой страшный ветер у нас никому еще не приходилось испытывать. Он повалил мою хижину».

Его товарищ добавил: «Об этом сожалеть нечего, саиб. Шар Синг давно хотел перестроить свою лачугу; ветер только освободил его от труда разобрать старую».

МОЯ НОЧЬ УЖАСОВ

Спустя несколько дней после всего того, что случилось на сосне, я потерял людоеда из виду. Он не возвращался в эту местность, пересеченную ущельями, и я не находил ни его следов, ни следов самки, спасшей ему жизнь, в лесу, исхоженном мной вдоль и поперек на много миль выше полосы обработанной земли. В этих лесах я чувствовал себя совсем как дома. Если леопарды находились где-нибудь поблизости, я мог бы их найти, потому что птицы и животные в лесу помогли бы мне.

Состояние беспокойства, вполне очевидно, загнало самку в поисках самца далеко от дома, когда она услышала зов, поданный мной с верхушки сосны. Найдя и соединившись при моей помощи с леопардом, она в сопровождении супруга отправилась к себе в район. Вскоре самец должен вернуться один, и так как население левого берега приняло всякие меры предосторожности, то здесь ему будет трудно добыть для своего пропитания человеческое мясо, и в таком случае он, возможно, попытается перейти на правый берег Алакнанды, поэтому на ближайшие несколько дней я стал на страже у Рудрапраягского моста.

На левом берегу имелись три подхода к мосту — один из них по дороге, идущей с юга и проходящей близко от домика сторожа моста. На четвертую ночь я услышал, что леопард убивает собаку сторожа, невзрачное, дружелюбно ко мне настроенное существо, обычно очень приветливо бежавшее навстречу каждый раз, когда я проходил мимо по этому пути. Вообще этот пес часто лаял, но в эту ночь он лаял всего минут пять, потом вдруг лай перешел в визг, сопровождаемый криками сторожа, раздававшимися изнутри дома, после чего наступила тишина. Кусты боярышника, колючий кустарник были убраны из прохода под аркой, и, хотя я

лежал не спуская пальца с курка всю остальную часть ночи, леопард так и не попытался перейти по мосту.

Убив собаку и бросив ее лежащей на дороге, леопард, как я это выяснил на следующее утро по оставленным им следам, пошел к башне. Если бы он сделал еще пять шагов в направлении, по которому двигался, то они привели бы его на мост; но этих пяти шагов он не сделал. Вместо этого он повернул направо и, после того как прошел небольшое расстояние по тропинке в направлении базара, вернулся, затем двинулся по дороге паломников к северу. Я шел по его следам еще с милю, после чего потерял их.

Двумя днями позже пришло известие, что прошлой ночью была убита корова в семи милях по дороге паломников. Подозревали, что ее убил людоед, так как прошлой ночью — той, когда была убита собака, — он пытался разломать дверь дома, ближайшего к тому, где на следующую ночь убили корову.

Идя по дороге, я встретил дожидавшихся меня людей, которые, зная, что пешее путешествие из Рудрапраяга будет утомительным из-за жары, весьма умно запаслись горячим чаем. Пока мы сидели в тени мангового дерева и курили, а я еще выпил кружку чаю, они сообщили, что прошлым вечером одна корова не вернулась вместе со стадом. Когда же утром организовали поиски, ее труп был найден между рекой и дорогой. Они мне также рассказали о многих случаях, когда каждый из них бывал на волоске от смерти при встрече с людоедом в течение прошедших восьми лет. Мне было очень интересно узнать, что леопард усвоил свое теперешнее обыкновение пытаться выламывать двери домов (во многих случаях удачно) лишь три года назад, тогда как раньше он довольствовался нападением на людей вне жилья или проникал в дом в тех случаях, когда двери оставались открытыми. «Теперь, — говорили они, — шайтан сделался таким храбрым, что иногда, когда не может разломать дверь, он проделывает отверстие в саманной стене и таким путем проникает к своей жертве».

Тем, кто не знает наших горцев или не понимает их страха перед сверхъестественным, покажется невероятным, каким образом люди, известные своей смелостью и заслужившие высшие награды на поле брани, позволяли леопарду разбивать двери или проделывать отверстия в стенах своих домов, где большей частью находились мужчины с топорами, кривыми ножами или даже в некоторых случаях с огнестрельным оружием.

За все эти долгие восемь лет был лишь один-единственный случай, когда людоеду оказали сопротивление, и в этом случае сопротивлявшимся была женщина. Она спала одна в хижине,

дверь которой оставила незапертой. Эта дверь, как и в случае с женщиной, которой удалось избегнуть гибели, но остаться с покалеченной рукой, отворялась внутрь. Войдя в комнату, леопард схватил свою жертву за левую ногу. В то время как он тащил женщину через комнату, ее рука коснулась gandesa — кухонной принадлежности для рубки мякины скоту. Им она нанесла удар леопарду. Тот не ослабил хватку, продолжал, пятясь, тащить свою добычу, и тогда женщина или сама прихлопнула дверь, или же это произошло случайно. Как бы там ни было, она оказалась по одну сторону двери, а леопард по другую; он напряг свою громадную силу и оторвал несчастной женщине голень.

Муканди Лал, депутат от Гарвала в законодательном совете Соединенных провинций, который в это время находился в предвыборной поездке, приехал в деревню как раз на следующий день и провел ночь в этой комнате, однако леопард не появился. В отчете совету Муканди Лал утверждал, что в течение одного этого года семьдесят пять человек были убиты леопардом, и просил правительство принять действенные меры против людоеда.

В сопровождении одного из крестьян, показывавшего дорогу к Мадо Сингу, я отправился к трупу. Корова была убита в ущелье в четверти мили от дороги и в ста ярдах от реки. Одна сторона ущелья была покрыта крупными скалами и густым кустарником между ними, а на другой стороне росло несколько небольших деревьев; ни одно из них не было достаточно высоким, чтобы устраивать на нем засидку. Под деревьями и примерно в тридцати ярдах от трупа была скала с небольшой впадиной у самого ее основания. Там я и решил устроить засаду.

Мадо Синг и крестьянин весьма решительно возражали против того, чтобы я делал засидку прямо на земле; но так как это был первый труп животного, убитого леопардом, который мне удалось найти со времени теперешнего прихода в Рудрапраяг, да еще в таком месте, где вполне резонно ожидать, что людоед должен появиться до захода солнца, я не принял их уговоров во внимание и отослал обоих обратно в деревню.

Моя засидка была сухая и удобная. Я сидел спиной к скале, скрыв ноги в небольших кустах, и был уверен, что леопард не увидит меня и у меня окажется возможность убить его раньше, чем он обнаружит мое присутствие. Я захватил с собой электрический карманный фонарь, нож и, держа на коленях мое доброе ружье, чувствовал, что в этом укромном уголке мои шансы убить леопарда больше, чем все те, которые я до сих пор имел.

Совершенно неподвижно, с глазами, устремленными на

скалы передо мной, я сидел весь вечер. Каждая секунда приближала тот момент, когда леопард, не потревоженный и ничего не подозревающий, обязательно вернется к своей добыче.

Время, на которое я рассчитывал, наконец пришло… и прошло. Предметы, находившиеся от меня невдалеке, начинали расплываться, становились неясными. Леопард немного запаздывал, но это меня не беспокоило, так как я имел с собой электрический фонарь, а труп был всего в тридцати ярдах от меня; я знал, что надо быть уверенным в прицеле, чтобы не пришлось иметь дело с раненым животным.

В глубоком овраге царила полная тишина. Палящее солнце настолько иссушило опавшую листву на том месте, где я сидел, что она превратилась в труху. Это до некоторой степени успокаивало, так как стало темно, и если раньше я полагался на свои глаза, теперь я уже зависел от своего слуха, поэтому, держа большой палец на кнопке карманного фонаря, а указательный — на спуске ружья, я был готов стрелять в любую сторону, откуда только услышу малейший звук.

Леопард все еще не появлялся, и это начало пробуждать во мне неприятные ощущения — было как-то не по себе. Возможно, что с какого-нибудь потайного места среди скал он все время следил за мной, а сейчас облизывается в предвкушении того, как вонзит зубы в мое горло? Он уже долго был лишен человеческого мяса. Ничем другим не мог я объяснить длительное его отсутствие. Если на этот раз мои уши послужат мне так, как еще никогда до этого не служили, то тогда мне посчастливится покинуть это ущелье на собственных ногах.

В течение некоторого времени, казавшегося мне часами, я напрягал слух; становилось заметно темнее, чем должно было быть; я поднял голову и увидел, что тяжелая гряда туч заволакивала небо, туша одну за другой звезды. Вскоре начали падать тяжелые капли дождя, и там, где была абсолютная, совершенная тишина, все кругом пришло в движение и наполнилось звуками. Случай, которого леопард дожидался, пришел. Торопливо сняв с себя пиджак, я обернул его вокруг шеи, тщательно связав рукава. Теперь ружье было бесполезным, но могло помочь в случае нападения, поэтому я переложил его в левую руку, а правой крепко зажал нож, вытащенный из ножен. Этот нож называется у племени африди[31] «разящий кинжал», и я серьезно надеялся, что он послужит мне так же хорошо, как послужил его прежнему владельцу. Когда я покупал его в государственном складе в Хангу на северо-западной границе, административный глава уезда обратил мое внимание на бирку и три метки на ручке, означавшие, что этим ножом убито трое.

Несомненно, отвратительная реликвия, но я был рад, что он у меня есть, и с силой сжимал его в руке, а дождь продолжал лить, не переставая ни на минуту.

Леопарды, те, что обычно водятся в лесах, не любят дождь и неизменно ищут укрытия. Но людоед не был обычным леопардом, поэтому трудно было угадать, что ему понравится или не понравится, что он сможет или не сможет или что захочет сделать.

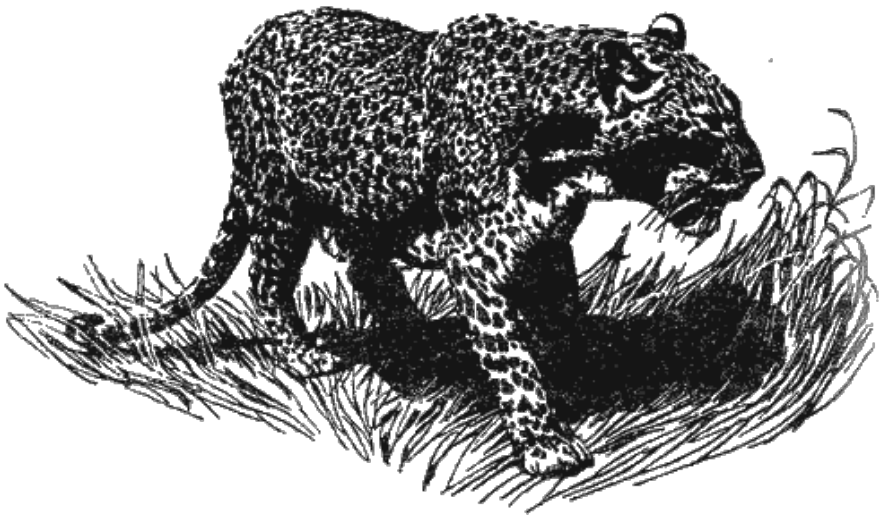
Когда Мадо Синг уходил, он спросил, как долго я намереваюсь быть в засидке, и я ответил ему: «Пока не застрелю леопарда». Поэтому мне нечего было ждать от него помощи, а именно в ней я остро нуждался в то время. Следует ли мне двинуться в путь или оставаться на месте — эти вопросы я себе все время задавал, но и то, и другое казалось одинаково непривлекательным. Если леопард до сих пор не видел меня, было бы глупо выдать свое присутствие и, возможно, попасться прямо к нему в лапы, двигаясь по каменистому грунту, который придется преодолеть на пути к дороге паломников. С другой стороны, оставаться на месте еще шесть часов, ежесекундно ожидая, что придется защищать свою жизнь малознакомым оружием, создавало такое нервное напряжение, которое невозможно было дальше переносить. Поэтому, встав на ноги и повесив ружье на плечо, я вышел из засидки. Идти мне было недалеко, всего около пятисот ярдов, но половину пути по мокрой глине, а другую половину по скользким, гладким скалам, отшлифованным босыми ногами людей и копытами скота. Боясь зажечь электрический фонарь, чтобы не привлечь людоеда, в одной руке держа ружье, а в другой нож, мое тело входило в контакт с землей так же часто, как и ноги в обуви на резиновой подошве. Наконец я достиг дороги и как мог громче послал в темноту ночи свой «сооее!»; секундой позже я увидел высоко на горе, где находилась деревня, открывшуюся дверь и появившегося со своим спутником Мадо Синга, который нес фонарь.

Когда они поравнялись со мной, Мадо Синг сказал, что он не беспокоился за меня до тех пор, пока не пошел дождь, а потом он зажег фонарь и сидел около самой двери, все время прислушиваясь. Оба человека выразили полное желание проводить меня до Рудрапраяга, поэтому мы отправились в нашу семимильную дорогу — Бачи Синг первым, Мадо Синг с фонарем вслед за ним и я, замыкая шествие. Когда на следующий день я сюда вернулся, то увидел, что труп коровы не был тронут, но на дороге были заметны следы людоеда.

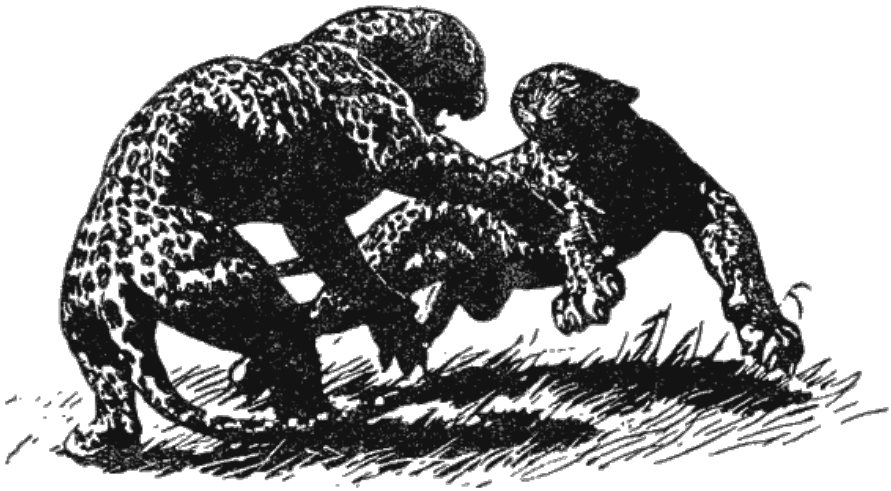
Какой промежуток времени разделял нас — людей, шедших по дороге, и людоеда, идущего по нашим следам, — сказать

невозможно.

Когда я мысленно возвращаюсь назад к этой ночи, я вспоминаю ее как ночь ужасов. Я бывал напуган бесчисленное количество раз, но никогда еще мне не было так страшно, как в эту ночь, когда неожиданный дождь начисто лишил меня возможности обороняться и отдал под покровительство кинжала убийцы.



ЛЕОПАРД СРАЖАЕТСЯ С ЛЕОПАРДОМ



Идя следом за нами до Рудрапраяга, леопард спустился по дороге паломников, прошел через Голабраи, поднялся по ущелью, где он был несколькими днями раньше, и направился по каменистой тропе, которую люди, живущие в горах к востоку от Рудрапраяга, используют как кратчайший путь, срезающий дорогу к Хардвару и обратно.

Паломничество в Кедарнатх и Бадринатх — сезонное; его начало и длительность зависят в одном случае от таяния, а в другом — от выпадения снега в высокогорных областях, где расположены оба этих святилища. Верховный священник Бадринатхского храма несколько дней назад отослал телеграмму, так нетерпеливо ожидаемую правоверными индусами от края до края всей Индии, сообщающую, что дорога открыта; и уже в течение нескольких дней паломники небольшими группами проходили через Рудрапраяг.

В течение сравнительно немногих лет людоед убил несколько паломников на дороге, и казалось, что это стало его более или менее постоянной привычкой. Как только наступал сезон паломничества, он шел вниз по дороге, в полную меру своих сил и возможностей рыская кругом в деревнях, расположенных на холмах к востоку от Рудрапраяга, и выходя вновь на дорогу примерно в пятнадцати милях от него. Время, которое занимало у него это круговое путешествие, менялось, но в среднем я видел его следы на дороге между Рудрапраягом и Голабраи раз в пять

дней. Поэтому, когда я шел назад в бунгало инспекции, то выбрал место, откуда мог бы наблюдать за дорогой, и в ближайшие две ночи устроился с большим комфортом на стогу сена; однако мне не удалось ничего ни услышать о леопарде, ни увидеть его.

Два дня, как я не получал никаких новостей о людоеде из отдаленных деревень. На третье утро я прошел шесть миль вниз по дороге паломников, чтобы выяснить, побывал ли он за это время в деревнях этого направления. Из двенадцатимильной прогулки я вернулся в полдень, и во время несколько запоздалого второго завтрака пришли два человека с известием, что прошлой ночью был убит мальчик в Бхаинсваре, деревне, расположенной в восемнадцати милях к юго-востоку от Рудрапраяга.

Система информации, введенная Ибботсоном, работала замечательно. По этой системе награда наличными уплачивалась по шкале за сообщения о любом случае убийства на территории, где оперировал людоед. Эти награды начинались с двух рупий за известие о козе и доходили до двадцати рупий за случай с человеком. Такая оплата вызывала острое соперничество, и, таким образом, мы могли быть уверенными в получении сведений в возможно кратчайшее время.

Когда я вручил каждому из пришедших, принесших известие, по десять рупий, один из них предложил сопроводить меня в Бхаинсвару и показать дорогу, меж тем как другой сказал, что останется на ночь в Рудрапраяге, так как он недавно был болен лихорадкой и не выдержит обратного пути в восемнадцать миль. Я кончал свой завтрак, а в это время посыльный рассказал, как все произошло. Немного ранее часа дня я отправился в путь, взяв с собой только ружье, немного патронов и электрический карманный фонарь. Когда мы пересекали дорогу около бунгало инспекции и начали карабкаться на крутой холм по противоположной его стороне, мой спутник сказал, что нам предстоит весьма длительная дорога, добавив, что для нас будет небезопасно оставаться в пути с наступлением темноты. Поэтому я ему приказал идти вперед с той скоростью, какую он считает нужной, чтобы вовремя достигнуть цели. Никогда, насколько помню, я не поднимался в гору сейчас же после еды, но тут у меня не было выбора. Первые три мили, которые нам пришлось проделать, взбираясь на четыре тысячи футов вверх, я не успевал за своим проводником. Пройдя эти три мили, мы вышли на сравнительно ровный участок, там я смог отдышаться, двигаться стало легче, и дальше я шел нога в ногу со своим спутником.

Те два человека, которые известили меня о гибели мальчика по пути в Рудрапраяг, говорили жителям деревень, мимо которых они проходили, о своем намерении уговорить меня пойти с ними

назад в Бхаинсвару. Я не думаю, чтобы кто-либо сомневался во мне, так как в каждой деревне меня встречало все ее население, и одни благословляли меня, а другие просили не покидать их район, пока враг не будет убит.

Мой спутник уверял, что нам предстоит идти восемнадцать миль; и по мере того, как мы поднимались с одной вершины на другую, в промежутках спускаясь в глубокие долины, я постепенно понял, что с целью выиграть время решил пройти наиболее тяжелые и «длинные» восемнадцать миль из всех, когда-либо мной пройденных. Солнце готово было сесть, когда на одном из кряжей бесконечной цепи гор я увидел людей, стоявших на гребне в нескольких сотнях ярдах впереди нас. Среди них оказался староста Бхаинсвары. После приветствий он ободрил меня, сказав, что деревня находится по ту сторону горы и что он послал своего сына приготовить к нашему приходу чай.

14 апреля 1926 года — дата, которую долго будет помнить народ Гарвала, так как в этот день людоед-леопард из Рудрапраяга убил свою последнюю человеческую жертву. Вечером этого дня одна вдова со своими двумя детьми — девочкой девяти лет и мальчиком двенадцати лет — в сопровождении восьмилетнего сына соседки пошла к ручейку в нескольких ярдах от деревни Бхаинсвара, чтобы набрать воды для приготовления ужина.

Вдова и ее дети занимали дом, стоявший в середине ряда других строений. В этих двухэтажных домах нижнее помещение с низким потолком использовалось под склад зерна и топлива, в верхнем находилось жилье. По всей длине постройки проходила веранда шириной в четыре фута, на которую можно было попасть с земли, поднявшись по небольшому маршу каменных ступеней, сделанных между стенами двух соседних домов, так что одной и той же лестницей пользовались два семейства. Мощеный двор шестидесяти футов шириной и триста длиной был отгорожен низкой стеной, идущей вдоль всей длины постройки.

Все четверо приблизились к ступенькам, причем первым шел сын соседки. Как только мальчик начал подниматься по лестнице, он увидел животное, которое по ошибке принял за собаку, лежавшую в незапертой комнате нижнего помещения, примыкавшего к ступеням лестницы; он об этом ничего не сказал, а другие, очевидно, ничего не заметили. За мальчиком шла девочка, потом вдова, а ее сын шел последним. Когда вдова поднялась по короткому маршу каменных ступенек, она услышала, как тяжелый медный сосуд, который нес ее сын, с грохотом упал на ступени и покатился по лестнице вниз. Выговаривая сыну за его небрежность, она поставила на веранду

кувшин, который несла сама, и повернулась, чтобы посмотреть, что наделал сын. В конце лестницы на земле она увидела перевернутый сосуд. Вдова спустилась вниз, подняла его и потом осмотрелась кругом, ища сына. Так как нигде в поле зрения его не оказалось, она подумала, что тот побоялся наказания и убежал. Тогда она принялась его звать.

К ближайшим соседям донесся шум, и, слыша, как мать зовет своего сына, они вышли из дверей и спросили, что случилось. Предполагая, что мальчик спрятался в одном из помещений нижнего этажа, где уже стало темно, один человек зажег фонарь и сошел вниз к женщине; тут он заметил капли крови на каменной плите, где она стояла. Услышав его перепуганный возглас, соседи спустились во двор. Среди них был старик, который сопровождал своего бывшего хозяина во многих охотничьих экспедициях. Взяв фонарь у его владельца, старик пошел по кровавым следам через двор и перелез низкую стенку ограды. За стеной начинался небольшой спуск к полю батата; здесь на мягкой земле виднелись следы лап леопарда. До этого момента никто не подозревал, что мальчик мог быть утащен людоедом; хотя раньше каждый житель и слышал о нем, но ближе чем в десяти милях от этой деревни ни разу ничего не случалось. Как только для всех стало ясным, что произошло, женщины принялись пронзительно кричать, в то время как несколько мужчин побежали по домам за барабанами, другие схватили ружья — в деревне их было три, — и через несколько минут поднялся невообразимый гвалт. Всю ночь били в барабаны и стреляли. Когда рассвело, тело мальчика было найдено, и в Рудрапраяг отправили двух человек, чтобы известить меня.

Подойдя к деревне, я услышал вопли и стоны женщин, оплакивающих покойного. Мать жертвы первая поздоровалась со мной. Даже для моего неопытного взгляда было ясно, что у лишившейся своего ребенка матери только что кончился один из приступов истерики и вот-вот начнется новый, а так как я не умею общаться с людьми, находящимися в таком состоянии, я был озабочен тем, чтобы отложить ее рассказ о событиях вчерашнего вечера. Но она была полна страстного желания сообщить мне сейчас же свою точку зрения о происшедшем, поэтому я предоставил ей эту возможность. Женщина описывала событие так, что ее намерение сразу стало для меня ясным — она хотела поговорить со мной о своем горе, переложить вину на мужчин деревни: они не побежали вслед за леопардом и не спасли ее сына, «что сделал бы его отец, будь он жив». Я сказал ей, что обвинять соседей несправедливо. Как только людоед сомкнул свои челюсти вокруг горла мальчика, клыки хищника

сместили голову на шее, и прежде чем леопард потащил его по двору, мальчик был уже мертв, и никто из собравшихся мужчин или кто-либо другой не мог бы ничего сделать.

Я стоял во дворе, пил чай, весьма разумно припасенный для меня, и, глядя на сотню или больше людей, собравшихся вокруг, никак не мог себе представить, как могло случиться, что такое крупное животное сумело при дневном свете пройти по двору, никем не замеченное, в то время как люди сновали туда и сюда, или почему деревенские собаки не подняли тревогу.

Я спустился вниз с восьмифутовой стены, с которой спрыгнул леопард, несший мальчика, и пошел по следу зверя через поле батата, потом еще через одну стену, но уже двенадцатифутовую, и еще одно поле. На краю этого второго поля находилась живая изгородь вьющихся роз высотой в четыре фута. Здесь леопард выпустил горло мальчика, потом поискал проход в изгороди и, не найдя его, схватил свою жертву за поясницу, перепрыгнул с ней изгородь, опустившись на землю с высоты десяти футов. У подножия этой третьей стены проходила скотопрогонная тропа; леопард прошел по ней небольшое расстояние, и в это самое время в деревне поднялась тревога. Тогда леопард бросил мальчика на тропе, а сам спустился вниз с горы. Вернуться к жертве ему мешал шум барабанов и ружейные выстрелы, продолжавшиеся всю ночь.

Для меня был ясен план дальнейших действий: надо отнести тело мальчика туда, где его бросил леопард, и там сделать засидку. Но тут я столкнулся с двумя затруднениями — отсутствием подходящего места для засидки и моим предубеждением против того, чтобы делать засидку в неудобном месте.

Ближайшее дерево — орех без листьев — находилось в трехстах ярдах и, следовательно, не годилось, с другой стороны — скажу совершенно откровенно — у меня не хватало смелости обосноваться просто на земле. Пришел я в деревню к закату солнца; питье чая, рассказ матери и тропление леопарда заняло немного времени, но чтобы построить убежище, которое дало бы мне хоть подобие защиты, дневного света оставалось недостаточно. Следовательно, если делать засидку на земле, то все равно где, ибо не знаешь, с какой стороны леопард может пожаловать, и очень хорошо знаешь, что, если он вздумает напасть, у тебя не будет случая употребить единственное знакомое оружие — свое ружье, так как когда вступаешь в непосредственный контакт с нераненым тигром или леопардом, использовать огнестрельное оружие по назначению невозможно.

Взвесив обстоятельства после внимательного осмотра, я

вернулся во двор и попросил старосту снабдить меня ломом, крепким деревянным колом, молотком и собачьей цепью. Ломом я вскрыл и поднял одну из каменных плит в середине двора, крепко вколотил в землю кол и к нему прикрепил цепь. Потом с помощью старосты принес туда тело мальчика и надел на него цепь.

Помысел неосязаемой высшей силы, устанавливающий предел жизни каждого, называемый одними Судьбой, другими Кисметом, — непостижим. В течение прошедших нескольких дней эта сила установила срок жизни одного кормильца, оставив семью в сильной нужде; очень болезненным путем сократила дни старой дамы, которая после многих лет тяжелого труда надеялась несколько годков прожить в относительном комфорте; а теперь была перерезана нить жизни этого мальчика, который, судя по его виду, воспитывался своей матерью-вдовой с большой заботой. Ничего нет удивительного в том, что лишенная ребенка мать в промежутке между истерическими приступами, крича и плача, снова и снова повторяла: «О, Пармешвар,[32] какое преступление совершил мой всеми любимый сын, что на пороге своей жизни он заслужил такую ужасную смерть?»

Перед тем как начать взламывать плиту во дворе, я предложил матери и дочке перебраться в другой дом в конце улицы. Закончив свои приготовления и умывшись в ручейке, я попросил немного соломы, которую положил на веранду перед дверью дома вдовы. Но вот наступила темнота. Попросив собравшихся сохранить тишину в течение ночи, насколько это для них будет возможно, и отослав их по домам, я занял позицию на веранде, где, растянувшись и подложив немного соломы под грудь, мог наблюдать за телом покойного и быть уверенным, что увидеть меня — мало шансов.

У меня было ощущение, что леопард вернется, несмотря на шум, поднятый прошедшей ночью, и что, не найдя свою жертву там, где ее оставил, он придет в деревню за новой добычей. Легкость, с которой ему удалось ее захватить в Бхаинсваре, поощрит его попробовать еще раз; я начал свое ночное бдение с большими надеждами.

Весь вечер собирались тяжелые тучи, и в восемь часов, когда все звуки в деревне, за исключением плача и причитаний матери, утихли, вспышка молнии, сопровождаемая отдаленным раскатом грома, провозгласила приближающуюся грозу. Она бушевала целый час, вспышки молний были такие продолжительные и сверкающие, что, если бы крыса рискнула вылезти во двор, я бы ее увидел и, вероятно, смог бы застрелить. Наконец дождь перестал, однако небо оставалось затянутым и видимость

сократилась до нескольких дюймов. Пришла пора леопарда; сейчас он должен выйти оттуда, где укрывался от грозы, и время его появления будет зависеть от расстояния между этим местом и деревней.

Причитания женщины кончились, и, казалось, во всем мире не раздавалось ни звука. Именно на это я и надеялся, так как единственное, что могло предупредить меня о появлении леопарда, — были мои уши; в помощь им я взял цепь вместо веревки.

Солома, которой меня снабдили, была суха, как трут; мой напряженный слух уловил какой-то звук, раздавшийся у самых моих ног, — что-то ползло, осторожно, украдкой кралось по соломе, на которой я лежал. На мне были надеты шорты, оставляющие ноги оголенными около колен. Вскоре обнаженная кожа в этом месте ощутила прикосновение волосяного покрова, шерсти животного. Это мог быть только людоед, крадущийся и выжидающий подходящего момента, чтобы ринуться и сомкнуть свои зубы на моем горле. И вот что-то легко надавило на левое плечо — а это точка опоры, — и тут, когда я уже готов был спустить курок, чтобы разрядить обстановку, маленькое животное прыгнуло и устроилось между моими руками и грудью. Это был небольшой насквозь промокший котенок, он попал под ливень, не нашел ни одной открытой двери и пришел ко мне в поисках тепла и защиты.

Едва только котенок уютно свернулся под моим пиджаком, и я понемногу начал приходить в себя от страха, который он на меня нагнал, как по ту сторону полей-террас раздалось низкое рычание, постепенно становившееся все более громким, и наконец до меня донеслись звуки самой дикой схватки, какую я когда-либо слышал. Совершенно очевидно, людоед вернулся к месту, где прошлой ночью он оставил свою добычу, и, пока он ее искал, будучи в не слишком хорошем настроении, другой самец-леопард, рассматривающий данную территорию как свое охотничье угодье, случайно наткнулся на людоеда и напал на него. Сражения, подобные этому, весьма необычны, так как хищники неизменно держатся в пределах собственного района, и если случайно двое однополых встречаются, то, определяя на взгляд силу и мощь друг друга, более слабый уступает место более сильному.

Людоед хотя и был стар, но представлял собой крупного и весьма могучего самца, и в пределах пятисот квадратных миль, где он царствовал, вряд ли другой самец попытался бы оспаривать его права и законы. Но здесь, в Бхаинсваре, он был чужеземцем, нарушителем границ, и, чтобы хоть как-нибудь уйти

от беды, которую он навлек на себя, ему нужно было драться, спасая свою жизнь. Без сомнения, именно это и происходило.

Мой шанс был теперь потерян — если даже людоед успешно справится с врагом, его раны, вероятно, помешают ему некоторое время интересоваться добычей. Не исключалась возможность, что схватка кончится для него фатально и его карьера закончится совершенно неожиданно: он будет убит случайно встреченным леопардом, одним из себе подобных, в то время как совместные усилия правительства и общества оказались бесплодными в течение восьми лет.

Первый раунд длился около пяти минут, бой шел с неослабевающей яростью и был безрезультатным, так как в конце схватки я мог расслышать звуки, издаваемые обоими животными. После интервала в десять — пятнадцать минут сражение возобновилось, но на расстоянии от двухсот до трехсот ярдов дальше от места, где оно поначалу разгорелось. Совершенно очевидно, местный чемпион был в лучшей форме и понемногу выбивал самозванца с ринга. Третий раунд был более коротким, чем два предыдущих, но не менее жестоким, и после еще одного долгого периода затишья бой снова разгорелся, отступив дальше, на выступ горы, откуда спустя несколько минут шум перестал доноситься.

Еще оставалось шесть часов темноты. Я знал, что моя миссия в Бхаинсваре потерпела неудачу, а надежда, что стычка будет продолжаться до результата и окончится смертью людоеда, быстро рассеялась. В отступлении с боем, во что превратилась теперь их схватка, людоед получит увечья, но вряд ли они уменьшат его пристрастие к человеческому мясу или ослабят способность к его добыче.

Котенок мирно спал всю ночь. При первом проблеске зари, показавшемся на востоке, я спустился вниз во двор и перенес мальчика под навес, откуда мы его взяли, и прикрыл одеялом. Староста еще спал, когда я постучал в его дверь. Я отказался от чая, зная, что хлопоты займут время, и уверил его, что людоед больше никогда не появится у них в деревне; и, когда он обещал немедленно начать приготовления к тому, чтобы тело мальчика отнесли в горы к месту для сожжения умерших, я двинулся в свой длинный пеший переход назад в Рудрапраяг.

Как часто нас ни преследует невезение в наших попытках чего-то достигнуть, никогда нельзя привыкнуть к чувству уныния, которое охватывает нас после каждой последующей неудачи. День за днем в течение месяцев я покидал бунгало инспекции полный надежд, что при данных особых обстоятельствах дело увенчается успехом, и день за днем я возвращался

разочарованный и удрученный. Если бы мои провалы относились только ко мне одному, это имело бы мало значения, но в достижении цели, которую я поставил перед собой, эти неудачи касались других гораздо больше, чем меня.

Нет счастья, не везет — ничему другому я не мог приписать неудачи, отмериваемые мне судьбой во все увеличивающейся дозе; их аккумулирующий эффект начал действовать на меня крайне удручающе: не мне предназначено сделать то, что я все время собирался совершить. Что в самом деле, кроме моего дурного счастья, заставило людоеда бросить свою добычу там, где не росли деревья? И что, кроме невезения, понудило другого леопарда появиться на этом самом месте среди своих тридцати квадратных миль как раз в то время, когда людоед, не найдя труп мальчика там, где его оставил, вполне вероятно, уже двинулся в путь, направляясь к деревне, где я его поджидал?

Вчерашние восемнадцать миль были длинными, но они оказались еще длиннее сегодня, а горы еще круче. В деревнях, мимо которых я проходил, жители ожидали меня, и, хотя я мог сообщить только плохие новости, они не выказывали разочарования. Их беспредельная вера и философия — вера достаточная, чтобы сдвигать горы и успокаивающая в горе, — гласит что ни одно человеческое существо или животное не может умереть раньше заранее назначенного срока; значит, время смерти людоеда еще не наступило — это не требовало объяснений и не нуждалось в доказательствах.

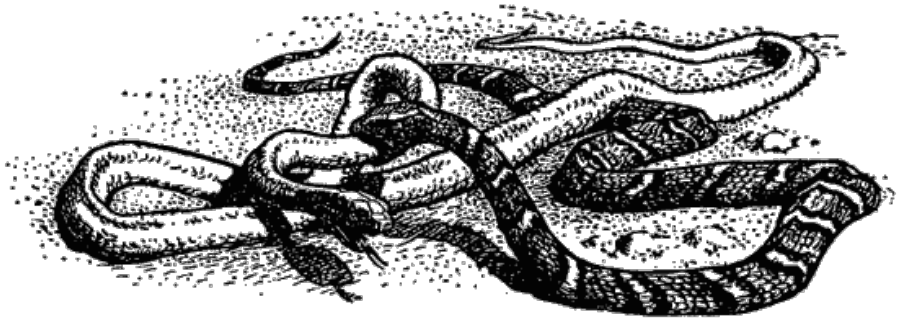
Испытывая стыд за свое уныние, вызванное крушением моих надежд, которому позволил владеть собой в течение целого утра, я покинул последнюю деревню, отдохнув и выпив чашку чаю, в очень бодром настроении. Когда я прошел последние четыре мили спуска к Рудрапраягу, я вдруг заметил, что иду по следам, оставленным лапами людоеда.

Удивительно, как состояние психики может притупить или обострить наблюдательность, способность что-нибудь замечать. Вполне возможно, что людоед вышел на тропу за много миль до того места, где я сейчас находился, но только после моей беседы с простыми деревенскими людьми и чаепития я заметил следы его лап первый раз за все утро. Тропа шла здесь по красной глине, которую дождь сделал мягкой, и следы лап людоеда показывали, что он двигался своим обычным шагом. Полумилей дальше он начал ускорять ход и продолжал так идти, пока не достиг передней кромки ущелья выше Голабраи; в это ущелье он и спустился. Когда леопард или тигр идет своей нормальной походкой, видны отпечатки только задних ног, но, когда по каким-либо причинам обычный его шаг ускоряется, делаются

заметными следы всех четырех ног. По расстоянию между отпечатками передней и задней ноги можно определить скорость, с которой передвигается животное из семейства кошек. Рассвет оказался достаточной причиной для людоеда, чтобы он ускорил свой шаг.

Я был знаком с привычками людоеда и знал его способность преодолевать расстояния, но только в тех случаях, когда он соразмерял свой шаг поисками пищи. Сейчас у него было больше оснований проделать длинный путь, так как он стремился отойти на возможно большее расстояние от леопарда, преподавшего ему урок за нарушение границ; насколько серьезен был этот урок, станет ясно из дальнейшего.

ВЫСТРЕЛ В ТЕМНОТЕ



Время приема пищи в Индии изменяется в зависимости от времени года и личных вкусов. В большинстве семей завтракают от восьми до девяти утра, второй раз завтракают от часа до двух дня и обедают от восьми до девяти часов вечера. За несколько месяцев, проведенных в Рудрапраяге, я питался очень беспорядочно, и в противовес общепринятому утверждению, что здоровье зависит от состава и регулярности питания, моя еда, отнюдь не разнообразная и вовсе не регулярная, поддерживала меня всегда в полной боевой готовности. Порридж,[33] съедаемый в восемь часов вечера, суп в восемь утра, всего одно комбинированное блюдо за день или вообще без еды весь день — все это, казалось, не вызывало пагубных последствий, разве только убрало немного мяса с моих костей.

Кроме раннего завтрака, я ничего не ел с утра вчерашнего дня. Поскольку я намеревался провести ночь в Рудрапраяге после возвращения из Бхаинсвары, я съел что-то трудно определимое и, проспав один час и приняв ванну, сейчас же направился в Голабраи, чтобы предупредить пандита, владевшего убежищем для паломников, о присутствии в окрестностях людоеда.

Мы стали друзьями с пандитом еще в мой первый приход в Рудрапраяг, и я никогда не проходил мимо его дома без того, чтобы не перемолвиться с ним несколькими словами. Вдобавок ко многим интересным историям, которые он мог рассказывать о людоеде и паломниках, проходивших через Голабраи, он был одним из двух человек — женщина с покалеченной рукой была второй, — встреченных мной в Гарвале, которые остались в живых после столкновения с людоедом.

В одной из его историй шла речь о знакомой женщине, жившей в деревне, расположенной ниже по дороге. Однажды после посещения рудрапраягского базара эта женщина пришла поздним вечером в Голабраи и, боясь, что не сможет добраться

засветло до своего дома, попросила пандита разрешить ей провести ночь в его убежище. Он позволил, посоветовав ей лечь спать перед дверью кладовой, где паломники складывали купленные ими продукты питания; там она будет защищена с одной стороны стеной кладовой, а с другой — пятьюдесятью или большим числом паломников, расположившихся здесь на ночь.

Убежище представляло собой крытый дерном навес, обшитый досками со стороны, примыкающей к холму, и открытой — со стороны дороги; комната-кладовка находилась в середине постройки, но вдавалась внутрь холма и не загораживала площадки убежища. Когда женщина легла спать у двери кладовой, между ней и дорогой находились паломники, лежавшие в несколько рядов.

Ночью одна из паломниц вскрикнула от боли и сказала, что ее ужалил скорпион. Освещения никакого не было, но при свете спичек ногу женщины осмотрели и заметили небольшую царапину, откуда понемногу сочилась кровь. Ворча, что женщина подняла переполох из-за пустяков и что во всяком случае кровь не пошла бы, если бы ее действительно ужалил скорпион, паломники скоро успокоились и снова заснули.

Утром, когда пандит вышел из своего дома, расположенного на холме выше мангового дерева, он заметил сари, которое носят жительницы гор. Оно валялось на дороге у самого убежища и было все в крови. Пандит предоставил своей приятельнице место, которое считал наиболее безопасным в убежище. Вокруг нее находилось более пятидесяти паломников. Значит, леопард прошел между спящими людьми, убил женщину и, когда возвращался на дорогу, случайно расцарапал ногу лежавшей паломнице.

Объяснение, которое дал пандит, почему леопард отказался от паломников и предпочел им жительницу гор, заключалось в том, что она была этой ночью единственным человеком в убежище, одетым в цветную одежду. Объяснение неубедительное, и, если бы не отсутствие нюха у леопарда, я бы решил, что из всех людей, находившихся в это время в убежище, леопард выбрал жертву с хорошо ему знакомым запахом.

Несчастливица ли эта женщина или такова ее судьба? А может быть, это случилось потому, что она была единственной из всех отдыхавших, кто реально представлял себе опасность ночевки под навесом, открытым со стороны дороги? Или страхи жертвы по каким-то необъяснимым путям передались леопарду и привлекли его к ней?

Немного спустя после этого происшествия пандит сам столкнулся с людоедом. Точная дата, которая может быть

удостоверена по отчетам больницы в Рудрапраяге, не представляет интереса, это произошло в один из наиболее жарких дней лета 1921 года, то есть за четыре года до того, как я познакомился с пандитом. Тем летом поздно вечером десять паломников, шедших из Мадраса, притащились в Голабраи очень усталые и с распухшими ногами; они пожелали провести ночь в убежище паломников. Пандит боялся, что еще какие-нибудь люди могут быть убиты в его убежище и тогда оно заслужит дурную репутацию, поэтому он попытался убедить паломников пройти еще две мили до Рудрапраяга, где они найдут безопасный и удобный приют. Увидев, что никакие уговоры не оказывают действия на утомленных паломников, он наконец согласился дать им пристанище у себя в доме, находившемся в пятидесяти ярдах выше мангового дерева, к которому ваше внимание, читатель, я уже не раз привлекал.

Дом пандита был построен по тому же плану, что и строения в Бхаинсваре; нижнее помещение на уровне земли использовалось как склад топлива, а на верхнем этаже находилась комната для жилья. Небольшой марш каменных ступенек давал доступ к узкой веранде. Дверь комнаты выходила на верхнюю ступеньку каменной лестницы.

После того как пандит и его десять гостей кончили свою вечернюю трапезу, они заперлись в этой комнате, в которой совершенно не было никакого приспособления для вентиляции. Духота там была невероятная, и, боясь обморока, пандит среди ночи открыл дверь, вышел наружу, потянулся и, раскинув руки, взялся за столбы, стоящие с каждой стороны ступеней лестницы и поддерживающие крышу веранды.

Когда он вдохнул в свои легкие ночной воздух, его горло оказалось зажатым словно в тисках… Продолжая держаться за столбы, он уперся подошвами ног в тело своего противника и отчаянным пинком оторвал зубы леопарда от своего горла, сбросив его вниз со ступеней. Потом, чувствуя, что вот-вот лишится сознания, он сделал шаг в сторону и, чтобы не свалиться, двумя руками схватился за перила веранды. В тот момент, как он это сделал, леопард прыгнул снизу и погрузил свои клыки в левую его руку. Людоеду, пытавшемуся стащить свою жертву вниз, мешали перила, в которые пандит уперся другой рукой. Под тяжестью висящего леопарда острые клыки, вонзившиеся в руку, разрывали мясо, пока не дошли до запястья, и здесь хищник сорвался. Прежде чем он смог прыгнуть еще раз, паломники, слыша ужасные звуки, издаваемые пандитом при попытках продохнуть, так как воздух проходил сквозь щель разорванного горла, успели оттащить его внутрь комнаты и

заперли дверь на засов. Всю остальную часть ночи пандит лежал, с трудом ловя воздух, задыхаясь и истекая кровью, в то время как леопард рычал и рвал когтями не очень крепкую дверь, а объятые ужасом паломники пронзительно кричали.

Когда рассвело, паломники отнесли бесчувственного пандита (потерять сознание при таких ранах — милосердие) в больницу общины Калакамли в Рудрапраяге, где три месяца его кормили через серебряную трубочку, просунутую в горло. После шестимесячного отсутствия он вернулся к себе домой в Голабраи с подорванным здоровьем и поседевшими волосами. Фотографии пандита делали пятью годами позже. На них видна левая половина лица и горло со слабо вырисовывающимися следами, оставленными зубами леопарда, а также отметины от его клыков на левой руке, впрочем, они вполне ясно видны до сих пор.

В беседах со мной пандит всегда говорил о людоеде как о злом духе, и после первого дня, когда он спросил меня, какие доказательства я могу ему представить в противовес его собственному опыту, утверждая, что злые духи не могут принимать материализованную форму, я, чтобы ублажить его, также отнес людоеда к числу «злых духов».

Этим вечером, придя в Голабраи, я рассказал пандиту о моем бесплодном посещении Бхаинсвары и посоветовал ему принять особые меры предосторожности как для его безопасности, так и для безопасности всех тех паломников, которые могут остановиться в его убежище на ночь, потому что злой дух после долгих похождений в горах вернулся и находится в окрестностях Голабраи.

Эту ночь и последующие три я был в засидке на стоге сена, сторожа дорогу. На четвертый день из Паури прибыл Ибботсон.

Ибботсон всегда действовал ободряюще и вызывал во мне новый интерес к жизни, так как его принцип был подобен той вере, которую исповедует местное население: никто не повинен в том, что людоед не умер сегодня, потому что, наверное, он умрет завтра или, может быть, послезавтра. У меня была масса новостей, о которых хотелось рассказать ему. Правда, мы находились в постоянной переписке, но выдержки из моих писем входили в состав отчетов правительству и таким образом были доступны прессе, и поэтому я никогда не имел возможности касаться деталей, до которых он был большой охотник. Со своей стороны Ибботсон имел также много такого, о чем стоило порассказать; это относилось к шуму, поднятому в прессе по поводу необходимости уничтожения людоеда, и предложениям, чтобы все спортсмены во всей Индии были бы поддержаны и поощрялись на поездку в Гарвал на помощь тем, кто пытается

ликвидировать леопарда. Кампания, поднятая прессой, кончилась тем, что Ибботсон получил лишь один запрос и только одно предложение. Запрос был получен от спортсмена-охотника, который писал, что если подготовка его путешествия, удобства, пища и так далее будут организованы удовлетворительно, тогда он взвесит, имеет ли смысл отправиться в Голабраи. Предложение было получено от другого спортсмена-охотника, по мнению которого, наиболее быстрый и самый легкий способ уничтожить леопарда — это намазать какую-нибудь козу мышьяком, зашив ей рот, чтобы помешать себя облизывать, и потом привязать в таком месте, где леопард ее найдет, съест и таким образом сам себя отравит.

В этот день за вторым завтраком мы много беседовали и проанализировали мои многочисленные неудачи. Рассказав Ибботсону про обыкновение людоеда проходить по дороге между Рудрапраягом и Голабраи в среднем раз в пять дней, я уверил его в том, что единственная оставшаяся мне теперь надежда застрелить леопарда — это сесть в засидку у дороги на десять ночей, потому что, как я указал, леопард почти наверное должен пройти по этой дороге по меньшей мере один раз за это время. Ибботсон согласился на мой план очень неохотно, так как я уже до этого был в засидке много ночей подряд и он боялся, что новые предстоящие десять ночей окажутся слишком тягостными для меня. Тем не менее я отстоял свою точку зрения и потом объявил Ибботсону, что, если мне не удастся убить леопарда в течение обусловленного времени, тогда я вернусь в Найни-Тал и оставлю поле сражения любым новым охотникам, которые захотят занять мое место.

В этот вечер Ибботсон проводил меня до Голабраи и помог поставить махан на манговом дереве в ста ярдах от убежища для паломников и в пятидесяти ниже дома пандита. Тут же под деревом, посередине дороги, мы вбили крепкий деревянный кол и привязали к нему козу с небольшим колокольчиком, висевшим у нее на шее. Была почти полная луна, но высокие горы к востоку от Голабраи дадут свету луны проникнуть в глубокую долину Ганга всего на несколько часов, поэтому когда станет темно, о приходе леопарда меня известит коза.

Когда все наши приготовления закончились, Ибботсон вернулся в бунгало, обещая на следующее утро пораньше прислать двух моих людей. В то время, что я сидел на скале у подножия дерева, курил и ждал, когда наступит вечер, ко мне пришел пандит и сел подле меня; он был бхакги[34] и не курил. В начале вечера он видел, как мы строили махан, и теперь пытался убедить меня не оставаться в засидке всю ночь на дереве, когда я

могу с полным комфортом спать в постели. Хотя с этим трудно было не согласиться, я его заверил, что все равно буду сидеть всю ночь на дереве и, кроме того, после этой еще девять ночей, так как если я не смогу убить злого духа, то по меньшей мере буду охранять его дом и убежище паломников от нападения всех недругов.

Один раз в эту ночь каркер «залаял» на горе выше того места, где я находился, но после этого до самого рассвета было тихо. На следующее утро с восходом солнца появились мои два человека, и я направился в бунгало инспекции, осматривая дорогу в поисках следов лап людоеда, предоставив моим людям идти за мной с пледом и ружьем.

В течение последующих девяти дней расписание моих действий было неизменным. Выйдя из бунгало рано вечером в сопровождении двух человек, я занимал свою позицию на махане и отсылал людей назад, с тем чтобы у них оставалось время добраться до бунгало, прежде чем станет темно. Они имели строгий наказ не выходить из бунгало до наступления полного рассвета, и поэтому каждое утро приходили, когда солнце уже начинало подниматься над холмами по ту сторону реки, после чего провожали меня обратно в бунгало.

В течение этих десяти суток мне удалось услышать лишь лающий голос каркера и то только один раз — в первую ночь засидки. Но людоед был поблизости, в окрестностях, чему мы имели достаточные доказательства. Дважды в течение этих десяти ночей он проникал в дома и в одном случае утащил козу, а в другом — овцу. Остатки их трупов я нашел с трудом; они были унесены на большие расстояния и почти начисто съедены и поэтому не могли пригодиться.

Однажды в одну из этих десяти ночей леопард взломал дверь дома, в котором, по счастью для его обитателей, было две комнаты, причем дверь внутренней комнаты оказалась достаточно прочной и выдержала его бешеное нападение.

По возвращении в бунгало после моих десяти ночей засидки на манговом дереве мы с Ибботсоном обсудили наши будущие планы. Никаких новых известий не было получено от спортсменов-охотников, никто не выразил желания принять приглашение правительства и никто не откликнулся на призывы, помещенные в прессе. Не только Ибботсон, но и я не мог далее оставаться в Рудрапраяге. Ибботсон вот уже десять дней отсутствовал, и ему было совершенно необходимо возвратиться в Паури, чтобы заняться срочными делами в центральном управлении, а мне предстояла работа в Африке; я все откладывал в течение этих трех месяцев отъезд и уже больше задерживаться

не мог. Нам обоим отнюдь не хотелось покидать Гарвал на милость и управу людоеда, и все же ситуация так складывалась, что просто трудно было сообразить, как поступить.

На ум приходило и такое решение: для Ибботсона просить отпуск, а для меня аннулировать отъезд в Африку, бросить выгодное дело. В конце концов мы согласились отложить решение до утра следующего дня и тогда наметить линию нашего поведения.

Придя к этому заключению, я сказал Ибботсону, что собираюсь провести свою последнюю ночь в Гарвале в махане на манговом дереве.

В этот одиннадцатый и последний вечер провожал меня Ибботсон. Приблизившись к Голабраи, мы увидели людей, стоявших на обочине дороги и смотревших вниз на поле, находившееся на небольшом расстоянии от мангового дерева. Люди нас не заметили, и прежде чем мы подошли к ним, они повернулись и пошли по направлению к убежищу паломников. Однако один из них посмотрел назад и, увидев, что я кивнул ему, возвратился. В ответ на наш вопрос он сказал, что вместе со своими спутниками в течение целого часа смотрел на грандиозную битву между двумя большими змеями внизу на заброшенном поле. В последний раз за ними можно было наблюдать поблизости от большой скалы в середине поля. На этой скале виднелись пятна крови. Человек сказал, что это кровь змей, покусавших друг друга. Сломав ветку с ближайшего куста и пользуясь ею как палкой, я спрыгнул вниз на поле, чтобы посмотреть, имеются ли какие отверстия около скалы, и, разглядывая почву, заметил обеих змей, лежавших в кустах чуть ниже дороги. В это время и Ибботсон тоже вооружился основательной палкой, и, когда одна из змей попыталась вылезти на дорогу, он ее убил. Другая же скрылась в отверстии около бугра, откуда нам было трудно ее выгнать. Змея, которую убил Ибботсон, оказалась около семи футов длиной, однотонного светло-соломенного цвета; на ее шее виднелось несколько следов от укусов. Это не был полоз; увидев ее заметно выдававшиеся ядовитые зубы, мы пришли к заключению, что это какая-то разновидность бескапюшонной кобры. Холоднокровные животные также восприимчивы к змеиному яду. Я видел лягушку, ужаленную коброй и умершую через несколько минут, однако мне не было известно, могут ли отравить друг друга змеи одной и той же разновидности. Возможно, что та, которая скрылась в отверстии, умерла через несколько минут, но, может быть, она осталась в живых и умрет в глубокой старости.

После того как Ибботсон удалился, мимо меня по пути к

убежищу паломников, неся с собой ведро молока, прошел пандит. Он сообщил, что пятьдесят человек, прибывших в течение дня, решили провести ночь в его убежище и он бессилен что-либо сделать, дабы помешать им осуществить свое намерение. Было слишком поздно, чтобы я мог сам что-нибудь предпринять, поэтому я сказал пандиту о необходимости предупредить паломников, чтобы они держались близко друг к другу и никоим образом не выходили после наступления темноты. Когда несколькими минутами позже он поспешил назад домой, то, проходя снова мимо меня, сказал, что выполнил все, как я ему наказывал.

На поле, примыкавшем к дороге, на расстоянии около ста ярдов от моего дерева, находилась ограда из колючего кустарника, к которой гуртовщик-коробейник — но не тот старик, что был моим приятелем, — ранним вечером пригнал свое стадо коз и овец. У гуртовщика были две собаки, которые свирепо лаяли на нас, когда мы вместе спускались по дороге, и на одного Ибботсона, когда он от меня направился в бунгало.

Несколько дней как полнолуние прошло, и в долине было уже совсем темно. В десятом часу вечера я внезапно заметил человека с фонарем, отошедшего от убежища паломников и пересекавшего дорогу. Минутой или двумя позже он снова перешел через дорогу и, поравнявшись с убежищем, потушил фонарь; в тот самый момент собаки гуртовщика принялись бешено лаять. Не было никакого сомнения — собаки лаяли на леопарда, который, возможно, увидев человека с фонарем, сейчас спускался по дороге, направляясь к убежищу.

Сначала собаки лаяли в сторону дороги, но через некоторое время, повернувшись, стали лаять в мою сторону. Совершенно очевидно, что теперь в поле зрения леопарда попалась спящая коза и хищник залег. Собаки прекратили лай в ожидании того, что зверь выдаст себя каким-нибудь новым движением. Я знал, что людоед здесь, мне также было известно, что он воспользовался моим деревом, чтобы скрадывать козу. Вопрос, который мучил меня в эти так долго тянувшиеся минуты, заключался в том, обойдет ли он козу и убьет одного из паломников или же наоборот — сначала убьет козу, и тогда у меня появится возможность сделать выстрел.

В течение всех ночей, проведенных мной в засидке на дереве, я устраивался, принимая такую позу, которая позволила бы мне разрядить ружье, двигаясь как можно меньше и в минимум времени. Расстояние между маханом и козой составляло двадцать футов, но ночь была очень темной, еще темнее казалось под густой листвой дерева, так что мои глаза, сколько я их ни

напрягал, не могли ничего разглядеть даже на этой короткой дистанции. Поэтому я их закрыл и сконцентрировал свое внимание только на слухе. Ружье, к которому был прикреплен маленький электрический фонарик, я направил в сторону козы и только начал подумывать, что животное — если предположить, что это был людоед, — добралось до убежища и сейчас выбирает себе жертву среди людей, как раздался шорох от стремительного движения у подножия дерева и вслед за этим резкое тиньканье колокольчика козы. Нажав кнопку электрического фонарика, я увидел, что мое ружье нацелено на плечо леопарда, и, не сдвинувшись ни на йоту, нажал курок… и только я это сделал, фонарик потух.

В те дни электрические фонари не имели такого всеобщего применения, как сейчас, а мой был первым, которым я когда-нибудь обладал. Я носил его в течение многих месяцев, и мне никогда не случалось им воспользоваться. Я не знал срока действия батареи, а также того, что его необходимо проверять. Когда я нажал кнопку, он дал лишь одну тусклую вспышку и затем погас; снова я остался в темноте, не зная, каковы результаты моего выстрела.

Эхо от него замирало далеко в долине, когда пандит открыл дверь и громко спросил, требуется ли мне помощь. В это время я старался всеми фибрами своего существа уловить хоть малейший звук, который мог исходить от леопарда, поэтому я ничего не ответил пандиту, и он поспешно захлопнул дверь.

Когда я стрелял, леопард лежал поперек дороги, отвернув от меня голову, и я имел смутное представление, будто он перепрыгнул через козу и двинулся вниз по горе. В тот момент, как пандит крикнул, мне показалось, что я слышал что-то похожее на булькающие звуки, но уверенности в этом у меня не было. Паломники были разбужены выстрелом, но после того как несколько минут они что-то побормотали, снова улеглись спать. Коза, как казалось, осталась невредимой, так как по звуку ее колокольчика я мог сказать, что она двигается, очевидно, поедая траву, которую каждую ночь имела в большом количестве.

Я выстрелил в десять часов вечера. Так как луна всходила только через несколько часов, мне ничего не оставалось делать, как, устроившись поудобнее, слушать и курить.

Несколькими часами позже луна осветила гребни холмов по ту сторону Ганга — свет медленно полз вниз по долине, а еще немного позже я заметил, что луна поднялась над вершиной горы позади меня. Как только она оказалась над моей головой, я взобрался на верхушку дерева, но разросшиеся, широко раскинувшиеся ветви помешали мне что-нибудь рассмотреть.

Спустившись снова на махан, я полез по ветке, нависшей над дорогой, но отсюда также ничего нельзя было разобрать, если смотреть вниз по склону горы в том направлении, в каком, мне казалось, бросился леопард. Было три часа утра, а двумя часами позже луна начала бледнеть. Когда ближние предметы стали видны в свете рождавшегося на востоке дня, я спустился с дерева и был приветственно встречен дружеским блеянием козы.

За козой и около самой кромки дороги выступал длинный и низкий выход скалы, на нем была видна полоска крови шириной в дюйм; если эта кровь принадлежала леопарду, то жить он мог минуту или две. Поэтому, не соблюдая предосторожностей, обычных, когда идешь по кровавым следам хищных зверей, я спустился с дороги и прошел по этим следам еще пятьдесят ярдов с другой стороны скального выхода. Там лежал мертвый леопард.

Он соскользнул спиной в небольшую впадину, где сейчас лежал свернувшись; его подбородок покоился на краю впадины.

Никаких признаков, по которым я мог установить, что мертвое животное и есть «злой дух» Гарвала, не было видно, тем не менее я ни на миг не сомневался, что леопард, лежавший в яме, — людоед. Я не увидел оборотня, который следил за мной в течение долгих часов, сотрясаясь в беззвучном дьявольском хохоте, и, глядя на мои напрасные попытки перехитрить его, облизывался в предвкушении того, как он, улучив момент, когда я не буду настороже, погрузит свои клыки в мое горло. Здесь лежал только старый леопард, отличавшийся от других животных этого же племени тем, что его морда была седой, а губы не имели усов. Самое ненавистное животное во всей Индии, которого боялись больше, чем кого-либо другого, чье единственное преступление не против закона природы, но против закона человека заключалось в том, что он пролил человеческую кровь, однако не с целью терроризировать человека, но только для того, чтобы самому существовать, — теперь он лежал, положив подбородок на край ямы, прикрыв глаза, и мирно грезил, погруженный в свой последний долгий сон.

В то время как я стоял, разряжая винтовку, одна пуля из которой сделала много больше того, что нужно было для сведения моих личных счетов с покойным, я услышал кашель и, подняв голову, увидел на краю дороги пандита, пристально смотрящего на меня сверху. Я кивнул ему, приглашая сойти. Он робко и осмотрительно начал спускаться по склону. Едва только на его глаза попался леопард, пандит остановился и шепотом спросил, мертв ли он и как это произошло. Когда я сказал, что он убит, что это и есть его злой дух, который пять лет назад разорвал зубами его горло, боясь которого прошлой ночью он

поспешно захлопнул дверь, пандит сложил ладони рук и попытался пасть к моим ногам.

Через минуту раздался оклик с дороги выше нас: «Саиб, где вы?» Это кричал один из крайне обеспокоенных моих людей, и, когда я послал ответный клич, эхом отдавшийся по Гангу, над дорогой появились четыре головы. Заметив нас, все четверо, спотыкаясь, как попало спустились вниз; один из них размахивал зажженным фонарем, который забыл потушить.

Леопард окоченел в яме, поэтому его вытащили с некоторыми затруднениями.

В то время как тело животного привязывали к бамбуковому шесту, люди рассказали, что они не могли заснуть всю ночь, и, как только казенные часы Ибботсона стали показывать половину пятого, они зажгли фонарь и, вооружившись шестом и веревкой, пошли искать меня. Не найдя меня на махане и заметив, что коза невредима, а на скале виднеется кровавая полоса, они подумали, что людоед убил меня, и, не зная, что предпринять, в отчаянии начали выкрикивать мое имя.

Я поручил пандиту забрать плед с махана и рассказал всем столпившимся вокруг меня паломникам о случившемся этой ночью. Затем четверо моих людей, я и коза, трусившая рядом, двинулись по направлению к бунгало инспекции. Коза, отделавшаяся небольшим ранением благодаря моему выстрелу в тот самый момент, когда леопард схватил ее, мало понимала, что это ночное приключение сделает из нее героиню на весь остаток ее жизни и что теперь ей придется носить красивый медный ошейник и быть источником дохода человека, у которого я ее купил и которому отдал обратно.

Ибботсон еще спал, когда я постучал в застекленную дверь, но в тот же миг, как он увидел меня, вскочил с кровати, бросился к двери, широко распахнул ее и обнял меня. В следующую минуту он танцевал вокруг леопарда, которого люди положили на веранду.

Крикнув о том, чтобы подали чаю и приготовили горячую ванну для меня, он вызвал стенографа и продиктовал телеграмму правительству, прессе, моей сестре и Джин. Он не задал мне ни одного вопроса, так как знал, что леопард, которого я доставил в этот ранний час, был людоед, и поэтому какая теперь нужда спрашивать о чем-нибудь. В том, другом случае, несмотря на всю очевидность, которая также была перед нами, я утверждал, что леопард, убитый в капкане, не был людоедом, а сейчас я ничего не говорил.

Ибботсон нес большую ответственность начиная с октября прошлого года, потому что именно ему было поручено дать ответ

депутатам Государственного совета, озабоченным тем, чтобы угодить избирателям и членам правительства, которые с каждым днем все больше тревожились ввиду постоянно увеличивающегося списка смертей и заметок по этому поводу в прессе, шумно требовавшей принятия действенных мер для уничтожения людоеда.

В течение долгого времени положение Ибботсона было подобно положению того начальника полиции, который, зная, кто является знаменитым преступником, не в состоянии ни предупредить, ни помешать дальнейшим преступлениям и в силу этого подвергается насмешкам и поношениям со всех сторон. Поэтому отнюдь не удивительно, что в этот день, 2 мая 1926 года, Ибботсон был самым счастливым человеком, которого мне когда-либо приходилось видеть. Сейчас он мог известить всех, кого это касалось, не только о том, что преступник казнен, но также сообщить народу на базарах, ярмарках и в окружающих деревнях, паломникам и всем тем, кто в этом заинтересован и территориально входил в границы, опекаемые местной полицейской инспекцией, что тот злой дух, который мучил народ в течение долгих восьми лет, теперь мертв. После того как я выпил целый котелок чая и принял горячую ванну, я попробовал поспать, но боязнь повторения судороги, которая вдруг свела мне ноги — от нее избавило лишь мощное вмешательство Ибботсона, — заставила меня подняться с постели. Тогда мы с Ибботсоном начали обмеривать леопарда и тщательно осмотрели его. Результаты наших промеров и осмотра даны в таблице.

Размеры

Длина между колышками[35] — 7 футов 6 дюймов.
Длина по кривой — 7 футов 10 дюймов.

Примечание. Эти измерения сделаны через двенадцать часов после того, как леопард был убит.

Описание

Цвет — светло-соломенный.
Волосы — короткие и хрупкие.
Зубы — стертые и желтые, один клык сломан.
Язык и пасть — черные.

Раны — одно свежее пулевое ранение в правое плечо; одно старое пулевое ранение в подушечку левой задней ноги; на той же ноге не хватает части пальца и одного когтя; несколько глубоких и частично заживших ран на голове; одна глубокая и частично зажившая рана на правой задней ноге; несколько частично заживших ран на хвосте; одна частично зажившая рана на коленном суставе левой задней ноги.

У меня нет оснований утверждать, что язык и пасть леопарда имеют черную окраску. Есть предположение, что цвет пасти людоеда — результат действия цианида, но так это или нет, я не могу сказать.

Что касается частично заживших ран на голове, на правой задней ноге и хвосте, они получены в схватке с леопардом в Бхаинсваре. Недавно зажившая рана на коленном суставе левой задней ноги осталась после попадания в капкан, так как кусочек кожи и пучок шерсти, найденные нами в ловушке, точно подходили к краям раны. Ранение на левой задней ноге — результат выстрела, сделанного с моста молодым армейским офицером в 1921 году. Когда позже с леопарда сдирали шкуру, я нашел пульку картечи, вонзившуюся в его кожу на груди; ее послал индиец-христианин, заявивший много лет спустя, что он выстрелил в леопарда в тот год, когда хищник сделался людоедом.

Вместе с Ибботсоном мы обмерили и осмотрели леопарда и положили его в тени под деревом; в течение всего дня мужчины, женщины и дети приходили смотреть на него.

Когда наши горцы навещают кого-нибудь по какому-либо особому поводу, например чтобы выразить свою признательность или принести благодарность, не принято приходить с пустыми руками. Роза, цветок календулы или даже несколько лепестков цветка являются достаточным даром, подносимым обеими руками, сложенными вместе в форме чаши. Когда получающий дотрагивается до приношения кончиками пальцев правой руки, человек подносящий делает движение, как бы выливая дар на ноги таким жестом, словно в его сложенных ладонях находится жидкость.

Я был свидетелем выражений благодарности по другим обстоятельствам, но никогда я не видел ничего подобного тому, что происходило в тот день в Рудрапраяге, сначала в бунгало инспекции, потом на специальном приеме на базаре.

— Он убил нашего единственного сына, саиб, мы сейчас старые, неутешные и дом наш разорен.

— Он съел мать моих пятерых детей, а младшему было всего пять месяцев отроду. Теперь в доме нет никого, кто бы позаботился о детях или приготовил пищу.

— Мой сын заболел ночью, но никого не нашлось, кто бы решился сходить в больницу за лекарством… и вот он умер.

Трагедии нагромождались одна на другую, и в то время как я слушал, пол у моих ног покрывался цветами.

ЭПИЛОГ

Случаи, о которых я рассказал, произошли в 1925 и 1926 годах. Шестнадцатью годами позже, в 1942 году, я выполнял военное поручение в Мируте. Однажды мою сестру и меня пригласил полковник Фляй, чтобы помочь занять раненых на приеме, устроенном в их честь. Когда мы явились, эти люди — пятьдесят или шестьдесят человек — родом из разных частей Индии сидели вокруг теннисной площадки и с наслаждением курили, только что закончив пить роскошный чай. Начав с противоположных сторон, мы с сестрой принялись обходить собравшихся по кругу.

Эти люди, главным образом из провинций Среднего Востока, после отдыха должны были разъехаться по своим домам, кто в отпуск, а кто в отставку. Миссис Фляй и моя сестра завели граммофон с индийскими пластинками, а меня попросили остаться, пока не кончится прием, занявший два часа. Поэтому у нас хватило времени, чтобы обойти всех раненых.

Я уже проделал половину круга и подошел к молодому парню, сидевшему на низком стуле; он был тяжело ранен, и на земле около него лежали два костыля. Когда я приблизился, он, с трудом соскользнув со стула, попытался припасть головой к моим ногам. Бедняга удивительно мало весил, так как много месяцев провел в госпитале; когда я, подхватив его, поднял и усадил поудобнее в соседнее кресло, он сказал: «Я разговаривал с вашей сестрой и сказал ей, что моя родина — Гарвал. Тогда она мне сказала, кто вы такой. Я был еще маленьким мальчиком, когда вы застрелили людоеда, и так как наша деревня находится далеко от Рудрапраяга, я не смог бы дойти туда, а отец был недостаточно силен, чтобы нести меня, поэтому мне пришлось остаться дома. Когда отец вернулся, он сказал, что видел мертвого людоеда и саиба, который убил его. Он рассказал о сладостях, которые в этот день были розданы (свою полученную им долю он принес мне), и о большой толпе народа, которую он там видел. Теперь,

саиб, я поеду домой с большой радостью в сердце, ибо сейчас я могу сказать моему отцу, что и я своими собственными глазами видел вас. И может быть, если смогу найти кого-нибудь, кто понесет меня на ярмарку, которая теперь ежегодно устраивается в Рудрапраяге в память гибели людоеда, я там смогу рассказать народу, что встретил вас и говорил с вами».

Юноша на пороге полной возмужалости, возвращающийся с войны с искалеченным телом, думал не о том, как он будет рассказывать о совершенных им храбрых поступках, но был полон желания сообщить отцу, что своими глазами наконец увидел человека, которого много лет назад не смог увидеть, человека, чье единственное право на воспоминание о нем заключалось в одном точно сделанном выстреле.

Типичный представитель народа Гарвала, этих простых и отважных горцев, и всей великой Индии, чьих сынов лишь немногие жившие среди них англичане имели счастье знать. Это те самые сыны земли с горячими сердцами, которые независимо от их касты и верований, когда наступит день, объединят соперничающие между собой части страны и создадут одну великую индийскую нацию.

КРАТКИЕ СВЕДЕНИЯ О ЖИВОТНЫХ, УПОМИНАЕМЫХ В КНИГЕ

Беблер белоголовый — птица из семейства тимелиевых (*Timelidae*) величиной с дрозда. Обитает в лесах и кустарниковых зарослях, питается насекомыми и плодами.

Бронзовокрылый голубь — то же, что изумрудная, или бронзовокрылая, горлица (*Chalcophaps indica*). Низ тела коричневато-розовый, верх — блестящего изумрудно-бронзового цвета, темя — белое. Держится одиночно или парами в зарослях бамбука, листопадных и вечнозеленых лесах. Кормится на земле различными семенами и ягодами.

Буйвол азиатский (*Bubalus bubalis*) — семейство полорогие, отряд парнокопытные. Единственный одомашненный вид из четырех видов буйволов. Масса тела до 1000 кг. И самки и самцы имеют широкие в основании рога, серповидно изогнутые назад и внутрь. Окраска от темно-серой до черной. Широко распространен во всех странах Юго-Восточной Азии. Продолжительность жизни до 25 лет.

Горал (*Nemorhaedus goral*) — горная антилопа весом 30–40 кг, внешне напоминающая козу. Самцы и самки имеют короткие рога. Длинный мех окрашен в серый, рыже-бурый и белый тона, летом окраска темнее, чем зимой. Распространены от Гималаев до Вьетнама и Приморья. Населяют скалистые участки среди леса или открытые склоны гор до 4000 м над уровнем моря. В нашей стране находится под угрозой исчезновения, занесен в Красную книгу.

Дикая собака — местное название красного волка (*Cuon alpinus*). Хищник семейства волчьих. Длина тела около 100 см, масса тела около 17 кг. Окраска меха однотонная рыжая. Питается в основном крупными копытными, в летнее время употребляет растительные корма. Охотится стаями, долго преследуя жертву. Вне периода размножения широко мигрирует в поисках добычи. Распространена в некоторых районах Китая и Монголии, на п-овах Индостан, Индокитай, о-вах Ява, Суматра, на Корейском п-ове, на Дальнем Востоке, на юге Восточной и Средней Сибири, на востоке Средней Азии.

Дикобраз индийский (*Hystrix indica*) — семейство дикобразовые, отряд грызуны. Все тело покрыто длинными иглами, окрашенными в бурые или желтоватые тона, часто с черными или белыми кольцами. Ведут сумеречный и ночной образ жизни. Питаются различными частями дикорастущих и

культурных растений. Живут в сложных норах, пещерах. В неволе живут до 20 лет. Мясо дикобразов употребляется в пищу.

Замбар (*Cervus unicolor*) — олень темной окраски, весом 200–300 кг. Самцы имеют ветвистые рога. При опасности издает громкий трубный звук. Обитает в лесах от Пакистана до Вьетнама.

Кабан (*Sus scrofa*) — парнокопытное животное весом до 290 кг. Окраска от светло-бурой до почти черной. Питается различными кормами, преимущественно растительными. Обитает в тростниковых и кустарниковых зарослях, лесах, горах Европы, Азии (кроме Севера), Северной Африки. Является предком домашней свиньи.

Кабарга (*Moschus moschiferus*) — животное весом до 20 кг, напоминающее небольшого оленя. Окраска бурая со светлыми пятнами. У самцов развиваются длинные саблеобразные верхние клыки. Обитает на крутых, заросших лесом склонах гор от Алтая до Сахалина и Китая, в Гималаях и на Тибете.

Каркер — местное название оленя-мунтжака (*Muntiacus muntjak*). Животное размером с косулю (вес до 35 кг), с небольшими рогами. Обитает в кустарниковых зарослях от Индии до о-ва Калимантан. При опасности и во время гона издает громкий лающий звук.

Кашмирский олень, хангул (*Cervus elaphus hangul*) — Гималайский подвид благородного оленя. Вес до 150 кг. Самцы имеют большие ветвистые рога. Обитает в высокогорных лесах. В настоящее время находится на грани исчезновения, занесен в Международную Красную книгу.

Кобра — скорее всего, речь идет о виде *Naja kaouthla* семейства аспидовые (*Elapidae*). Яд кобры относится к категории нейротоксинов. Короткие ядовитые зубы неподвижно закреплены в верхней челюсти; чтобы поразить добычу, кобра должна вцепиться в нее и нанести несколько ран. Предупреждая об опасности, высоко поднимает переднюю часть тела и раскрывает устрашающий капюшон с характерным рисунком.

Козел домашний (*Capra hircus*) — распространен по всему земному шару. Одомашнен предположительно около 7 тыс. лет до нашей эры. Предком, вероятно, являлся бородатый козел (*C. aegagrus*), а возможно, также альпийский (*C. ibex*) и винторогий (*C. falconeri*) козлы.

Крысиная змея — местное название большеглазого полоза (*Ptyas mucosus*), крупной неядовитой змеи, обитающей в Южной Азии, на севере Туркмении, где изредка встречается в долине реки Мургаб.

Лангур, или гульман (*Presbytis entellus*), — обезьяна рода

тонкотелых, семейства мартышковых. Вес тела до 20 кг. Обитает в различных ландшафтах в Пакистане и Индии. Считается священным животным у индуистов, часто живет в городах и поселках. *Langoor* на хинди — длиннохвостый. Лангурами называют также некоторые другие виды рода тонкотелых обезьян и обезьян рода *Pygathrix*.

Лев (*Panthera leo*) — хищник семейства кошачьих. Масса тела взрослого льва от 180 до 230 кг. Шерсть короткая буровато-желтая, а у самцов шея, плечи и грудь покрыты длинношерстной гривой. В отличие от других представителей семейства, живущих в одиночку или, реже, парами, львы образуют группы (прайды) до 20 особей и более. Населяют Центральную Африку (африканский лев); небольшая популяция сохранилась в индийском штате Гуджарат в Гирских лесах (азиатский лев).

Леопард (*Panthera pardus*) — хищник весом до 100 кг, пятнистой, иногда черной окраски. Питается преимущественно копытными. В районах с высокой численностью тигров или львов активен по ночам, в других местах иногда и днем. Обитает в лесах, саваннах, горах, зарослях по берегам рек. Распространен в Африке и Азии. Сохранился в Туркмении, единичные экземпляры — на Кавказе, на юге Узбекистана, в России в Приморском крае. Занесен в Красную книгу. Случаи людоедства на территории бывш. СССР достоверно не отмечались.

Махсир, **индийский усач** (*Tor tor*) — рыба длиной до 1,5 м. Обитает в горных реках Северной Индии. Объект местного промысла.

Медведь гималайский (*Ursus thibetanus*) — черной, реже бурой окраски с белой полосой на груди. Обитает в горных лесах в Гималаях, Тибете, Восточной Азии, в Приморье, изредка на Памире. В северной части ареала зимой впадает в спячку. Берлога обычно в дупле крупного дерева.

Павлин обыкновенный (*Pavo cristatus*) — широко известен благодаря роскошному «хвосту» самцов, образованному удлиненными перьями надхвостья. Обитает в лесах Индии, Шри Ланки. В южных странах часто разводится как домашняя птица.

Сероу (*Capricornis sumatraensis*) — горная антилопа весом 75–140 кг, родственная горалу. Обитает на крутых горных склонах в Гималаях, в Восточной Азии, Японии.

Сом горный индийский (*Bagarius bagarius*) — крупная рыба, до 2 м длиной. Обитает в горных реках Индии и Сиама. Предпочитает места с быстрым течением, где удерживается, прикрепляясь к дну присоской.

Слон индийский (*Elephas maximus*) — второе по величине после африканского слона млекопитающее суши. Вес до 5 т.

Обитает в лесах от Пакистана до о-ва Суматра. Используется как верховой и рабочий скот. В неволе размножается очень плохо. Самцы в период гона могут представлять опасность для человека. В последние годы численность сильно сократилась. Занесен в Международную Красную книгу.

Тигр (*Panthera tigris*) — один из крупнейших хищников суши. Вес до 300 кг. Обитает в лесах, кустарниковых и тростниковых зарослях. Питается преимущественно копытными. Распространен в Южной и Юго-Восточной Азии, на Дальнем Востоке. В бывш. СССР ранее был широко распространен в низовьях Дона, Закавказья, Средней Азии, на юге и востоке Казахстана. В настоящее время сохранился только на юге Дальнего Востока. Занесен в Красную книгу. Тигр-людоед на территории бывш. СССР достоверно был отмечен один раз — убит около Тбилиси в 1907 году.

Фазан-калиджи — местное название индийского темноспинного серебряного фазана (*Gennaeus hamiltoni*), птицы яркой черно-белой окраски, величиной с крупную курицу. Обитает в лесах Северной Индии и Непала.

Хохлатый дронго — насекомоядная птица величиной с дрозда, обычно черной окраски, с удлиненным хвостом. Обитает в лесах и саваннах от Африки до Австралии.

Читал (*Chital*) — местное название оленя-аксиса (*Cervus axis*), весом до 100 кг. Животное имеет пятнистую окраску, обитает в лесах от Пакистана до Вьетнама. У самцов большие ветвистые рога. При опасности издает громкий свистящий звук.

ПЕРЕВОД АНГЛИЙСКИХ МЕР И КАЛИБРОВ РУЖЕЙ В МЕТРИЧЕСКУЮ СИСТЕМУ МЕР

Английская миля — 1609 м
Ярд — 91,439 см
Фут — 30,48 см
Дюйм — 2,54 см
Акр — 0,405 га
Фунт — 453,593 г

Автор упоминает об использовании различных видов оружия, отличия которых не всегда видны из контекста. В ряде случаев упоминается гладкоствольное охотничье ружье — дробовик, но в основном Дж. Корбетт применял нарезные двуствольные штуцера больших калибров или многозарядные винтовки (обычно пятизарядные). У штуцера оба ствола могут иметь одинаковый калибр или же различный, например 450/400. В книгах Дж. Корбетта перечислены следующие калибры нарезного оружия:

222 — 5,59 мм
240 — 5,99 мм
256 — 6,30 мм
275 — 6,98 мм
400 — 10,16 мм
405 — 10,28 мм
450 — 11,43 мм
500 — 12,70 мм
577 — 14,65 мм.

Примечания от выполнившего доработку

В электронное собрание «Все книги Джима Корбетта на русском языке» (в нескольких каталогах) входят пять из шести написанных им книг. Последний изданный посмертно труд («Tree Tops», 1955) на русский язык не переводился.

Перевод данной книги на русский язык публиковался четыре раза:

1959 г. — «Географгиз»;

1991 г. — «Тропа»;

1999 и 2002 гг. — «Армада-пресс» (она же «Дрофа»).

Выполнивший доработку располагал изданиями 1959 и 2002 гг.

Дополнительная корректура (ошибок было немного) проведена по изданию «Армада-пресс», 2002. В книге 1959 г. один из видов оленя назван «самбар», но более точное название — «замбар» (проверено по «Жизни животных», 1971). Это исправление в текст было введено уже редакцией 1991 г.

Отдельные абзацы в издании 2002 г. отличны от исходной версии, которая выполнена по изданию 1991 г. Последнее — единственное, в котором было предисловие редакции. В версии оно представлено, хотя это просто повтор сведений об авторе. Хронологическая ошибка в предисловии при перечислении трудов Дж. Корбетта исправлена.

Добавлены карта и послесловие профессора Г.П. Дементьева из издания 1959 г. (в последующих изданиях отсутствовали). Профессор Г.П. Дементьев — переводчик первой книги Дж. Корбетта на русский язык («Кумаонские людоеды»).

К сожалению, очерк профессора Г.П. Дементьева, как и в книге «Кумаонские людоеды», вновь не отвечает своему назначению. Основная часть посвящена узкому вопросу о биологии леопарда и его «оправданиям» (не бойтесь, дескать, в СССР леопарды не являются людоедами). Все это не имеет прямого отношения к труду Дж. Корбетта. Написать очерк можно было бы много лучше: от профессора ускользнули главные моменты драмы поединка с людоедом. Трудно представить себе, каким образом человек возрастом более 50-ти лет мог из месяца в месяц просиживать ночи напролет в засаде у трупов разнообразных жертв. Под дождем и ледяным ветром. Не имея нормального фонаря. При этом все время подвергаясь опасности, все время «на нервах», поскольку леопард *сам* выслеживал его. И

не раз, выйдя утром, Джим Корбетт находил у своей двери следы людоеда, который убил 125 человек… На огромной территории, несмотря на приводимый профессором Г.П. Дементьевым в качестве аргумента закон об ограничении пользования оружием, было много охотников и людей с ружьями. Но только весьма немолодой Джим Корбетт оказался последней надеждой затерроризированного населения… И т. д., и т. п. Прямо эпические картины, а вовсе не «*приятное и полезное чтение*», как утверждает профессор Г.П. Дементьев. Впрочем, вопрос с его очерками — дело прошлое. Однако обидно, что ни в одном из многочисленных изданий книг Дж. Корбетта на русском языке до сих пор никто не представил достойных сопроводительных материалов.

В книгу включены экспрессивные иллюстрации английского художника Раймонда Шеппарда (Raymond Sheppard). Они имеют самостоятельную значимость. Обнаружено, что в 1959 г. привели некоторые рисунки Р. Шеппарда, отсутствующие в издании 2002 г., и наоборот. Значительно более полным и качественным в этом смысле является последнее издание. Что же касается постперестроечного издания 1991 г., то, судя по одновременно вышедшим «Кумаонским людоедам», ничего нового там в смысле рисунков нет.

В версии представлена *вся* совокупность иллюстраций из изданий 1959 и 2002 гг.

Примечания редакции и переводчика 1959 г., воспроизведенные в более поздних изданиях.

Представленные после основного текста сведения о животных специфичны именно для данной книги (в оригинале 2002 г. был общий список для двух трудов в томе; проведена выборка). В издании 1959 г. сведения о животных отсутствовали. Они появились только в редакции 1991 г.

Оригинальная метка подраздела внутри одной из глав, обозначенная текстовым отступом, заменена на * * *.

OCR и корректура: AkapoStation, 2003 г.
Исходная версия: TXT
Форматирование, дополнительная корректура (с книгой) и иллюстрации:
Готье Неимущий (Gautier Sans Avoir). saus@inbox.ru
Март 2005 г.

Послесловие (1959 г.)

Вероятно, не всякий, кто прочтет эту книгу, — а она, конечно, найдет широкий круг читателей — знает о когда-то знаменитом Бомбоннеле, французском охотнике, известном в Алжире сто лет назад под прозвищем «Истребитель леопардов». Книга Бомбоннеля в какой-то мере предшественница книги Дж. Корбетта. Известны и рассказы об охоте на львов Жюля Жерара все там же, в Северной Африке.

Охота на больших зверей, в первую очередь хищников, будь это львы, тигры, леопарды, имеет в какой-то степени романтическую сторону. Тут много трудностей; нередко вполне реальна опасность. Каким же должно быть отношение человека к животным? В какой мере они мешают благополучию людей и поэтому заслуживают истребления? Должны ли мы вычеркнуть этих животных из числа обитателей земного шара? Не приносят ли они в конце концов какой-то пользы?

Человек давно знает так называемых «хищных» животных, но в своей научной и практической деятельности не выяснил еще окончательно их реального значения, разумных форм своего к ним отношения. Что такое «хищный»? Значит ли это «вредный»? И «вредный» в определенных местах или условиях, или повсюду?

Вот те вопросы, которые возникают при чтении предложенной вниманию читателя книги. Она, как и другая книга того же автора «Кумаонские людоеды», изданная Географгизом в 1957 году, в значительной степени дает на эти вопросы научно обоснованный ответ.

Леопарды, как и огромное большинство других животных, избегают встречи с человеком. Бомбоннель писал, что нераненый леопард нападает только на четвероногих. Но если за леопардом охотятся, его, так сказать, «прижали в угол», он делает все, чтобы устранить препятствия на пути отступления. Физические возможности у леопарда большие. Естественно, что раненные неопытным или неумелым охотником звери становятся опасными. Но есть ли это «нападение» леопарда на человека?

Как видно из книг Корбетта, могут наступить обстоятельства, когда хищные звери — леопарды, тигры, львы — «приучаются» нападать на человека, хотя, вообще говоря, даже самая его внешность, «двуногое» хождение и специфический запах не возбуждают у этих зверей (пищевых) рефлексов преследования добычи.

Зверь-людоед — редкое, однако реальное исключение из правила.

Преследование естественной добычи, в основном копытных животных, требует полных физических сил, так сказать — спортивной формы. Но когда леопард или другой хищник стал инвалидом со стертыми от старости когтями или зубами или у него засели иглы дикобраза, вызывающие серьезные болезненные явления, такой хищник не всегда может нападать на естественную добычу и неизбежно вынужден переходить на новые способы охоты. То же относится и к раненным на неудачной охоте хищным зверям. Следовательно, нападение на человека (а невооруженный человек — легкая добыча) — отклонение от нормы.

Возможно, что в «становлении» людоедов имеется и промежуточная стадия. В Индии существует термин, относящийся к леопардам — «деревенская пантера» (village panther). Эти звери уже не избегают человеческих поселений и соседства человека и привыкают кормиться домашним скотом. Появление таких необычных по поведению животных объясняется главным образом тем, что их естественная добыча — в первую очередь копытные звери — сильно истреблена человеком. Подобные «деревенские» хищники стали встречаться и в нашей стране, например в Туркмении. Там в послевоенные годы число горных копытных животных — архаров, козлов — резко сократилось. Это привело к тому, что участились нападения леопардов на домашних животных и некоторые леопарды уподобились «деревенским пантерам» Индии. Несмотря на утверждения старых авторов (Сатунин, 1915), раньше это явление не было известно или оно было редким исключением.

Наибольшее количество жертв хищных зверей (тигров и леопардов) указывалось обычно для Индии. Об этом свидетельствуют и книги Корбетта. История рудрапраягского леопарда — яркое тому подтверждение. Гибель людей от хищников в Индии весьма значительна или была значительной. Например, в Центральных Провинциях Индии и в Бераре от тигров и леопардов — в двадцатых годах текущего столетия — гибло ежегодно несколько сот человек. По всей Британской Индии[36] между 1915 и 1927 годами от хищных зверей гибло ежегодно около 2000 человек (максимальная цифра в 1923 году — 3605 человек). За это же время от укусов ядовитых змей число жертв достигло около 20 тыс. в год (максимум в 1915 году — 26.406 человек). Цифры, конечно, очень внушительные. Однако, по признанию Англо-Индийского правительства, с 1927 года собирание официальных статистических данных было прекращено, так как установили полную их недостоверность. Преувеличения, конечно, возможны, но тем не менее

существование в Индии леопардов и тигров-людоедов остается несомненным.

При оценке этого явления необходимо учесть и социальную сторону вопроса. После восстания сипаев в 1857 году пользование оружием для индийского населения было крайне ограничено. До самого ухода англичан из Индии действовал — с различными изменениями — акт о пользовании оружием в Индии (Indian armament act), по которому индийцам не разрешалось пользоваться не только нарезным, но и гладкоствольным огнестрельным оружием. Сельское население оставалось поэтому беззащитным против хищников.

Читателя, вероятно, заинтересует вопрос, как обстоит дело с нападениями леопардов на людей в нашей стране. Официальной статистики этих явлений не было и нет. В газетах и в особенности в охотничьих журналах подобного рода сведений приводится немало, но они относятся, как правило, не к нападению леопардов на человека, а к защите леопардов от нападающих на них охотников. Разумеется, это очень разные вещи. В научной же литературе очень немного, даже ничтожно мало, сообщений. Сведения сводятся в сущности к следующему. О Кавказе Радде[37] сообщает, что в Сочи зимой 1875 года леопард напал на спавшего на открытом воздухе человека и серьезно его поранил. По тому же автору, зимой 1881–1882 года около Маюр-туле в Грозненском округе леопард убил человека. Динник[38] пишет, что в девяностых годах недалеко от селения Пришибского леопард растерзал мальчика-пастуха. Обстоятельства этих нападений остались в сущности неизвестными. Новых достоверных сведений о неспровоцированных нападениях леопарда на людей на Кавказе нет. Не приводятся они и в наиболее полной сводке по млекопитающим СССР Огнева.[39] Таковы факты. И тем не менее один из известных русских зоологов Сатунин[40] писал: «Случаи нападения барса на людей нередки; весьма часты случаи нападения барса на людей без всякого с их стороны повода» (стр. 339). А несколько ниже, в той же книге (стр. 341): «Число нападений барсов на человека ничтожно… о настоящих барсах-людоедах у нас ничего не слышно». И там же вывод: «барса нужно признать в высшей степени вредным и опасным хищником». К сожалению, такие необоснованные, непоследовательные и превратные взгляды имели и имеют широкое хождение.

Леопард встречается в нашей стране еще в Средней Азии и на Дальнем Востоке. Достоверных сведений о нападении леопардов на людей в Средней Азии нет. Нет их и для Дальнего Востока. Известный рассказ Янковского[41] о том, что леопард в районе залива Посьета готовился напасть на рассказчика, ничем не

доказан; оказывается, леопард, преследуемый охотником, залег при его приближении, однако нападения со стороны зверя не было. Леопард был убит. Объективные выводы отсюда ясны.

Так обстоит дело с вопросом о «людоедстве» леопардов в нашей стране. По-видимому, этот вопрос должен быть решен отрицательно.

Несколько общих сведений о леопарде (*Felis pardus Linnalis*). Это широко распространенный в Азии и Африке вид крупных кошачьих. Леопарды из отдельных местностей сильно меняются — как по величине, так и по окраске — от очень крупных зверей, встречающихся у нас на Кавказе и в Средней Азии, до карликового сомалийского леопарда. Кавказские и среднеазиатские леопарды (*F. p. tulliana Valencienne*) на спинной стороне светлого песочно-сероватого цвета, а дальневосточные (*F. p. orientalis*) — яркого рыжевато-желтого (брюшная сторона у леопардов белая). Все леопарды имеют характерный пестрый рисунок из округлых черных пятен и «розеток». В Африке леопард распространен очень широко — от Алжира и Абиссинии до Южно-Африканского Союза (Капская Земля). В Азии леопард обитает в Аравии, Сирии, Иране, Средней Азии на западе и, избегая собственно Центральной Азии, в Китае, Малайе, Таиланде — на востоке. На юге в Азии он доходит до Цейлона, встречаясь почти везде в Индии (кроме северо-запада) и Бирме; обитает также на Суматре и Яве. Северные пределы распространения леопарда (не имеется в виду Африка) находятся в Советском Союзе — это Кавказ, Туркмения и Западный Таджикистан; Приморье и Приамурье, где леопард, по-видимому, живет до 45° северной широты. Леопард активен, за редкими исключениями, ночью и в сумерках. Основная его добыча — в первую очередь копытные звери, хотя он иногда охотится и на мелких животных, включая мышей, и на птиц. В Африке — на обезьян. В Средней Азии леопард живет в Больших Балханах, Копет-Даге, отрогах Паропамиза в Бадхызе и Карабиле, в юго-западном Таджикистане. На Дальнем Востоке — быть может, до Буреинских гор. В нашей стране на равнины леопард спускается от случая к случаю. Течка у леопардов на Кавказе бывает в конце зимы и ранней весной, на Дальнем Востоке, по-видимому, в январе. Беременность длится три — три с половиной месяца (судя по наблюдениям в зоопарках). В выводке бывает от двух до пяти котят.

Имеется очень немного наблюдений образа жизни леопарда в нашей стране. Они приведены в упомянутых выше работах Огнева, Динника, Сатунина и некоторых других. Эта недостаточность сведений объясняется в первую очередь тем, что

леопард у нас обитает у северной границы своего распространения; во-вторых, он, как правило, избегает близости человека, а тем самым не опасен для человека. Исключения из последнего правила понятны при чтении книги Корбетта.

Еще одно замечание. Международный союз охраны природы и ее ресурсов, состоящий из компетентных ученых разных стран, счел нужным привлечь внимание к вопросу об охране леопардов. Дело, разумеется, не идет об отказе борьбы с редкими случаями нанесения леопардами вреда не только для человека, но и для домашних животных. В пределах конкретно установленных случаев такого вреда борьба с хищником, несомненно, важна. Однако в общей форме выяснилось, что леопард уничтожает вредных в сельском хозяйстве животных — обезьян, копытных, в первую очередь диких свиней — и поэтому полезен. Эти соображения относятся к Африке, но могут иметь и более общее и широкое значение. Не принимать их во внимание — неразумно.

В заключение несколько сведений об авторе предлагаемой читателю книги. Джим Корбетт родился в 1875 году в Найни Тал в Индии, в предгорьях Гималаев. Там же учился в английских школах. В течение двадцати лет служил в Управлении индийских железных дорог. Во время первой мировой войны он командовал Семидесятым индийским вспомогательным соединением во Франции. Первого «людоеда» убил в 1907 году, но регулярно стал бороться с ними после выхода в отставку, с 1924 года. В дальнейшем охотился на «людоедов» как в Индии, так и в области Килиманджаро в Британской Восточной Африке. Популярность Корбетта среди местного населения бесспорна и огромна. Во время второй мировой войны он обучал Союзные войска действиям в «джунглях» — в Центральных и Соединенных Провинциях Индии. Подполковник в отставке. Переехал в Африку и жил в Найроби в Кении. Первое издание книги Джима Корбетта о рудрапраягском леопарде выпущено в свет Оксфордским университетом в 1948 году.

Говоря о самом Джиме Корбетте, существенно подчеркнуть, что в обоих вышедших на русском языке его произведениях автор вырисовывается перед читателем как подлинный гуманист, человек передовых воззрений. Особый интерес представляет его качество — умение любить и любоваться природой, а свой охотничий пыл свободно подчинять поклонению и уважению не только человеку, но и животному.

А вообще эта книга, кроме ее большого интереса, как приятного и полезного чтения, заставляет нас всех еще раз задуматься над вопросом о многообразии и сложности отношений человека к живой природе, о путях разумного,

рационального, перспективного ее использования.

Профессор Г.П. Дементьев

notes

Примечания

1

Индусы (индуисты) — последователи различных сект религии индуизма. (*Здесь и далее, если не указано другое — прим. ред.*)

2

Религиозный обряд.

З

Гурки (гуркхи) — собственно непальцы; группа консолидирующихся народов (кхасы, гурунги, магары и др.); населяют Центральный и Юго-Западный Непал и Северную Индию.

4

Венерин волос (*Adiantum capillus veneris*) — папоротник рода адиантум. Тонкие стержни листьев, блестящие и упругие, напоминают волосы, а изящная листва — женские кудри.

5

Патвари — должностное лицо, стоящее во главе патти, административной единицы, объединяющей несколько соседних деревень. В обязанности патвари входит регистрация всех случаев гибели людей от диких животных и ядовитых змей.

6

Довольно значительная часть населения Индии, не принадлежащая ни к одной из основных каст («вайшья» и «судра» — ремесленники и крестьяне, «кшатрия» — воины и купцы и «брахманы» — дважды рожденные).

7

Кальян — курительный прибор. Вдыхаемый дым пропускается через воду.

8

Гуджараты (гуджаратун) — одна из крупнейших и наиболее развитых в экономическом отношении наций Индии; основное население штата Гуджарат. Живут также в Пакистане.

9

Тропить (охотничье выражение) — идти за зверем по проложенному следу (тропе).

10

Садху (Sadhu) — аскет, или отшельник, часто в значении «святой».

11

Бхутиа (Bhootig) — по-видимому, здесь местное название планеты Меркурий, наиболее яркой звезды на небе Северной Индии в описываемое время — сентябрь — октябрь 1925 года. Может быть, еще звезда Регул из созвездия Льва, но она менее яркая. Также вполне возможно, что слово bhootig — нарицательное и сказано коробейником для обозначения путеводной звезды вообще.

12

Шикари (от индийского слова shikar — охота) — профессиональный охотник в Индии.

13

Салливен — композитор, Джильберт — либреттист, известные авторы многих оперетт и музыкальных комедий.

14

В издании 2002 г. всюду заменили «убитых» (как было в издании 1959 г.) на «жертв». Это не кажется правомерным, поскольку жертвами могут считаться и раненые. Оставлено как в оригинале перевода 1959 г. (*Прим. выполнившего доработку.)*

15

Суммарное количество жертв по деревням и по годам не совпадает: в первом случае на 4 больше (повтор названия «Камера» не ошибка — это две разные деревни). Но так в оригиналах перевода начиная с издания 1959 г. Вероятно, большее количество названий деревень состоит из двух слов, что в редакции пропустили. Интересующийся этим вопросом может сам сверить все по карте. Однако на карте есть пункты с жертвами, отсутствующие в списке. (*Прим. выполнившего доработку.*)

16

Обоняние у леопарда хуже, чем у большинства других хищников, но все же гораздо лучше, чем у человека.

17

Первая со времени прибытия автора на место действия.

18

Тамаша (Tamasha) — зрелище, спектакль (*на языке урду*).

19

То есть уехавшие по морю и тем самым теряющие принадлежность к касте. Восстановление в касте требует особых обрядов очищения и материальных затрат.

20

Махан — платформа из сучьев или досок, устраиваемая на дереве для охоты; у русских охотников — засидка, лабаз.

21

Dak-gharry — почтовый фургон.

Chota hazzi — легкое блюдо, которое едят спозаранку.

23

«*Скакун с побережья*» (Gulf Arab) — одна из лучших конских пород — «арабская лошадь с побережья Персидского залива».

24

«*Silex*» — фирма рыболовных снастей и охотничьих принадлежностей.

25

Мушмула германская, или обыкновенная (*Mespilus germanica*), — вид листопадных деревьев или кустарников семейства розоцветных, естественный ареал распространения — Балканский п-ов, Малая Азия, Иран, Кавказ, Крым, Туркмения. Как садовая культура распространена и за пределами естественного ареала.

26

Идти «челноком» (охотничье выражение) — способ передвижения охотника, когда он идет не по прямой линии, а заходами вправо и влево: зигзагами, подобно челноку ткацкой машины.

27

Иона (в данном случае) — человек, кого преследуют неудачи.

28

Итон — фешенебельная средняя школа для привилегированных классов в Англии.

29

Альбинос (от лат. *albus* — белый) — животное, лишенное окраски вследствие врожденного отсутствия пигмента меланина.

30

Cooee (английское написание) — куй — пронзительный зов, употребляемый обычно в странах, где распространены кустарниковые заросли.

31

Африди — группа пуштунских племен, живущих в Западном Пакистане.

32

Пармешвар, или Парамешвар, — общее наименование Бога — Господь Бог.

Порридж — каша из овсяных хлопьев.

Бхакти — набожный человек.

35

Способ измерения длины зверя «между колышками» (between pegs) считается более точным. Зверь при этом растягивается по земле, один колышек вбивается у переднего конца морды (носа), другой — у конца вытянутого хвоста, а расстояние между колышками измеряется по прямой. Другой способ — «по кривой» (over curves) — по спинной стороне зверя, от конца носа до конца хвоста, — считается менее точным.

36

Statistical Abstracts of British India, цитируется по книге B. Berg «Tiger und Mensch», 1935.

Г.И. Радде. Коллекция Кавказского музея, т. I. Зоология, 1899.

Н.Я. Динник. Звери Кавказа, 1914.

39

С.И. Огнев. Звери СССР и прилежащих стран, т. III, 1935.

К.А. Сатунин. Млекопитающие Кавказского края, т. I, 1915.

Янковский. Известия Восточно-Сибирского отдела Русского географического общества, 3/XII, 1882.